Кл 79/3

2122

Московскій Кремль

святыни

и

достопамятности.

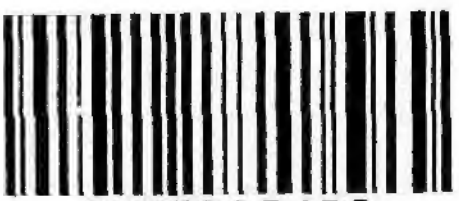
ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СОБОРОВЪ, ЦЕРКВЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ.

Составилъ И. К. Кондратьевъ.

ИЗДАНІЕ И. А. МОРОЗОВА.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1910.


2002000429

Напечатано на основаніи ст. 4-ой Устава о цензурѣ и печати, т. XIV Св. Зак., изд. о неповременной печати отъ 24 ноября 1905 г.

482-03

Кремль [1]).

Когда еще не былъ изобрѣтенъ порохъ и не было еще извѣстно огнестрѣльное оружіе, ни одинъ городъ, какъ вездѣ, такъ и у насъ на Руси, не строили безъ того, чтобы не укрѣпить какой-нибудь его части стѣной на случай нападенія непріятеля. Нынѣшнія грозныя крѣпости имѣютъ уже болѣе спеціальный и болѣе грозный характеръ. Тогда крѣпость имѣла болѣе простое назначеніе и также просто достигала своей цѣли, давая почти вѣрное убѣжище осажденнымъ, въ особенности если крѣпость имѣла еще наружный ровъ.

Будучи сперва простымъ селеніемъ, затѣмъ городомъ, Москва, однакожъ, долго не имѣла какого-либо укрѣпленія. По всей вѣроятности, ни Юрій (Георгій) Владиміровичъ Долгорукій, ни его наслѣдники, въ руки которыхъ переходила Москва, не считали ее настолько значительной, чтобы укрѣплять стѣнами. Можетъ-быть, это зависѣло и отъ того, что сами удѣльные князья въ ней не жили, за исключеніемъ Владиміра Всеволодовича, который имѣлъ въ ней для защиты свое войско и своего воеводу, но Москва все-таки укрѣпленія не имѣла.

Въ 1237 году, зимой, при томъ же князѣ Владимірѣ, Москва была разорена Батыемъ, при чемъ погибъ и храбрый защитникъ ея, воевода Филиппъ Нянька, а самъ князь былъ изгнанъ изъ Москвы братомъ своимъ Юріемъ (Георгіемъ) Всеволодовичемъ, великимъ княземъ Владимірскимъ.

---

[1]) Изъ книги „Сѣдая Старина Москва“, И. К. Кондратьева.

Кто послѣ этого, какъ удѣльный князь, владѣлъ Москвою въ теченіе девяти лѣтъ — неизвѣстно. Но въ 1246 году разоренная Москва перешла въ руки князя Михаила Ярославича, прозваннаго Храбрымъ. При немъ Москва быстро оправилась, и самъ Михаилъ былъ настолько силенъ, что выгналъ дядю своего, Святослава, изъ Владиміра и довольно счастливо воевалъ съ Литвою [1]).

По 1264 годъ Москва, вѣроятно, опять своего удѣльнаго князя не имѣла, такъ-какъ о таковомъ ни въ одной изъ лѣтописей не упоминается. Но въ этомъ году Москва досталась въ удѣлъ Младшему сыну св. князя Александра Невскаго, Даніилу, и этотъ князь, первый принявъ титулъ князя Московскаго, за три года до своей кончины, въ 1300 году, первый же положилъ и основаніе Кремлю. Высокій холмъ надъ Москвой-рѣкой, недалеко отъ впаденія въ нее рѣчки Неглинной, онъ обнесъ деревяннымъ палисадомъ, что, по всей вѣроятности, являлось уже крайней необходимостью и могло служить достаточною защитою отъ нападенія враговъ, окружавшихъ этотъ маленькій удѣлъ. А удѣлъ находился между Лопасней, Можайскомъ, Клиномъ, Дмитровомъ, Радонежомъ и Коломною, принадлежавшимъ къ чужимъ княжествамъ.

Въ настоящее время холмъ, на которомъ расположенъ Кремль, не представляется уже такимъ возвышеннымъ, какъ въ былыя времена, потому-что его нѣсколько разъ сравнивали и срывали. Въ глубокую старину онъ былъ покрытъ густымъ боромъ, шедшимъ черезъ нынѣшній холмъ Китай-города, и далѣе, гдѣ нынѣшнія Лубянка, Мясницкая, Покровка, вплоть до самаго бугра, на которомъ стоитъ Ивановскій монастырь.

Есть не мало данныхъ предполагать, что въ сумракѣ временъ давно прошедшихъ, далеко до построенія самой Москвы, Кремлевскій холмъ былъ уже заселенъ. Скорѣе всего, на немъ существовало городище, т.-е. богослужебное язы-

---

[1]) Михаилъ Ярославичъ былъ старшій сынъ великаго князя Ярослава II Всеволодовича и родной братъ св. князя Александра Невскаго.— Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Мих. Яр. называютъ первымъ княземъ Московскимъ. Онъ убитъ въ 1248 году въ бою съ Литовцами.

ческое капище, которыя, обыкновенно, устраивались въ такихъ именно мѣстностяхъ, при сліяніи двухъ рѣкъ. Городища эти строились преимущественно въ глухихъ лѣсахъ и окапывались нерѣдко земляным валомъ, чтобы, на случай опасности, оно могло укрыть мѣстное населеніе. Это подтверждается открытыми въ Кремлѣ же памятниками. При раскопкѣ земли, по случаю постройки Большого дворца, тамъ были найдены серебряные обручи, серьги и австрійскія монеты IX столѣтія. При введеніи христіанства, холмъ, вѣроятно, застроился владѣльцемъ окружныхъ земель, скорѣе всего боярином въ родѣ Степана Ивановича Кучко, которые жили независимо и привольно, не желая знать никакихъ князей-избранниковъ. Такъ, вѣроятно, дѣло шло до тѣхъ поръ, пока не появился въ этой мѣстности Юрій Долгорукій, который, «полюбя же вельми мѣсто сіе, заложилъ градъ и пребылъ тутъ строя, доколѣ бракъ Андреевъ совершилъ» [1]).

Каковъ именно былъ этотъ градъ, основанный Долгоруким,—неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что Юрій просто рѣшилъ быть на этомъ мѣстѣ граду, такъ-какъ черезъ эту мѣстность издавна лежала большая дорога изъ Кіева во Владиміръ, а еще болѣе потому, что поселеніе находилось на перекресткѣ торговаго сухопутнаго сообщенія Запада съ Востокомъ, гдѣ жило на Волгѣ богатое, торговое Болгарское племя.

Маленькое поселеніе, такимъ образомъ, обратило на себя вниманіе, и высокій холмъ надъ рѣкой, послѣдовательно, сдѣлался, по выраженію М. Погодина, корнемъ, зерномъ, сѣменемъ Русскаго Государства.

Но исторія этого «зерна», т.-е. исторія Москвы и ея постепеннаго усиленія и распространенія, начинается именно съ князя Даніила Александровича и именно съ того времени, какъ онъ положилъ основаніе Кремлю [2]).

---

[1]) Сына своего Андрея Юрьевича на Улитѣ, дочери боярина Кучко. Бракъ праздновался пять дней. Затѣмъ Юрій съ дѣтьми возвратился въ Суздаль.

[2]) Слово „Кремль“ до сихъ поръ не объяснено еще удовлетворительно. Нѣкоторые производятъ его отъ татарскаго слова „крѣпость“, а нѣкоторые отъ слова „кремень“ въ смыслѣ крѣпкій. Говорятъ, что въ началѣ

Намъ подлинно неизвѣстенъ образъ тогдашняго строенія крѣпостей, но, судя по оружію и образу войны, навѣрное можно сказать, что таковыя укрѣпленія строились просто квадратными. О башняхъ не упоминается, а если таковыя и дѣлались, то, можетъ быть, только для наблюденія за движеніемъ непріятеля, и были, такъ сказать, сторожевыми.

Мѣсто для Кремля было избрано весьма удобное и положеніе для открытой рукопашной силѣ превосходно: расположенный на высокомъ холмѣ,— къ югу онъ защищался Москвою рѣкою, къ западу и сѣверу топкою рѣкою Неглинной, а къ востоку, впослѣдствіи, искусственнымъ глубокимъ рвомъ, простиравшимся отъ рѣчки Неглинной до Москвы-рѣки.

Иванъ Даниловичъ Калита, послѣ двухъ пожаровъ (въ 1330 и 1337 гг.), когда, по извѣстію лѣтописи, сгорѣло 18 церквей, находившихся подъ Кремлевскою горою,—нашелъ необходимымъ обнести весь Кремль дубовыми стѣнами, заложенными 25 ноября 1339 года и оконченными къ великому посту слѣдующаго года [1]). Подъ городомъ Иванъ Калита построилъ Посады и Слободы, которые были заселены великокняжескими ремесленниками, что доказывается названіями: Гончарная, Кузнечная и т. д.

Въ 1365 году Кремль, Посады и Зарѣчье были опустошены страшнымъ пожаромъ, извѣстнымъ подъ именемъ Всесвятскаго, потому-что онъ начался съ церкви Всѣхъ святыхъ. Засуха и сильный вѣтеръ въ день пожара много способствовали распространенію огня. Головни и цѣлыя бревна съ огнемъ перекидывало черезъ десять дворовъ, и въ какіе нибудь два часа времени весь городъ сгорѣлъ до основанія, и никто изъ жителей не успѣлъ спасти своего имущества. Но городъ скоро застроился, и явилась необходимость обнести Кремль каменными стѣнами, потому-что, утверждая еди-

---

Кремль и назывался Кремникомъ, а не Кремлемъ. Кремль былъ еще извѣстенъ подъ названіемъ „дѣтинецъ“, что происходитъ отъ славянскаго слова „дѣдина“, т.-е. деревня, владѣніе, обиталище, дворъ дѣдича, отчинника, владѣльца, наконецъ мѣсто укрѣпленное.—Кремль имѣетъ въ окружности 2 версты и 40 саженъ.

[1]) Остатки этихъ стѣнъ, въ видѣ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, были найдены въ землѣ при стройкѣ Кремлевскаго дворца.

нодержавіе, великій князь пріобрѣталъ много враговъ среди князей, не желавшихъ ему подчиняться. Черезъ два года послѣ пожара, въ 1367 году, великій князь Димитрій Іоанновичъ, впослѣдствіи Донской, обнесъ Кремль каменными стѣнами съ башнями и желѣзными воротами: Никольскими, Флоровскими, Константино-Еленскими и Алексѣевскими. Съ западной стороны Кремля главными воротами были Боровицкія, отъ которыхъ шла большая улица, ведшая къ великокняжескому дворцу. Угольная башня противъ нынѣшняго Москворѣцкаго моста названа Свибловскою по имени одного изъ главнѣйшихъ бояръ при вел. кн., Ѳедора Андреевича Свиблы. Въ это время Москва раздѣлялась на Кремль, Посадъ, Загорье и Зарѣчье. Сынъ Димитрія Іоанновича, Василій I Дмитріевичъ, для большаго укрѣпленія Москвы, велѣлъ выкопать по восточной сторонѣ Кремля ровъ глубиною въ ростъ человѣка, а шириною въ сажень. При немъ Москва была раздѣлена, со станами и селами, на трети, и въ ней были уже слѣдующія улицы: Великая, шедшая отъ нынѣшняго Воспитательнаго дома, по берегу Москвы-рѣки, мимо Кремля, Варварская, Срѣтеиская и Арбатская (нынѣшняя Воздвиженка), и др.

Время, непрочность кирпичей и извести, употреблявшихся тогда, и неумѣнье еще строить съ надлежащею прочностью каменныхъ укрѣпленій, были причиною, что заложенный Димитріемъ Донскимъ Кремль, по прошествіи ста лѣтъ, приходилъ уже въ ветхость. Іоаннъ III, Васильевичъ, положившій прочное основаніе единодержавію и величію Россіи, перестроилъ и распространилъ Кремль и вообще первый занялся украшеніемъ Москвы. До него Москва, въ общемъ, представляла довольно бѣдный видъ, какъ единогласно свидѣтельствуютъ о томъ всѣ иностранцы, бывавшіе въ Москвѣ и оставившіе описанія своего пребыванія въ ней. Такъ-какъ свои мастера не имѣли достаточныхъ знаній, чтобы производить постройки, то великій князь, по совѣту жены своей Софіи, рѣшился выписать изъ Италіи болѣе свѣдущихъ строителей. Онъ поручилъ Семену Толбузину, своему послу въ Венеціи, поискать тамъ хорошихъ мастеровъ. Но никто не соглашался ѣхать

въ далекую и мало еще извѣстную Москву. Наконецъ, Толбузину посчастливилось найти одного зодчаго, который заявилъ себя уже тѣмъ, что выстроилъ въ Венеціи большую церковь и ворота, и который согласился ѣхать въ Москву за десять рублей жалованья въ мѣсяцъ, что составляло около двухъ фунтовъ серебра. Это былъ знаменитый Аристотель Фіоравенти. Онъ пріѣхалъ въ Москву съ сыномъ Андреемъ и ученикомъ. Найдя за Андроньевымъ монастыремъ хорошую глину, онъ сталъ дѣлать превосходные кирпичи. Онъ же первый употребилъ въ дѣло стѣнобитную машину и блокъ, которыхъ москвичи не видали у себя ранѣе. Аристотель былъ не только искуснымъ архитекторомъ, но зналъ еще и другія художества: лилъ пушки, и настолько умѣлъ ими управлять, что участвовалъ, по свидѣтельству лѣтописца, въ походѣ Ивана Васильевича на Тверь, находясь при орудіяхъ. Во время осады Новгорода, онъ построилъ подъ городищемъ мостъ на судахъ. Кромѣ того, онъ лилъ колокола и чеканилъ монеты [1]). Вслѣдъ за Аристотелемъ были приглашены въ Москву еще многіе другіе иноземные художники, производившіе различныя постройки и исправлявшіе прежніе соборы, церкви, зданія.

Новыя каменныя стѣны съ башнями были возведены, отступя отъ прежнихъ. Между стѣною и дворами было оставлено 109 саженъ, а церкви и дома, стоявшіе на этомъ пространствѣ, снесены. Петръ-Антонъ Фрязинъ въ 1485 году выстроилъ Свибловскую башню на Москвѣ-рѣкѣ и подъ нею вывелъ тайникъ. Затѣмъ, въ теченіе семи лѣтъ, онъ выстроилъ башни, или стрѣльницы: у Флоровскихъ, Никольскихъ, Боровицкихъ и у Константино-Еленскихъ воротъ, и стѣну отъ Свибловской стрѣльницы до Боровицкихъ воротъ и далѣе до Неглинной. Другой зодчій-иностранецъ, Маркъ Руфъ, построилъ стрѣльницу Беклемишевскую. Всѣ эти стрѣльницые соединены были толстою, вышиною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до трехъ саженъ, стѣною.—Страшный пожаръ въ 1493 году, внутри Клемля, сдѣлалъ въ немъ

[1]) До насъ дошли монеты того времени, съ надписью: „Aristoteles“.

и страшныя опустошенія. Сгорѣлъ новый дворецъ великокняжескій, оконченный года за два передъ тѣмъ, старый дворецъ, митрополичій дворъ, обрушилась церковь Іоанна Предтечи и Боровицкихъ воротъ, подъ которой хранилась казна великой княгини Софьи, и много другихъ зданій. Уцѣлѣли только соборы да Грановитая палата, выстроенная Маркомъ Руфомъ и Петромъ Фрязинымъ, получившая свое названіе отъ граненыхъ камней наружной стѣны. Великій князь, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, лично помогалъ разметывать строенія для прекращенія пожара. При этомъ погибло болѣе 200 человѣкъ, а также множество лошадей и другихъ животныхъ. Лѣтописцы говорятъ, что какъ Москва стала такого пожара еще не было. Самъ вел. кн. принужденъ былъ переѣхать временно за Яузу, и поселился на «крестьянскихъ дворахъ» у церкви св. Николая, что именовалась Подкопай. Черезъ шесть лѣтъ великій князь поручилъ Медіоланскому архитектору Алевизу построить каменный дворецъ на старомъ своемъ дворѣ у Благовѣщенія. Алевизъ употребилъ девять лѣтъ на построеніе дворца, но выстроилъ его основательно, сдѣлалъ подъ нимъ подвалы и ледники и провелъ каменную стѣну отъ дворца великокняжескаго до Боровицкой стрѣльницы. Во время постройки дворца вел. князь помѣщался въ деревянныхъ хоромахъ въ своемъ Кремлевскомъ дворѣ, а иногда на Воронцовомъ полѣ. Онъ не дожилъ до окончанія дворца. Надо замѣтить, что построеніе церквей и палатъ хотя и было поручаемо иностраннымъ художникамъ, но живопись, особенно церковная, оставалась въ рукахъ русскихъ художниковъ.

Преемникъ Іоанна III Васильевича, Василій Іоанновичъ, былъ первымъ вполнѣ самостоятельнымъ государемъ московскимъ. Въ самомъ началѣ своего княженія онъ достроилъ въ Кремлѣ каменный дворецъ, начатый отцомъ его, и перешелъ въ него жить 7 мая 1508 г. Онъ великолѣпно отдѣлалъ дворецъ и, кромѣ того, выстроилъ въ Кремлѣ на прежнихъ мѣстахъ нѣкоторыя новыя каменныя церкви. Ровъ, идущій вокругъ Кремля, велик. князь велѣлъ мастеру Алевизу Фрязину обложить камнемъ

и кирпичемъ, и выкопать при впаденіи Неглинной въ Москву-рѣку, за Боровицкими воротами, прудъ, названный Лебединымъ. На этомъ прудѣ была поставлена каменная мельница и вода изъ него проводилась во рвы.

Въ первыя годы царствованія Іоанна IV Васильевича, впослѣдствіи прозваннаго Грознымъ, ужасающій пожаръ снова опустошилъ кремль [1]). Пожаръ начался съ церкви Воздвиженья на Арбатѣ (теперешней Воздвиженкѣ). При сильномъ вѣтрѣ огонь быстро распространился вплоть до Москвы-рѣки, у Семичевскаго сельца, гдѣ теперь церковь Успенія на Остоженкѣ. Отсюда огонь былъ занесенъ бурею въ Кремль, гдѣ загорѣлся Успенскій соборъ, царскій дворецъ, Казенный дворъ и Благовѣщенскій соборъ. Царь съ супругою Анастасіею, братомъ и боярами вынужденъ былъ выѣхать въ село Воробьево. Митрополитъ Макарій едва не задохнулся отъ дыма въ Успенскомъ соборѣ, спасая образъ Богоматери, написанный св. митрополитомъ Петромъ [2]). Владимирскую икону Божіей Матери хотѣли тоже вынести изъ церкви, но не могли сдвинуть ее съ мѣста, и потому оставили въ соборѣ: она не была повреждена огнемъ. Макарій ушелъ на городскую стѣну, но и тамъ задыхался отъ дыма. Его стали спускать на веревкахъ съ тайника башни къ Москвѣ-рѣкѣ, но канатъ оборвался, митрополитъ упалъ и сильно расшибся при паденіи. Едва живого его свезли въ Новоспасскій монастырь. Въ кремлѣ сгорѣли почти всѣ дворцовыя зданія, Чудовъ и Вознесенскій монастыри, Оружейная палата съ оружіемъ, Постельная палата съ казною и Митрополичій дворъ. Во многихъ каменныхъ церквахъ сгорѣли иконостасы и имущества частныхъ людей, которое еще пряталось въ то время при церквахъ. Ужасный пожаръ захватилъ и другія мѣстности Москвы. Народъ приписывалъ этотъ пожаръ дѣйствію волшебства. Подъученный боярами, ненавидившими Глинскихъ, родственниковъ царя по матери Еленѣ Глинской, народъ обвинялъ въ немъ царскихъ любимцевъ.

---

[1]) 21-го іюня 1547 г.
[2]) Макарій сост. митрополитомъ съ 1543 по 1564 годъ.

Первымъ былъ убитъ князь Юрій Глинскій, спрятавшійся было въ Успенскомъ соборѣ. Черезъ три дня послѣ этого бунтующій народъ устремился на Воробьево, требуя отъ царя всѣхъ Глинскихъ. Царь велѣлъ схватить зачинщиковъ и казнить. Остальные разбѣжались. Пожаромъ этимъ, казавшимся карой Божіей, воспользовался извѣстный пресвитеръ Благовѣщенскаго собора, Сильвестръ, по происхожденію новгородецъ, чтобы подѣйствовать на совѣсть царя, проявившую уже страшную жестокость. Какъ извѣстно по исторіи, слова Сильвестра сильно подѣйствовали на царя, и съ этой минуты царь весь предался своему новому наставнику, найдя въ немъ какую-то сверхъ-естественную силу. Помощникомъ и единомышленникомъ Сильвестра сдѣлался Алексѣй Адашевъ, еще юноша, бывшій въ приближеніи у царя.—Вернувшись послѣ пожара въ обгорѣлый Кремль, царь нѣсколько дней провелъ въ уединеніи, потомъ созвалъ святителей, покаялся передъ ними въ своихъ грѣхахъ и причастился св. Таинъ. Немедленно было приступлено къ исправленію поврежденій, причиненныхъ пожаромъ: отстроенъ Успенскій соборъ, исправленъ дворецъ, обновлена Грановитая палата, которая стала называться еще и Большой Золотой Палатой. Верхи Успенскаго собора были покрыты вызолоченными мѣдными листами, а мощи св. Петра Митрополита, стоявшіе во время передѣлки въ Чудовомъ монастырѣ, переложены изъ серебряной въ новую золотую раку.

При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ Кремлѣ считалось 35 церквей, а во всемъ городѣ болѣе 400-тъ. Царь Борисъ Годуновъ произвелъ не мало новыхъ построекъ въ Кремлѣ, между прочимъ выстроилъ для себя большія каменныя палаты, гдѣ передъ тѣмъ были хоромы царя Ивана. Эти палаты существовали до начала нынѣшняго столѣтія и находились противъ келій Чудова монастыря, гдѣ теперь казармы.

Послѣ смутнаго времени, времени самозванцевъ и вторженія въ Москву поляковъ и литовцевъ, изгнанныхъ княземъ Пожарскимъ, Кремль найденъ былъ въ ужасномъ состояніи: въ церквахъ все было ободрано, раки святите-

лей, золотыя и серебряныя, были разсѣчены поляками на части и раздѣлены между собою, образа порублены, вездѣ была страшная нечистота, а въ чанахъ, мѣстами, найдена была приготовленная пища изъ человѣческаго мяса. Все это было дѣломъ шайки поляковъ, запершейся въ Кремлѣ подъ начальствомъ Николая Струса.

По словамъ Адама Олеарія, Голштинскаго ученаго, который посѣтилъ Москву два раза, въ 1634 и 1636 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, большую часть Китай-города занималъ тогда Кремль, обведенный толстой каменной стѣной. Внутри этихъ стѣнъ, продолжаетъ сообщать Олеарій, находится много богатыхъ каменныхъ зданій, палатъ и церквей, занимаемыхъ и посѣщаемыхъ великимъ княземъ, патріархомъ, важнѣйшими государственными совѣтниками и боярами. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ выстроилъ великолѣпный дворецъ и каменныя палаты въ итальянскомъ вкусѣ для своего сына [1]) *но самъ жилъ, ради здоровья, въ деревянномъ дворцѣ. Патріархъ тоже выстроилъ для своего помѣщенія великолѣпный дворецъ, который немногимъ хуже великокняжескаго. Въ Кремлѣ два монастыря, мужской и женскій, и до 50-ти церквей, главы которыхъ покрыты гладкой, крѣпко вызолоченной, жестью, которая при солнечномъ свѣтѣ ярко блеститъ и тѣмъ придаетъ всему городу великолѣпный видъ. На самой срединѣ Кремлевской площади стоитъ чрезвычайно высокая колокольня со множествомъ колоколовъ, называемая Иванъ Великій, глава которой тоже облита золоченой жестью. Рядомъ съ нею стоитъ другая колокольня, на которой помѣщается самый большой колоколъ, вылитый при Борисѣ Годуновѣ. Въ этотъ колоколъ звонятъ въ большіе праздники, а также при встрѣчѣ великихъ пословъ и пришествіе ихъ на торжественное представленіе. Для звона въ этотъ колоколъ употребляются 24 человѣка, и даже болѣе, которые стоятъ на площади внизу, и, ухватившись за небольшія веревки, привязанныя къ двумъ длиннымъ канатамъ, висящимъ по обѣимъ сторонамъ колокольни,*

[1]) Въ 1636 году.

звонятъ такимъ образомъ поочередно то съ одной, то съ другой стороны, наблюдая большую осторожность, чтобы не произвести сотрясенія колокольни, отчего она могла бы разрушиться. Для той же цѣли на верху, у самаго колокола, стоятъ нѣсколько человѣкъ, которые помогаютъ приводить въ движеніе языкъ колокола. Въ Кремлѣ же находятся великокняжескія казнохранилища и продовольственные и пороховые дома».

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, застроиваемый внутри Кремль, снаружи оставался въ прежнемъ видѣ. Передѣланы были только Флоровскія ворота, о которыхъ далѣе будетъ особая статья.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича была выстроена въ Кремлѣ Крестовая палата Патріаршаго дома, набережныя хоромы иконнаго терема и Потѣшный дворецъ. Указомъ 1657 года было запрещено погребать въ Кремлѣ усопшихъ, а до тѣхъ поръ при Кремлевскихъ церквахъ находились кладбища, огороженныя надолбами и заборами. Кромѣ царскихъ дворцовъ, приказовъ, аптекъ и др. казенныхъ зданій, въ Кремлѣ въ это время помѣщались и палаты бояръ и духовныхъ лицъ. Изъ боярскихъ дворовъ извѣстны: Трубецкого, Одоевскаго, Голицына, Милославскаго, Морозова, Шереметева, Черкасскаго, Стрешнева и др. Однакожъ деревянныхъ строеній было больше, чѣмъ каменныхъ, потому-что москвичи предпочитали въ то время для житья деревянныя хоромы и брусяныя избы каменнымъ палатамъ. Улицы тоже были вымощены брусьями и досками. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а затѣмъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ, въ Кремлѣ были разбиты два сада, верхній и нижній, по скату Кремлевской горы, въ которыхъ были пруды, выложенные свинцовыми досками, водометы и оранжереи съ рѣдкими иностранными растеніями и плодовыми деревьями. У Боровицкихъ воротъ, на Неглинной, былъ разбитъ плодовый царскій садъ, въ которомъ даже имѣлись виноградныя лозы, лимонныя, лавровыя и фиговыя деревья, а въ царскомъ теремѣ былъ сдѣланъ комнатный садъ. Кромѣ того, царскіе сады были на

Царицыномъ лугу, гдѣ нынѣшняя Болотная площадь [1]) близъ Нѣмецкой слободы, и въ селѣ Измайловѣ.

Страшное несчастіе, въ видѣ чумы, охватило Москву и ея окрестности въ сравнительно счастливое царствованіе Алексѣя Михайловича [2]). Царь въ это время, послѣ удачнаго похода противъ Польши, находился въ Вязьмѣ. Никакія мѣры противъ ея распространенія не помогали. Подъ смертною казнію было запрещено сообщеніе между зараженными и незараженными деревнями. Зараженныя деревни оцѣплялись стражею, которая никого не пропускала и раскладывала частые огни вокругъ поселеній. Царское семейство, затѣмъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ Никономъ, помѣстилось въ Калязинскомъ монастырѣ. Грамоты, присылаемыя туда изъ Москвы, тщательно окуривались. Ужасны были извѣстія, сообщаемыя этими грамотами: въ нихъ говорилось, что почти вся Москва вымерла, въ лавкахъ никто не сидитъ, преступники изъ тюремъ разбѣжались, множество дворовъ разграблено, и остановить грабежа некому. По списку, сдѣланному царскимъ намѣстникомъ, княземъ Пронскимъ, всего умерло 400,800 человѣкъ. Самъ Пронскій, наконецъ, сдѣлался жертвою моровой язвы, а равно и три митрополита, присланные вмѣсто себя Никономъ. Множество труповъ валялось по улицамъ Москвы и по ея домамъ, и голодные псы и свиньи рвали ихъ на клочки. Дошло до того, что уже не хватало гробовъ для покойниковъ, и ихъ не успѣвали даже хоронить съ обычными обрядами, а рыли просто огромную яму, и сваливали туда тѣла. Тогда отъ царя присланъ былъ въ Москву приказъ запереть всѣ ворота въ Кремлѣ, оставивъ только калитку на Боровицкій мостъ, но и ту запирать на ночь. Осенью болѣзнь начала ослабѣвать, а начавшіеся морозы въ декабрѣ и совсѣмъ прекратили бѣдствіе. Весь Кремль, по случаю смерти дворцовыхъ людей, занесло снѣгомъ. Только въ февралѣ слѣдующаго года царь пріѣхалъ въ Москву.

---

[1]) Болотной площадью ее начали называть съ 1845 года.
[2]) Въ 1654 году.

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ московскія церкви стали раздѣляться на сорока или заказы [1]). Сороковъ было шесть: Китайскій, Пречистенскій, Никитскій, Срѣтенскій, Ивановскій и Замоскворѣцкій. Въ 1-мъ сорокѣ было 136 церквей, и, кромѣ того, не считавшихся въ этомъ сорокѣ, 33. Во 2-мъ 210. Въ 3-мъ 176. Въ 4-мъ 150. Въ 5-мъ 117. Въ 6-мъ 44, да придѣльныхъ и домовыхъ церквей 87, итого во всѣхъ сорокахъ 963 церкви, въ томъ числѣ во имя св. Николая чудотворца церквей соборныхъ, монастырскихъ, придѣльныхъ и домовыхъ 128-мъ.

Благодаря проискамъ царевны Софіи, желавшей по смерти брата Ѳеодора захватить въ руки власть, Кремль видѣлъ въ своихъ стѣнахъ мрачныя буйства стрѣльцовъ, разразившіяся многими убійствами: стольника Салтыкова съ отцомъ, боевого воеводы Ромодановскаго, любимца Царя Ѳеодора, Языкова, доктора Гадена, Ивана и Афанасія Нарышкиныхъ, и, наконецъ, знаменитаго Артамона Сергѣевича Матвѣева, родственника царицы Натальи Кирилловны.

Въ Кремлѣ же, въ Грановитой Палатѣ, произошелъ 5-го іюля 1682 года и безобразный споръ раскольниковъ съ православными, коноводомъ котораго былъ растрига Никита пустосвятъ, вскорѣ затѣмъ казненный. Въ той же Палатѣ, при правительницѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, торжественно были принимаемы послы польскіе и шведскіе, а въ 1686 году москвичи впервые увидали царевну Софью, участвовавшую въ торжественномъ шествіи государей Ивана и Петра Алексѣевичей по случаю перенесенія мощей святителя Алексія изъ церкви Архангела Михаила въ новую церковь во имя того же святителя въ Чудовомъ монастырѣ. Это было не въ обычаѣ того времени: въ подобныхъ случаяхъ, т. е. въ подобныхъ всенародныхъ шествіяхъ, даже царицы никогда прежде не участвовали. При большомъ звонѣ во всѣ колокола Софья вышла вмѣстѣ съ обоими государями изъ дворца и прошла съ ними въ Чудовъ монастырь. Здѣсь она стояла во время службы подлѣ нихъ,

---

[1]) Заказчиками назывались благочинные.

а когда цари понесли угодника вмѣстѣ съ патріархомъ, она одна изъ всего царскаго семейства слѣдовали за ними. Съ этихъ поръ она не пропускала уже ни одного торжества или крестнаго хода, чтобы не показаться народу. Этимъ она старалась достичь того, чтобы народъ привыкалъ смотрѣть на нее, какъ на свою царицу.

Великое царствованіе Петра придало Кремлю новый величавый характеръ. Стирая съ лица земли все негодное, старое, отжившее свой вѣкъ, онъ очистилъ Кремль отъ загромождавшихъ его частныхъ домовъ, находившихся между Никольскими и Троицкими воротами, по обѣимъ сторонамъ улицы, до ограды Чудова монастыря и до Кремлевской стѣны у Вознесенскаго монастыря. При этомъ были сломаны дворы князя Одоевскаго, кравчаго Салтыкова, и взята земля, бывшая подъ дворомъ боярина Стрѣшнева. Кромѣ того, разобраны Сахарныя палаты, гдѣ былъ первый сахароваренный заводъ [1]). Тутъ начата постройка Арсенала. При Петрѣ же, указомъ 1705 года, велѣно вмѣсто деревянныхъ мостовыхъ дѣлать въ Кремлѣ, въ Китаѣ и на большихъ улицахъ мостовыя изъ дикаго камня.

Въ послѣдующія царствованія были окончены въ Кремлѣ постройки, начатыя Петромъ, произведены новыя, и старый Кремль явился какъ бы въ обновленномъ видѣ, чистый сіяющій, священный. Не одолѣлъ его даже своими силами великанъ своего вѣка—стопобѣдный Наполеонъ. Въ безсильной злобѣ взорвалъ онъ Кремлевскую стѣну—ребро груди Москвы бѣлокаменной—и нагло писалъ Императору Александру: «Твоего Кремля нѣтъ,—покорись!»—«Отпущу бороду по-поясъ и отступлю за Волгу и Уралъ, но не покорюсь врагу!» отвѣтилъ Бѣлый царь могучаго народа,—и несмѣтныя силы гордаго пришельца растаяли, какъ воскъ предъ лицомъ огня, подъ дыханіемъ народнаго мщенія. Такъ дохнула Москва—и за ней вся Россія!

Кремль ужъ болѣе не видалъ въ нѣдрахъ своихъ врага!

---

[1]) Указъ 1701 года.

Кремлевскіе соборы.

Успенскій соборъ.

Основаніе сему знаменитому храму положено 4 августа 1326 г. Когда Іоаннъ Калита сдѣлалъ Москву своею столицею, то св. митрополитъ Петръ перенесъ сюда изъ Владиміра свой престолъ, и посовѣтовалъ великому князю построить храмъ въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы.

Іоаннъ Даниловичъ съ радостью принялъ совѣтъ св. Петра, — и церковь Успенія Богородицы была заложена немедленно. Въ построеніи церкви святитель принималъ участіе и совѣтами и собственными трудами, но не дожилъ до окончанія постройки: онъ скончался черезъ 4 мѣсяца и 17 дней послѣ закладки храма, и былъ положенъ въ каменномъ гробѣ, имъ самимъ вытесанномъ во вновь созидаемомъ храмѣ.

Храмъ Успенія былъ оконченъ черезъ 7 мѣсяцевъ, и освященъ Ростовскимъ епископомъ Прохоромъ 4 августа 1327 г.

Въ такомъ видѣ храмъ существовалъ 145 лѣтъ.

Занявшись украшеніемъ Москвы, вел. кн. Іоаннъ III-й прежде всего обратилъ вниманіе на соборный храмъ Успенія. Соборъ былъ тѣсенъ и ветхъ. Поэтому, въ 1472 году, соборъ былъ разобранъ до основанія, причемъ, при разборкѣ, были обрѣтены мощи св. Петра нетлѣнными. Мощи на время стройки перенесли въ церковь прп. Іоанна Лѣствичника, «что подъ колоколы», а затѣмъ, черезъ 7 лѣтъ,

по окончаніи постройки соборо, снова возвратили ихъ на прежнее мѣсто.

Новый храмъ былъ заложенъ 30 апрѣля того же 1472 года митрополитомъ Филаретомъ I-мъ въ присутствіи великаго князя. Храмъ былъ заложенъ обширнѣе и во всемъ подобный Златоверхому Богородицкому храму во Владимірѣ-Залѣсскомъ, въ которомъ еще только за 40 лѣтъ предъ тѣмъ *совершался* торжественный обрядъ возшествія на престолъ великихъ русскихъ князей [1]).

Митрополитъ Филиппъ назначилъ сборъ на построеніе храма съ духовенства и монастырей, при чемъ бояре и гости (купцы) присоединяли свои приношенія. Изъ Пскова были выписаны мастера—Кривцовъ и Мышкинъ, которые взялись выстроить соборъ.

Постройка собора продолжалась два года и даже начаты были своды, но соборъ ночью 21 мая 1474 года неожиданно обрушился. Тогда-то великій князь, по совѣту супруги своей Софіи, рѣшился выписать изъ Италіи болѣе свѣдущихъ строителей. Пріѣхалъ болонецъ Аристотель Фіоравенти, и въ 1475 году началъ постройку собора, окончивъ его въ 1479. 12 августа того же года храмъ былъ освященъ митрополитомъ Геронтіемъ. Великій князь роздалъ въ этотъ день богатую милостыню во всемъ городѣ и семь дней праздновалъ это событіе, угощая духовенство и бояръ на великокняжескомъ дворѣ. Художники: Діонисій попъ, Тимофей Ярецъ и Коня расписывали внутренность собора. О возобновленномъ храмѣ современный лѣтописецъ сказалъ: «Бысть же та церковь чудна вельми, величествомъ и высотою и свѣтлостію и пространствомъ; такова же прежде того не бывало въ Руси, опричь Владимірскія церкви».

При древнемъ, первоначальномъ соборѣ, было три придѣла: а) Поклоненія веригамъ св. апостола Петра, устроенный въ 1328 году въ возблагодареніе Богу за усмиреніе Пскова; *б) Великомученика Дмитрія Солунскаго,* и в) Похвалы Пресвятыя Богородицы, называемый въ Ма-

[1]) Сооруж. кн. Андр. Юрьев. Боголюбскимъ во 2 полов. XI в.

ковцѣ. Придѣлъ этотъ сдѣланъ св. митрополитомъ Іоною въ благодарность за избавленіе Москвы отъ нашествія татаръ въ 1425 году, подъ предводительствомъ Седи-Ахмета, при великомъ князѣ Василье Васильевичѣ Темномъ. Придѣлы эти оставлены и при построеніи новаго собора; но при Петрѣ Великомъ придѣлъ Поклоненія веригамъ св. апостола Петра переименованъ въ честь св. апостоловъ Петра и Павла. По правую сторону главнаго алтаря, близъ ризницы, былъ еще придѣлъ во имя св. Филиппа митрополита, устроенный, вѣроятно, по принесеніи сюда мощей его; но онъ упраздненъ.

Наружный видъ собора замѣчателенъ своею массивностью и изящной простотою. Архитектура его Византійская, смѣшанная съ Ломбардо-Венеціанскою. Онъ имѣетъ вышины 18 саж., длины 17 и шир. 11 саж. Форма куполовъ индійская. Окна его, весьма узкія, помѣщены высоко отъ земли; стѣны гладкія, кромѣ пояска, состоящаго изъ небольшихъ полуколоннъ. Вокругъ трехъ входныхъ дверей, имѣющихъ характеръ готическихъ порталовъ, написаны иконы угодниковъ Божіихъ: надъ сѣвернымъ входомъ—Ростовскихъ, надъ южнымъ—Московскихъ, а около западныхъ дверей—Кіево-Печерскихъ. Надъ алтарями же, въ полуциркульныхъ впадинахъ, помѣщены три огромные образа: Сынъ во славѣ Отчей, Софіи Премудрости Божіей и Печерской Богородицы. Два послѣдніе образа знаменуютъ Новгородъ и Кіевъ, присоединенные къ Московскому государству. Южный входъ, съ чугунной папертью, или по старинному, рундукомъ, гдѣ царей, послѣ вѣнчанія на царство, осыпали деньгами, назывался въ древности Красными дверьми.

Успенскій соборъ нѣсколько разъ подвергался случайнымъ поврежденіямъ. Такъ, въ 1492 году, 15 іюля, отъ удара молніи, въ соборѣ случился пожаръ, послѣ котораго онъ немедленно былъ исправленъ. Въ 1547 году, въ общій Московскій пожаръ, сгорѣлъ верхъ собора. Вскорѣ по возобновленіи, въ сентябрѣ 1550 года, царь Іоаннъ Васильевичъ IV-й велѣлъ всю его кровлю и главы обложить

вызолоченными мѣдными листами. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ своды дали трещины.

При Императрицѣ Екатеринѣ II-й, въ 1773 году, сдѣлано послѣднее возобновленіе (иконописаніемъ) собора [1]).

Первое, *велелѣпное*, какъ говорятъ лѣтописи, украшеніе собора сдѣлано въ 1514 году по повелѣнію вел. кн. Василія Іоанновича. Стѣны и столпы собора украшены были иконописаніемъ, альфреско, по золотому полю. При исправленіи сводовъ собора, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ возобновить живопись, но съ большимъ противу прежняго великолѣпіемъ. Возобновленіе это произведено было съ успѣхомъ Псковскимъ иконописцемъ Иваномъ Паисеномъ въ теченіе 1642 и 1644 годовъ, при чемъ возобновленное иконописаніе не отличалось нисколько отъ стараго, такъ-какъ со стараго съ особенной тщательностью снималось на листы. Возобновленіе совершалось подъ наблюденіемъ боярина Бориса Рѣпнина, стольника Григорья Пушкина и дьяка Степана Угодскаго. Золота на возобновленіе употреблено было 210,100 листовъ, цѣною на 1721 червонцевъ, или около 20 тыс. руб. на наши деньги. По сдѣланной тогда смѣтѣ, внутренность храма заключала въ себѣ 1008 квадр. саженъ, изъ коихъ на каждую полагали по 700 листовъ золота большой мѣры. Хотя на это новое расписаніе собора и указалъ государь брать деньги изъ Печатнаго и Монетнаго дворовъ, а также и изъ приказа Казанскаго дворца, однако же участвовали во вкладѣ и два частныхъ лица: патріархъ, давшій 1000 червонцевъ, и торговый человѣкъ Толечовъ—164 червонца.

Иконостасъ собора—во всю вышину его и совершенно прямой. Огромный, съ серебряными царскими вратами, онъ изображаетъ церковный символизмъ, свойственный древнимъ христіанскимъ храмамъ, или полную идею Вселенской Церкви — союзъ Стараго Завѣта съ Новымъ. Въ немъ пять ярусовъ. Первый состоитъ изъ иконъ древнихъ Праотцовъ и Патріарховъ, среди коихъ Господь Саваоѳъ съ Предвѣчнымъ Словомъ, прежде вѣкъ рожденнымъ. Вто-

---

[1]) Послѣ 1812 г. стѣнопись поправлена, еще раза два.

рой представляетъ Ветхозавѣтную Церковь и лики Пророковъ отъ Моисея до Христа съ хартіями ихъ пророчествъ, окружающихъ икону Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ лонѣ Ея. Третій, меньшаго размѣра, вмѣщаетъ всѣ церковные праздники и Евангельскія событія. Въ четвертомъ изображена полная христіанская Церковь, гдѣ Спаситель представленъ уже въ образѣ Великаго Архіерея сидящаго на престолѣ, съ предстоящими Ему Матеріею, Предтечею и Апостолами. Въ нижнемъ, или пятомъ ярусѣ, иконостасъ имѣетъ иконы, великолѣпно и богато украшенныя, какъ предметы ближайшаго чествованія, драгоцѣнные, кромѣ святыни, и въ археологическомъ отношеніи. Тутъ собраны московскими Единодержавцами иконы удѣльныхъ княженій—Владиміра, Новгорода, Пскова, Смоленска, по мѣрѣ соединенія удѣловъ въ одно цѣлое великое государство.

Первымъ и важнѣйшимъ изъ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть чудотворная Владимірская икона Божіей Матери. По преданію, икона писана св. Евангелистомъ Лукою еще при жизни Пресвятыя Дѣвы, и прежде называлась Пирогощею. Существуетъ предположеніе, что она названа Пирогощею потому, что привезена изъ Царьграда въ Кіевъ гостемъ Пирогощею. Въ 1154 или 1160 году, св. князь Андрей Боголюбскій, испросивъ согласія отца своего кн. Юрія Долгорукаго, взялъ икону изъ Богородицкаго монастыря, существовавшаго въ Вышгородѣ, близъ Кіева, украсилъ ризу ея драгоцѣнными каменьями, жемчугомъ и золотомъ, котораго по словамъ лѣтописцевъ, употреблено болѣе 30 гривенъ, и перенесена во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ она и находилась въ Успенскомъ Златоверхомъ соборѣ, получивъ названіе Владимірской, до 1395 года. Въ это время великій князь Василій Димитріевичъ, опасаясь приближенія татарскихъ войскъ подъ начальствомъ Тамерлана, повелѣлъ принести св. икону въ Москву, которая предстательствомъ Богородицы и избавлена отъ враговъ. Икона хранится по лѣвую сторону Царскихъ вратъ въ большомъ неподвижномъ, серебряномъ, вызолоченномъ кіотѣ, и обложена золотою ризою, съ изумрудами, алма-

зами и крупнымъ жемчугомъ. Всѣ украшенія иконы цѣнятся болѣе 200 т. р., но не составляютъ древности.

На этой же сторонѣ (на лѣвой) находятся замѣчательные образа. 1) Всемилостиваго Спаса, превосходнаго греческаго письма, принесенная сюда изъ Владиміра Залѣсскаго въ 1518 году, по повелѣнію великаго князя Василія Іоанновича, и подновленная въ 1700 году художникомъ Георгіемъ Зиновьевымъ. 2) Икона, называемая Царь Царемъ, или Предста Царица, писанная св. Олимпіемъ, первымъ русскимъ иконописцемъ въ XI вѣкѣ. Она украшена серебрянымъ вызолоченнымъ окладомъ и вѣнцами, убрусами и гривнами древней работы, съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, сбереженными отъ расхищенія въ 1812 году.

По правую сторону Царскихъ вратъ находится мѣстный образъ Всемилостиваго Спаса, называемый Золотою Рясою. Онъ обложенъ золотымъ окладомъ, а вѣнецъ украшенъ алмазами, яхонтами и изумрудами. Эта икона одна изъ древнѣйшихъ. Она прислана въ даръ Новгородскимъ князьямъ отъ греческаго Царя Эммануила, и находилась тамъ въ Софійскомъ соборѣ. Царь Іоаннъ Васильевичъ въ 1570 году перенесъ ее въ Москву и поставилъ въ Успенскомъ соборѣ [1]). Христосъ изображенъ на иконѣ сидящимъ на престолѣ. Въ лѣвой рукѣ Его раскрытое Евангеліе, на которомъ по гречески написано начало Евангелія отъ Іоанна, правая же рука Его указываетъ долу. Въ 1812 году икона была попорчена, но потомъ совершенно подновлена. — Правѣе находится образъ Успенія Пресвятыя Богородицы, храмовой. Онъ писанъ въ XIV вѣкѣ св. митрополитомъ Петромъ, и поновленъ въ 1718 году. Богатая риза иконы украшена короною, въ которую вставленъ драгоцѣнный перстень съ яхонтами и алмазами, пожертвованный одною изъ Нарышкиныхъ.—Рядомъ съ указанною иконою находится образъ Благовѣщенія Пресвятыя Бого-

---

[1]) По другимъ источникамъ икону перенесъ въ Москву великій князь Іоаннъ Васильевичъ III, въ 1476 году, покоривъ Новгородъ. Икону эту называютъ также Корсунской, полагая, что она привезена изъ Корсуня св. кн. Владиміромъ.

родицы. Икона очень древняя, но кѣмъ и когда писана—свѣдѣній нѣтъ. Извѣстно только, что еще въ XIII вѣкѣ находилась она въ Великомъ Устюгѣ, въ тамошнемъ Успенскомъ соборѣ. Въ 1290 году св. Прокопій юродивый, молясь предъ нею, отвратилъ отъ города Устюга ужасную тучу. Царь Іоаннъ Васильевичъ перенесъ образъ въ Успенскій соборъ около 1567 года. Въ 1812 году непріятели лишили его богатаго оклада, замѣненнаго въ 1818 году новымъ тѣми же Устюжанами, о чемъ и свидѣтельствуетъ слѣдующая надпись, находящаяся внизу образа: «Матери Бога нашего за избавленіе отъ всеконечной гибели града Устюга въ лѣто 1290 бывшаго.—Велико-Устюжское градское общество съ благоговѣніемъ посвящаетъ вновь сооруженную серебряную позлащенную сію ризу 1818 года декабря 25».—На этой же сторонѣ иконостаса заслуживаетъ замѣчанія образъ св. великомученика Димитрія Солунскаго. Св. Димитрій замученъ при императорѣ Максиміанѣ въ городѣ Солунѣ, въ 1077 году. Образъ перенесенъ изъ Кіева во Владиміръ великимъ княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ, а великимъ княземъ Димитріемъ изъ Владиміра въ Москву въ 1380 году. При царѣ же Васильѣ Іоанновичѣ, въ 1517 году, образъ поновленъ, о чемъ и свидѣтельствуютъ двѣ надписи, находящіяся на образѣ. Самый образъ писанъ на гробовой доскѣ святого и принесенъ въ Россію въ 1197 году изъ Ѳессалоникъ вмѣстѣ съ сорочкою великомученика, при великомъ князѣ Всеволодѣ III-мъ.

Помимо указанныхъ иконъ, есть и въ прочихъ мѣстахъ Успенскаго собора не менѣе замѣчательныя иконы. Укажемъ изъ нихъ на нѣкоторыя.

На южномъ столпѣ — образъ Божіей Матери, называемый Іерусалимскою. По преданію, онъ писанъ свв. апостолами въ Геѳсиманіи въ 15-е лѣто по Вознесеніи Іисуса Христа и прославленъ многими чудесами въ Греціи. Онъ былъ перенесенъ изъ Іерусалима въ Константинополь въ 453 году, потомъ находился въ Херсонѣ, оттуда взятъ св. Владиміромъ Равноапостольнымъ и отправленъ въ Новгородъ, гдѣ находился въ Софійскомъ соборѣ. Царь Іоаннъ

Васильевичъ, вмѣстѣ съ другими образами, перенесъ его въ Успенскій соборъ. По краю ризы Пресвятыя Богородицы есть надпись, состоящая изъ глаголическихъ и греческихъ литеръ, которая доселѣ остается необъясненною. Подлинная икона въ 1812 г. пропала и замѣнена точною, также древнею копіею, которая издавна находилась въ дворцовой церкви Рождества Богородицы, что на Сѣняхъ.

По лѣвую сторону патріаршаго мѣста находится чудотворная Владимірская икона Божіей Матери—вѣрная копія съ подлиннаго, писанная митрополитомъ Симономъ. Образъ поставленъ въ соборѣ императрицею Анною Іоанновною, въ 1733 году, послѣ счастливаго окончанія войны съ французами и поляками и взятія Гданска, или Данцига.

На сѣверномъ столпѣ—чудотворная Кипрская икона Божіей Матери, въ богато украшенномъ окладѣ. Этотъ образъ явился въ 392 году въ Кипрѣ. Празднество ему совершается два раза въ годъ: 20 апрѣля и 9 іюля. Съ котораго времени образъ находится въ соборѣ неизвѣстно.

Въ Петропавловскомъ придѣлѣ замѣчателенъ образъ Божіей Матери, именуемый Влахернскою. Онъ весь сдѣланъ изъ воскомистики, и принесенъ изъ Константинополя при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ въ 1654 году 17 октября. Икона прежде стояла въ алтарѣ, за престоломъ, но въ 1827 г. перенесена на теперешнее мѣсто. Икона была нѣкогда покровительницею Цареграда и греческихъ государей. Царь Ираклій имѣлъ ее съ собою въ походѣ противъ Персовъ.

Въ этомъ же придѣлѣ находится чудотв. Псково-Покровская икона Божіей Матери, древняго письма, на холстѣ, украшенная золотымъ окладомъ, съ алмазами, въ 1740 году, по усердію императрицы Анны Іоанновны, въ возблагодареніе за побѣды надъ турками. На этой иконѣ изображенъ видъ Пскова, а въ надписи изложена исторія избавленія Пскова помощію Богоматери во время осады города польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году.

Тутъ же находится и древній баральефъ, принадлежа-

щій, какъ можно судить по работѣ, къ среднимъ вѣкамъ. Онъ изваянъ изъ бѣлаго камня и представляетъ вооруженнаго всадника на конѣ, поражающаго копіемъ крылатаго дракона. На немъ латинская надпись, изъ которой видно, что изображеніе это было на тріумфальныхъ воротахъ, посвященныхъ Сенатомъ и народомъ римскимъ Императору Константину Великому, по освобожденіи имъ церкви христіанской отъ гоненія язычниковъ. Изображеніе это, извѣстное подъ именемъ св. Георгія Побѣдоносца, нѣкоторые считаютъ болѣе за аллегорическое, гдѣ представленъ самъ Императоръ Константинъ, въ видѣ современнаго ему великомученика Георгія. Оно привезено въ Россію изъ Рима, но когда именно — неизвѣстно. Къ сожалѣнію, въ 1746 году изображеніе довольно густо замазано разными красками, такъ-что надпись прочитывается съ трудомъ. Но она и безъ того почти изгладилась отъ времени. Полагаютъ, что это есть подарокъ папы одному изъ нашихъ князей, когда первые старались о присоединеніи Россіи къ католичеству.

Кромѣ этихъ, особенно замѣчательныхъ, образовъ — по стѣнамъ и частію по столпамъ собора помѣщено много небольшихъ комнатныхъ царскихъ образовъ, изъ которыхъ нѣкоторые весьма древни. Они по большей части одной мѣры—шести вершковые; одни изъ нихъ на кипарисѣ со шпонками, другіе на дубѣ. Это домашніе образа князей, царей и митрополитовъ, переданные въ соборъ послѣ ихъ смерти, что было въ старину общимъ обыкновеніемъ. Лики святыхъ отъ времени сильно потускнѣли, нѣкоторые даже нельзя разобрать.

Обратимся теперь къ другимъ святынямъ собора.

Въ главномъ алтарѣ, за жертвенникомъ, въ особомъ великолѣпномъ иконостасѣ, за царскою печатью, хранится Риза Господня, вложенная въ серебряный ковчегъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Святыня эта принесена въ Москву въ 1625 г. послами Персидскаго Шаха Аббаса, Русанъ-Бекомъ и Муратъ-Бекомъ, по старанію нашего посланника Василія Коробьина. Патріархъ Филаретъ тогда же установилъ по этому случаю празднество Пере-

несенія, или Положенія Ризы въ 10-й день іюля. Серебряный ковчегъ, какъ видно изъ надписи на немъ, есть даръ царя Ѳеодора Алексѣевича въ 4-й день апрѣля 1682 года. — Въ томъ же иконостасѣ помѣщаются два другіе ковчега, золотой и серебряный. Въ первомъ заключается Гвоздь Господень—одинъ изъ тѣхъ, коими прибито было ко кресту Божественное Тѣло Спасителя. Гвоздь вывезенъ изъ Грузіи въ 1686 году царемъ Арчиломъ Вахтангѣевичемъ, а въ соборъ доставленъ митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ, Игнатіемъ. Во второмъ ковчегѣ находится часть ризы Пресвятыя Богородицы, принесенная въ даръ Успенскому собору княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ. Драгоцѣнность эта добыта имъ, какъ полагаютъ, въ Крыму, во время похода его туда и къ границамъ Персіи. — За престоломъ стоятъ, такъ-называемые, Корсунскіе кресты: два изъ горнаго хрусталя, а третій окованный серебромъ. Они прежде находились въ Суздальскомъ соборѣ Рождества Богородицы, а сюда перенесены въ 1401 году. Существуетъ преданіе, что одинъ изъ этихъ крестовъ былъ взятъ въ Корсунѣ св. Равноапостольнымъ Владиміромъ.—Наконецъ, въ алтарѣ замѣчателенъ современный портретъ царя Ѳеодора Іоанновича, а за престоломъ обращаетъ на себя особенное вниманіе, единственная въ своемъ родѣ, дарохранительница, представляющая Синайскую гору, на верху коей изображенъ Моисей, пріемлющій отъ Бога Скрижали Закона. Она принесена въ даръ свѣтлѣйшимъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ въ 1778 г., послѣ блистательныхъ побѣдъ надъ Турками. Эта дарохранительница сдѣлана изъ разноцвѣтнаго золота; добытаго въ рѣкахъ Валахіи, и, какъ сказано въ надписи, «въ честь Господу силъ на память въ томъ краѣ побѣдъ». Золота въ ней 19 ф., а серебра около 20 ф. Вышина ея 1 арш. и $^1/_2$ в., длина $11^1/_4$ вершк., ширина 9 вершк. Въ пещерѣ, искусно сдѣланной въ горѣ, устроено мѣсто для храненія св. Даровъ. Она прикрыта хрустальнымъ колпакомъ. — У подножія этой дарохранительницы, въ глазетовомъ чехлѣ, положены нѣкоторые государственные акты: Наказъ императрицы

Екатерины II на 240 листахъ, исправленный ея рукой, манифестъ императора Александра I,* актъ о престолонаслѣдіи императора Павла Петровича, и др. Тутъ же хранилась прежде и грамота о избраніи на русскій престолъ Михаила Ѳеодоровича, но въ 1880 году она передана въ Государственный архивъ.

Въ Успенскомъ соборѣ почиваютъ шесть св. мощей Угодниковъ Божіихъ. Мощи св. Петра митрополита, основателя храма и перваго московскаго Святителя. Онѣ обрѣтены, какъ уже сказано выше, при перестройкѣ собора въ 1472 году. До 1812 года онѣ находились подъ спудомъ. По выходѣ изъ Москвы непріятелей мощи найдены открытыми и, съ благословенія Святѣйшаго Синода, вновь закрываемы не были. 4 августа 1813 года, при освященіи Петропавловскаго придѣла, мощи обнесены архіепископомъ Августиномъ, съ прочимъ духовенствомъ, при безчисленномъ стеченіи народа, вокругъ собора, въ томъ самомъ деревянномъ гробѣ, въ которомъ за 487 лѣтъ передъ тѣмъ святитель былъ погребенъ. Мощи почиваютъ между Петропавловскимъ придѣломъ и главнымъ алтаремъ, въ аркѣ—въ богатой серебряной ракѣ. Тутъ же, подъ стекломъ, помѣщается и шапочка святителя, сдѣланная изъ полосатаго атласа съ горностаевымъ обкладомъ. — Находимъ умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о святителѣ. Митрополитъ Петръ родился на Волыни и, 12 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ одинъ изъ тамошнихъ пустынныхъ монастырей, гдѣ, исполняя неуклонно и неустанно всѣ правила монастырскаго устава и всякія работы, вмѣстѣ съ тѣмъ занимался и иконною живописью. По постриженіи въ иноки, онъ былъ удостоенъ сначала діаконскаго, а потомъ пресвитерскаго сана. Затѣмъ онъ удалился въ пустынное и уединенное мѣсто на рѣкѣ Ратѣ, въ Галиціи, и основалъ тамъ монастырь. Вѣсть о его святой жизни вскорѣ распространилась по окрестностямъ, и въ его монастырь стали приходить на богомолье изъ далекихъ странъ. Объѣзжая митрополію, посѣтилъ его и кіевскій митрополитъ Максимъ. По смерти Максима, галичскій князь Юрій Львовичъ уговорилъ св. Петра отпра-

виться въ Константинополь для поставленія въ митрополиты Галичскіе. Послѣ многихъ просьбъ, св. Петръ согласился. Въ Константинополѣ онъ былъ принятъ съ большою честію и посвященъ въ митрополиты всея Руси, хотя этого сана самовольно добивался одинъ игуменъ Геронтій. Вслѣдъ за постановленіемъ, св. Петръ отправился въ Кіевъ, пробывъ тамъ одинъ годъ, а затѣмъ переселился во Владиміръ на Клязьмѣ. Въ это время между собой соперничали Москва и Владиміръ. Св. Петръ чувствовалъ склонность къ московскому князю, вызывавшею какъ личными качествами самого князя, такъ и тѣмъ положеніемъ, какое занимала въ то время Москва. Св. Петръ, несомнѣнно, предвидѣлъ въ ней зачатки будущаго государства, и рѣшился переселиться въ Москву и перенести туда митрополію, что онъ и исполнилъ, основавъ сперва свой митрополичій дворъ при церкви Рождества Іоанна Предтечи подъ боромъ.

Въ сѣверо-западномъ углу собора почиваютъ открытыя мощи св. Іоны, митрополита Кіевскаго и всея Руси, обрѣтенныя въ одно время съ мощами св. Петра. Мощи опочиваютъ въ богатой серебряной ракѣ съ такимъ же балдахиномъ, устроенными по усердію царя Ѳеодора Іоанновича. Надъ мощами, на стѣнѣ, находится образъ св. Іоны, прекраснаго письма, и вышитое шелками и золотомъ изображеніе его на древнемъ покровѣ. Замѣчательно, что въ 1812 году св. мощи эти остались неприкосновенными. Остался даже цѣлъ серебряный подсвѣчникъ у мощей.

Послѣ иконостаса, у южныхъ дверей, почіютъ открытыя мощи митрополита Филиппа II, принявшаго мученическую смерть въ 1570 году [1]). Мощи св. Филиппа 68 лѣтъ почивали въ Соловецкомъ монастырѣ, откуда въ 1652 году по волѣ царя Алексѣя Михайловича перенесены торжественно въ Успенскій соборъ. По чудному стеченію обстоятельствъ, мощи св. Филиппа положены на томъ самомъ мѣстѣ собора, гдѣ онъ съ христіанскимъ терпѣніемъ перенесъ кару царя Іоанна Васильевича Грозн-

[1]) Въ Тверскомъ Отрочемъ монастырѣ, гдѣ святитель находился въ заточеніи. Тамъ же впервые открыты и св. мощи 8 авг. 1584 г.

наго. Именно тутъ, въ 1568 году, опричники, не давъ кончить литургіи, сорвали съ митрополита священныя одежды и вытолкали его изъ церкви.

Затѣмъ, почіютъ подъ спудомъ мощи свв. митрополитовъ: Ѳеогноста, Кипріана и Фотія. Ѳеогноста—въ Петропавловскомъ придѣлѣ, Кипріана и Фотіи — въ юго-западномъ углу собора.

Сверхъ того, по сѣверной, западной и южной стѣнамъ собора погребены митрополиты московскіе и всея Руси: Филиппъ I, Геронтій, Симонъ, Макарій, и всѣ патріархи всероссійскіе, кромѣ Никона: Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ, Іоасафъ II, Питиргимъ, Іоакимъ, и Адріанъ—послѣдній партіархъ всероссійскій.

Въ Петропавловскомъ придѣлѣ находятся въ особыхъ ковчегахъ разныя частицы св. мощей, какъ-то: правая рука и локоть св. апостола Андрея Первозваннаго, глава св. Григорія Богослова, глава св. Іоанна Златоустаго, глава муч. Авксентія, часть мощей св. Іоанна Крестителя, Георгія Великомученика, Князя Владиміра, часть мощей Преподобнаго Сергія, рука Евѳиміи Прехвальныя и проч. [1]).

У западной стѣны собора, близъ мощей св. Кипріана и Фотія, помѣщается бронзовый литой шатеръ, весьма искусно сдѣланный котельнаго дѣла мастеромъ Димитріемъ Сверчковымъ въ 1627 году по повелѣнію патріарха Филарета — подражаніе пещерѣ св. Гроба въ древнемъ Іерусалимѣ. Здѣсь находится кипарисный гробъ Господенъ, въ которомъ сначала была положена риза Іисуса Христа, а потомъ плащаница, присланная въ даръ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ Персидскаго Шаха Аббаса, которую онъ взялъ изъ Мцхетскаго собора при покореніи Грузіи.

У столповъ, поддерживающихъ своды соборѣ, устроены два мѣста: у лѣваго — царское, или, какъ нынѣ именуется, императорское. Оно шатрообразное, съ витыми вызолоченными колоннами и рѣзнымъ двуглавнымъ орломъ

[1]) Всѣ эти мощи находятся въ противоположной отъ мощей св. Петра стѣнѣ на нарочно для нихъ сдѣланной ракѣ.

надъ балдахиномъ, обитою парчею и золотымъ галуномъ. У праваго—патріаршее, также съ шатромъ, утвержденное на каменныхъ столпахъ, обитое малиновымъ бархатомъ, украшенное образами и крестомъ наверху, вообще древнѣйшаго типа нежели первое. Около креста двѣ надписи. Первая: «Владычице! пріими молитву рабъ своихъ и избави насъ отъ всякія нужды и печали». Вторая: «Ты еси Богородице оружіе наше истинно, ты еси и заступнице, къ тебѣ прибѣгаемъ, да избавиши насъ отъ враговъ нашихъ, возвеличимъ тя вси пренепорочную Матерь Бога нашего ю же осѣни Духъ Святый». Тутъ же стоитъ и посохъ св. Петра изъ чернаго дерева.

Противъ южныхъ дверей находится еще третье, весьма древнее, великокняжеское мѣсто, называемое Мономаховымъ престоломъ. Оно все изъ орѣховаго дерева, отъ времени уже почернѣвшаго, и носитъ на себѣ отпечатокъ Византійскаго искусства, но работано въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ. Мономаховымъ оно называется потому, что на немъ изображены событія изъ жизни Мономаха.

Изъ другихъ предметовъ заслуживаютъ вниманія, такъ-называемыя, Корсунскія врата, у южныхъ дверей. Въ старину они назывались «золотыми», потому-что расписаны по мѣднымъ листамъ золотомъ. На нихъ представлены Господніе и Богородичные праздники и происшествія Библейскія и Новозавѣтныя, а внизу есть миѳологическія изображенія. Двери эти по древности и стилю работы очень рѣдки. Онѣ взяты св. Владиміромъ изъ Корсуня и находились прежде въ Суздальскомъ соборѣ Рождества Богородицы. Здѣсь онѣ съ 1401 года. — Затѣмъ, посреди собора виситъ серебряное паникадило, вѣсомъ болѣе 20 пудовъ. Оно вылито изъ серебра, отбитаго казаками у французовъ, во время ихъ бѣгства изъ Россіи, шведомъ Гедлунгомъ. До 1812 г. тутъ висѣло замѣчательное, главное паникадило, въ шесть ярусовъ, вѣсомъ болѣе чѣмъ въ 60 пудовъ серебра. Оно было сдѣлано въ Венеціи и стоило 35 т. червонныхъ. Паникадило это похищено и разломано на куски французами.

Ризница Успенскаго собора одна изъ драгоцѣннѣйшихъ.

Въ ней хранится много священныхъ и дорогихъ вещей, важныхъ — и по своей глубокой древности, и по своимъ историческимъ воспоминаніямъ.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Сосудъ, извѣстный подъ названіемъ «Августовой крабіи», крабницы, или крабчицы. Онъ сдѣланъ изъ яшмы съ финифтяною змѣйкой на верху—символомъ вѣчности. По преданію, этотъ сосудъ принадлежалъ Августу Кесарю и подаренъ восточнымъ императоромъ Алексѣемъ Комнинымъ великомъ князю Кіевскому Владиміру Мономаху, вмѣстѣ съ царскими регаліями: скипетромъ, бармами и вѣнцомъ. Сосудъ съ крышкою и, несомнѣнно, есть замѣчательная древность. Изъ него помазываютъ нашихъ Государей мvромъ при вѣнчаніи на царство.

Семь Евангелій. Первыя два, весьма древнія, пергаментныя, на греческомъ языкѣ. Третье, писанное самимъ св. Іоною митрополитомъ, украшенное жемчугомъ. Четвертое — болгарскаго письма, въ золотомъ окладѣ, съ цѣльными драгоцѣнными камнями по древнему обычаю. Пятое, писанное кистью красивымъ почеркомъ, съ искусною живописью по мѣстамъ, и особенно въ заглавіи—трудъ царевны Ирины Михайловны, тетки Петра Великаго. Шестое, въ богатѣйшемъ окладѣ, пожертвованное царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Седьмое—даръ царицы Наталіи Кирилловны, относящееся къ 1693 году. Это Евангеліе единственное въ своемъ родѣ по богатству и огромности. Величина его въ большой Александрійскій листъ. Обѣ доски оправлены чеканнымъ толстымъ золотомъ съ алмазами, яхонтами и изумрудами необыкновенной величины, и на нихъ весьма искусно вырѣзаны изображенія свв. Евангелистовъ и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ. По приказанію Императрицы Екатерины II, окладъ этого Евангелія былъ оцѣниваемъ, и найдено, что онъ стоилъ тогда 200,000 р. (1770 г.).

Изъ крестовъ замѣчательны: 1. Кипарисный, въ золотомъ окладѣ—даръ болярина и конюшаго Бориса Ѳеодоровича Годунова (1594 г.). 2. Серебряный съ финифтью и разными мощами — даръ думнаго дворянина Игнатія

Петровича Татищева (1595 г.). 3. Большой, золотой, гладкій—даръ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (1683 г.). 4. Крестъ царя Константина, носимый во время крестныхъ ходовъ. — Подъ этимъ же названіемъ, до 1812 г., тутъ хранился и тотъ священный крестъ, который спасъ жизнь Петра Великаго, имѣвшаго его на себѣ во время Полтавской битвы: пуля, направленная на грудь, остановилась въ крестѣ, гдѣ на краю лѣваго затвора и замѣтенъ былъ слѣдъ ея. Онъ былъ четвероконечный, въ 5 вершк., обложенъ золотомъ съ драгоцѣнными каменьями, и полученъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ изъ Аѳонской горы. При нашествіи непріятелей его похитили.

Изъ множества драгоцѣнныхъ сосудовъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе. Два потира, привезенные св. Антоніемъ Римлянином въ 1106 году изъ Рима въ Новгородъ, откуда они взяты въ числѣ трофеевъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Одинъ изъ нихъ оріентальнаго оникса — есть одна изъ рѣдчайшихъ вещей этого рода, коей нельзя назначить цѣны; а другой изъ восточной яшмы, съ яхонтовой рѣшеткой, стоющій, по крайней мѣрѣ, 25 т. р. с. — Заслуживаютъ вниманія и другіе сосуды, съ полнымъ приборомъ. Напримѣръ: царя Іоанна Васильевича, золотой, вѣсомъ въ 7 ф.; царя Ѳеодора Алексѣевича, вѣс. въ 30 ф.; Екатерины II-й, изящной отдѣлки, украшенный брилліянтами, яхонтами и превосходными антиками, рѣзанными на драгоцѣнныхъ камняхъ. Сосуды эти Императрица своими руками поставила на жертвенникъ собора 9 іюля 1775 года, въ возблагодареніе Богу за славный миръ съ Портою.—Золотые сосуды, присланные Александромъ I-мъ изъ Парижа, весьма изящной французской работы. Они хранятся въ особомъ футлярѣ.—Сосуды костяные съ янтарными рукоятками—даръ и труды Императрицы Маріи Ѳеодоровны. На нихъ собственноручная надпись Императрицы: «На память благополучнаго возвращенія любезнаго моего супруга (Павла Петровича) изъ похода противъ Шведовъ сентября 18 дня 1787 года, собственныхъ трудовъ моихъ: Марія». Принадлежащіе ко всѣмъ этимъ сосудамъ пелены

и воздухи, весьма богаты и великолѣпны. Особеннымъ великолѣпіемъ отличается пелена вклада царя Бориса Ѳеодоровича Годунова. Крестъ посрединѣ ея сдѣланъ изъ такого крупнаго жемчуга, которому теперь едва ли можно сыскать подобнаго, а въ центрѣ креста находится также весьма рѣдкой величины изумрудъ.

Изъ священнослужительскихъ одеждъ, находящихся въ ризницѣ, многія украшены жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ числѣ ихъ замѣчательны сдѣланныя собственными руками Императрицы Екатерины II-й въ 1779 году.

Сверхъ того, въ ризницѣ хранятся, употребляемые въ праздничные дни покровы на мощи свв. угодниковъ, унизанные жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ числѣ ихъ — даръ Алексѣя Михаиловича — пелена къ чудотв. Владимірской иконѣ Богородицы.

Въ ризницѣ же находятся: простая ложка изъ рыбьей кости, принадлежавшая св. митрополиту Іонѣ, огромное золотое блюдо, пожертвованное княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ, а разныя другія вещи, между которыми заслуживаютъ особеннаго вниманія золотые вѣнцы, употреблявшіеся при бракосочетаніи русскихъ князей и царей [1]), и финиковыя вѣтви, кои получаемы были нарочно изъ Палестины, и съ коими члены царской фамиліи стояли въ церкви въ недѣлю Ваій и хаживали на лобное мѣсто при шествіи патріарха на осляти. Эти вѣтви разной величины. Листья ихъ сплетены на подобіе косъ, одни фонариками, другіе бантами и проч., а рукоятки обвиты или бархатомъ, или парчею.

Въ соборной ризницѣ можно видѣть также много рукописныхъ книгъ, драгоцѣнныхъ потому, что онѣ относятся ко временамъ давно прошедшимъ и потому еще, что почти всѣ онѣ составляли собственность митрополитовъ и патріарховъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ есть собственноручныя надписи.

Не входя въ перечисленіе другихъ вещей, составляющихъ церковную утварь, замѣтимъ, что почти вся утварь сере-

---

[1]) Форма ихъ самая обыкновенная.

ряная и въ извѣстныхъ мѣстахъ вызолочена. Въ одномъ иконостасѣ, съ достовѣрностью можно сказать, серебра болѣе 50 пудовъ, кромѣ ушата—вклада царя Алексѣя Михаиловича, въ которомъ вѣсу 2 пуда 46 золотн., 10 лампадъ предъ мѣстными образами—вѣсомъ болѣе 8 пудовъ серебда, ведра, нѣсколькихъ старинныхъ кружекъ, стопъ, ковшей, и проч. серебряныхъ же безъ позолоты и съ позолотою вещей.

Большой Успенскій соборъ, кромѣ всего перечисленнаго—древности, богатства, святынь—имѣетъ еще для Россіи и то значеніе, что въ немъ, какъ въ первенствующемъ русскомъ храмѣ, совершается искони священное коронованіе и мvропомазаніе на царство Россійскихъ Монарховъ [1]). Первое торжественное коронованіе совершалось въ немъ въ 1498 году; былъ коронованъ малолѣтній Дмитрій, дѣдомъ своимъ велик. кн. Іоанномъ III, Васильевичемъ.

Раскажемъ кратко, какъ это совершилось.

Коронованный Дмитрій былъ родной внукъ Іоанна III отъ перваго его сына Ивана. Въ послѣднее десятилѣтіе княженія Іоанна III въ Москву проникла, такъ-называемая, жидовская ересь. Митрополитъ Симонъ ревностно началъ преслѣдовать ересь, но она была уже настолько распространена, что проникла въ самыя княжескія хоромы. Тайнымъ образомъ покровительствовала ей и невѣстка вел. кн. Елена, вдова сына его Ивана. Такъ какъ на сторонѣ Елены были всѣ самые могущественные бояре, то и явился вопросъ: кому наслѣдовать послѣ вел. кн.—внуку ли его Димитрію, сыну Елены, или второму сыну в. к., Василію, рожденному отъ второго брака его съ Софіею? Внукъ имѣлъ больше приверженцевъ, потому-что мать его Елена пользовалась большою любовію; Софія же, гордая и властолюбивая, не была любима. Неожиданное обстоятельство—заговоръ противъ жизни Дмитрія, въ которомъ будто бы участвовали Софья и Василій—рѣшило дѣло въ пользу Димитрія: Іоаннъ III рѣшилъ вѣнчать на царство Димитрія. Въ сопровожденіи бояръ и приближенныхъ, великій князь

[1]) Совершается еще въ Великій Четвертокъ, во время литургіи, освященіе мvра, употребляемаго при таинствѣ мvропомазанія.

ввелъ внука въ Успенскій соборъ, гдѣ митрополитъ съ епископами и многочисленнымъ духовенствомъ пѣлъ молебенъ Божіей Матери и св. Петру. Среди собора поставленъ былъ амвонъ и на немъ три сѣдалища: для великаго князя, Димитрія и митрополита. Вблизи этого мѣста, на столѣ, лежали вѣнецъ и бармы Мономаховы. Послѣ молебна в. к. и митрополитъ сѣли, а Димитрій стоялъ передъ ними на верхней ступени амвона. В. кн. сказалъ: «Отче митрополитъ, издревле государи, предки наши, давали великое княжество первымъ сынамъ своимъ, и я также благословилъ онымъ моего первороднаго Ивана; но по волѣ Божіей его не стало: благословляю нынѣ внука Димитрія, его сына, при себѣ и послѣ себя великимъ княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ,—и ты, отче, дай ему благословеніе». Послѣ этого митрополитъ возложилъ руку на голову Димитрія, и молился, чтобы благодать Божія снизошла на него. Два архимандрита подали бармы, и митрополитъ, ознаменовавъ Димитрія крестомъ, передалъ бармы вел. князю, а вел. князь возложилъ ихъ на внука. Митрополитъ произнесъ при этомъ слѣдующую молитву: «Господи Вседержителю и царю вѣковъ! се земной человѣкъ, Тобою царемъ сотворенный, преклоняетъ главу въ моленіи къ Тебѣ, Владыкѣ міра. Храни его подъ кровомъ Своимъ: правда и миръ да сіяютъ во дни его, да живетъ съ нимъ тихо и покойно въ чистотѣ душевной». Тутъ архимандриты подали в. к. вѣнецъ, а в. князь возложилъ его на внука. При этомъ митрополитъ произнесъ: «Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа!» Затѣмъ прочитана была ектенія и молитва Богородицѣ, послѣ чего возглашено многолѣтіе обоимъ великимъ князьямъ. Митрополитъ всталъ и вмѣстѣ съ епископами поздравилъ дѣда и внука, за нимъ сыновья государевы, бояры и всѣ знатные люди. Въ заключеніе в. князь сказалъ внуку: «Внукъ Димитрій! я пожаловалъ и благословилъ тебя великимъ княжествомъ, а ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, милость и пекись о всемъ христіанствѣ». Началась обѣдня, по окончаніи которой в. к. возвратился во дворецъ, а Димитрій, въ вѣнцѣ и

бармахъ, въ сопровожденіи в. князя и бояръ, ходилъ въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, гдѣ Юрій, сынъ в. кн., осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными монетами. По окончаніи всего этого былъ обѣдъ, при чемъ юный наслѣдникъ получилъ въ подарокъ крестъ съ золотою цѣпью, осыпанный драгоцѣнными камнями, и ту самую «крабію», изъ которой нынѣ помазываютъ мvромъ Государей. Но не болѣе, какъ черезъ годъ, невѣстка и внукъ подверглись опалѣ [1]). Покровительство Елены жидовской ереси играло тутъ не маловажную роль. Они были посажены подъ стражу, и Іоанну III, впослѣдствіи, наслѣдовалъ сынъ отъ Софіи, Василій, который первый назвался, какъ извѣстно, царемъ Московскаго Государства съ принятіемъ титула «Царя, Самодержца всея Россіи».

Этотъ древній храмъ, эта первенствующая русская святыня, была свидѣтельницею и другихъ радостныхъ и горестныхъ событій.

Здѣсь нѣкогда [2]) послѣдовало великое торжество православія. Великій князь Василій Васильевичъ, одинъ, среди онѣмѣвшихъ бояръ и народа, возсталъ противъ козней митрополита Исидора, который явно дерзнулъ соединить православіе съ католичествомъ. Уже прочитана была діакономъ грамота восьмого Флорентійскаго собора, уже папа Евгеній помянутъ былъ на литургіи, бояре и народъ, въ ужасѣ, молчали,—но великій князь первый возвысилъ голосъ, и твердой волею остановилъ предателя, обозвавъ Исидора еретикомъ, лжепастыремъ, губителемъ душъ. Изгнавъ предателя изъ собора, в. кн. велѣлъ разсмотрѣть грамоту: всѣ признали ее еретическою. Исидоръ былъ заключенъ въ Чудовъ монастырь, откуда, какъ извѣстно, бѣжалъ и умеръ въ Константинополѣ.—Здѣсь, въ этомъ соборѣ, святитель Филиппъ отказалъ въ благословеніи Іоанну Грозному, сказалъ ему правду, и за то заслужилъ мрачный гнѣвъ Грознаго [3]).—Сюда князья и цари наши

---

[1]) Дмитрію въ это время было всего 16 лѣтъ.

[2]) Въ 1440 г.

[3]) Въ 1568 г. 8 ноября. Слова святителя: „Аще и образомъ Божіемъ почтенъ ты, но персти земной, яко человѣкъ причастенъ.

имѣли обыкновеніе ходить служить молебны—или въ часъ опасности, или предъ выѣздомъ своимъ изъ Москвы на защиту отечества. Такъ, здѣсь молился Димитрій Донской, выступая на битву съ Мамаемъ, здѣсь же молился и благочестивый царь Алексѣй Михаиловичъ, отправляясь на рѣшительную борьбу съ Польшею. Петръ Великій, ополчаясь на Карла XII и на турокъ, тутъ же приносилъ торжественныя молебствія. Юный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, шествуя сюда для торжественнаго вѣнчанія, остановился на паперти и проливалъ слезы, а народъ цѣловалъ полы его платья, умоляя принять на себя тяжкое бремя правленія. Здѣсь, наконецъ, въ тяжелую для Россіи годину, въ знаменитый двѣнадцатый годъ, двѣнадцатаго іюля, императоръ Александръ 1-й, приложившись ко св. мощамъ, далъ обѣщаніе отразить вторгшагося въ Россію непріятеля, при чемъ преосвященный Августинъ сказалъ: «Ты возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной Россіи». Краснорѣчивый витія былъ правъ. Послѣдствія вторженія Наполеона извѣстны. Извѣстно также, какимъ гостепріимствомъ отплатила ему Москва за осквернения ея святынь. Среди оргій хищничества и разграбленія, не избѣжалъ, конечно, разграбленія и Успенскій соборъ: образа были ободраны, иконостасъ изломанъ, многая утварь расхищена. Но при этомъ случилось слѣдующее знаменательное событіе: когда непріятели удалились изъ Кремля, преосвященный [1]) отворилъ храмъ, и нашелъ серебряную раку святителя Іоны, какъ уже сказано выше, нетронутою. Преданіе говоритъ, что непріятели нѣсколько разъ пытались коснуться этой святыни, но каждый разъ были приводимы въ трепетъ какою-то необъяснимою силою. Это дошло до слуха Наполеона: онъ самъ вошелъ въ соборъ, и имъ, говорятъ, овладѣлъ такой страхъ, что онъ невольно содрогнулся, вышелъ изъ храма, приказалъ его запереть и поставилъ часового. Это было сдѣлано съ такою поспѣшностью, что въ соборѣ остались даже собственныя вещи непріятелей [2]).

[1]) Августинъ, тогдашній викарій московскій.

[2]) Отечеств. Записки 1821 г., № 18. Разсказъ очевидца со словъ преосв. Августина.

Торжественные обряды, совершаемые въ Успенскомъ соборѣ. Когда Москва сдѣлалась средоточіемъ Россіи, и когда каѳедра митрополіи всероссійской перенесена была изъ Кіева во Владиміръ, а потомъ въ Москву, тогда и нѣкоторые особенные обряды Русской церкви начали совершаться въ Москвѣ, въ храмѣ Успенія Богоматери. Таковы:

1) Избраніе и рукоположеніе на Всероссійскую каѳедру митрополитовъ и патріарховъ.

2) Коронованіе Благочестивѣйшихъ Государей и Государынь на Всероссійскій престолъ.

3) Здѣсь въ первую недѣлю Великаго Поста совершается каждогодно Чинъ православія.

4) Въ великій четвертокъ, въ 9 часовъ утра, совершается елеосвященіе, послѣ коего помазуется народъ освященнымъ елеемъ, и въ тотъ же день, послѣ литургіи, совершается омовеніе ногъ, въ воспоминаніе Тайной Вечери, на которой Іисусъ Христосъ омылъ ноги своимъ ученикамъ.

5) Въ этотъ же день въ годъ мvроваренія, во время литургіи, здѣсь совершается чинъ освященія мvра, употребляемаго при таинствѣ мvропомазанія.

6) 10-го іюля здѣсь совершается празднованіе Положенію Ризы Господней.

Крестные хода, совершаемые изъ Успенскаго собора. Изъ Успенскаго собора исходятъ крестные ходы, совершаемые въ честь нѣкоторыхъ праздниковъ и въ воспоминаніе благодатной помощи, явленной въ разныхъ событіяхъ Православному нашему отечеству.

1) Января 6-го, въ воспоминаніе Крещенія Господня, совершившагося на рѣкѣ Іорданѣ, ради нашего спасенія,—крестный ходъ изъ Успенскаго собора на Москву-рѣку, для освященія воды.

2) Въ день Преполовенія Пятидесятницы, въ воспоминаніе Божественнаго ученія Іисуса Христа въ храмѣ Іерусалимскомъ, во время праздника кущей, о благодатныхъ Дарахъ Св. Духа, которые Онъ уподобляетъ живоносной водѣ, подающей жаждущимъ духовное спасеніе и жизнь вѣчную,—крестный ходъ на Москву-рѣку для освященія воды.

3) 1-го августа, въ день Происхожденія Честныхъ древъ Креста Господня, въ воспоминаніе чудесъ, совершившихся отъ Животворящаго Креста Господня въ 1143, 1164 и 1180 гг. при великомъ князѣ Андреѣ Боголюбскомъ и греческомъ императорѣ Мануилѣ,—крестный ходъ на Москву-рѣку, для освященія воды.

4) Августа 26-го, въ память Срѣтенія Владимірской иконы Богоматери, принесенной изъ Владиміра въ Москву, и въ воспоминаніе избавленія Россіи отъ нашествія татаръ, въ 1395 г., при вел. князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ и митрополитѣ Кипріанѣ,—крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь.

5) Іюня 23-го, въ воспоминаніе избавленія Россіи помощію и заступленіемъ Богоматери отъ нашествія татарскаго хана Ахмета, при вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III-мъ и митрополитѣ Геронтіи, въ 1380 г., —крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь.

6) Мая 21-го, въ память поновленія Владимірской иконы Богоматери въ домѣ митрополита Варлаама, въ 1514 г., и въ воспоминаніе избавленія Россіи Ея помощію и заступленіемъ отъ нашествія татаръ Крымскихъ, Ногайскихъ и Казанскихъ, при вел. князѣ Василіи Іоанновичѣ и митрополитѣ Варлаамѣ, въ 1521 г.,—крестный ходъ въ церковь Владимірской иконы Богоматери.

7) Іюля 28-го, въ честь Смоленской иконы Богоматери, въ воспоминаніе торжественнаго отправленія сей иконы изъ Москвы въ городъ Смоленскъ,—крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь.

8) Августа 19-го, въ честь Донской иконы Божіей Матери, въ воспоминаніе избавленія Москвы отъ нашествія татаръ въ 1591 году,—крестный ходъ въ Донской монастырь.

9) Іюля 8-го, въ честь явленія Казанской иконы Богоматери, бывшаго въ 1579 г., въ городѣ Казани, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ IV и архіепископѣ казанскомъ Іереміи,—крестный ходъ въ Казанскій соборъ.

10) Октября 22-го, въ воспоминаніе избавленія Россіи

отъ нашествія поляковъ, въ 1612 г.,—крестный ходъ въ тотъ же Казанскій соборъ.

11) Октября 1-го, въ честь Псково-Покровской иконы Богоматери, въ воспоминаніе чудеснаго избавленія города Пскова отъ осады поляковъ, бывшей въ 1581 г. и въ память побѣды надъ турками и татарами послѣ войны съ ними съ 1736 по 1740 годъ,—крестный ходъ въ Покровскій соборъ или церковь Василія Блаженнаго.

12) Іюля 20-го, въ день св. пророка Иліи, въ память избавленія отъ засухи, бывшей въ XVI и XVII столѣтіяхъ, и по примѣру Новгорода и Пскова, гдѣ издавна совершались крестные ходы въ честь сего Угодника Божія, подававшаго молитвами своими на землю вёдро и дождь,—крестный ходъ въ церковь св. пророка Иліи, что на Воронцовомъ полѣ.

13) Въ память избавленія Москвы отъ нашествія французовъ въ 1812 году,—крестный ходъ вокругъ Кремля въ Воскресеніе, ближайшее къ 12 октября.

14) Во время Святой Пасхи, совершаются въ Кремлѣ изъ Успенскаго собора въ другіе соборы и монастыри 7 крестныхъ ходовъ, послѣ утреннихъ богослуженій, въ воспоминаніе явленія Іисуса Христа своимъ ученикамъ, по Воскресеніи.

15) За недѣлю передъ праздникомъ Успенія Богоматери, совершаются каждодневно послѣ утреннихъ богослуженій 7 крестныхъ ходовъ изъ другихъ соборовъ и монастырей Кремля въ Успенскій соборъ, въ память посѣщенія свв. апостолами Божіей Матери, предъ ея Успеніемъ.

Архангельскій соборъ.

Въ старину Архангельскій соборъ назывался церковью св. Михаила на площади.

Первоначальное построеніе церкви нѣкоторые историки относятъ къ началу XIII и даже къ концу XII вѣка, когда Москва уже существовала и, слѣдовательно, должна была имѣть свой храмъ, во имя начальника небесныхъ силъ, Архангела Михаила, признаваемаго издревле заступникомъ русскихъ князей.

Другіе же, и съ большею достовѣрностію, предполагаютъ, что она была построена деревянная еще слишкомъ за 20-ть лѣтъ до начала княженія св. Даніила, первымъ извѣстнымъ въ исторіи удѣльнымъ московскимъ княземъ Михаиломъ Храбрымъ, меньшимъ братомъ св. князя Александра Невскаго, въ честь Ангела его, Великаго Архистратига.

Впрочемъ,—по словамъ автора «Истор. свѣдѣній» А. Ратшина,—никакими историческими фактами нельзя подтвердить о существованіи этой деревянной церкви.

Истинная и никакому сомнѣнію не подлежащая исторія этой соборной церкви начинается со временъ великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, хотя нѣкоторыя историческія данныя и относятъ постройку ея ко времени св. князя Даніила.

Въ 1332 году былъ повсемѣстно въ Россіи страшный голодъ, прозванный лѣтописцами «Рослою рожью», и оставившій на долго ужасные слѣды. Когда бѣдствіе совершенно миновало, тогда Іоаннъ Даниловичъ, утвердившій между тѣмъ великокняжескій престолъ въ Москвѣ, въ благодарность Богу за освобожденіе подвластнаго ему народа отъ этой небесной кары, заложилъ, можетъ быть, вмѣсто деревяннаго, каменный Архангельскій соборъ.

Соборъ заложенъ въ 1333 году, оконченъ въ одинъ годъ, и освященъ митрополитомъ св. Ѳеогностомъ. Сперва стѣны его были расписаны внутри, въ 1344 по 1346 годъ, русскими иконописцами, а потомъ, въ 1399 году, поновлены грекомъ Ѳеофаномъ [1]). Черезъ сто семнадцать лѣтъ по построеніи его, въ 1450 году, онъ поврежденъ громовымъ ударомъ и сильнымъ вихремъ, а въ 1475 году сгорѣлъ, но существовалъ, кое-какъ исправленный, до 1505 года.

Въ этомъ году великій князь Іоаннъ III, Васильевичъ, перестроивая Кремлевскія зданія, нашелъ Архангельскій соборъ тѣснымъ [2]) и не соотвѣтствующимъ огромности прочихъ строеній, почему и приказалъ, разобравъ прежній до основанія, на мѣстѣ его заложить новый, что и было совершено въ маѣ мѣсяцѣ того же года. Строителемъ собора былъ миланскій архитекторъ Алевизъ. Соборъ оконченъ постройкою уже послѣ смерти Іоанна Васильевича въ 1507 году, и освященъ 8 ноября 1509 года, митрополитомъ московскимъ Симономъ, въ присутствіи великаго князя Василія Васильевича. Съ тѣхъ поръ соборъ въ главныхъ частяхъ не перестроивался и доселѣ существуетъ въ одномъ и томъ же видѣ. Наружность Архангельскаго собора одного стиля съ Успенскимъ. Вышина его шестнадцать саженъ. Стѣны прямыя, гладкія и оканчиваются подъ кровлею рельефными полукружіями [3]). Верхъ его увѣнчанъ пятью главами, изъ которыхъ средняя, имѣющая три сажени въ поперечникѣ, вызолочена, а прочіе покрыты мѣдью. Соборъ имѣетъ двое входныхъ вратъ—сѣверные и западные—сдѣланные углубленными арками, въ видѣ готическихъ порталовъ. Они имѣютъ двуколонныя небольшія паперти, изъ коихъ при западныхъ древняя, а при сѣверныхъ новѣйшая, устроенная въ царствованіе Александра I-го, въ испорченномъ готическомъ стилѣ, который вовсе не идетъ къ характеру этого массивнаго храма. Около западныхъ вратъ изображенъ страшный судъ, а на бокахъ и сводахъ паперти написаны во

[1]) Лѣт. Нестора, т. 3.
[2]) Въ это время было въ немъ 24 гробницы.
[3]) Въ видѣ раковинъ.

весь ростъ разные русскіе князья. Въ 1772 году, при обновленіи собора, повелѣно было укрѣпить его съ сѣверной стороны контрфорсами.

Внутри самаго собора одинъ только главный престолъ; придѣльныхъ нѣтъ. Въ старину, съ южной стороны былъ придѣлъ прп. Іоанна Лѣствичника, называвшійся также иногда во имя св. Іоанна Милостиваго, а иногда св. Іоанна Предтечи. Придѣлъ этотъ упраздненъ въ началѣ прошлаго столѣтія, и теперь находится здѣсь только одинъ прямой иконостасъ по стѣнѣ, съ древними иконами. Онъ носитъ названіе «южнаго придѣла». Еще ранѣе, по западной стѣнѣ собора, на галлереяхъ, гдѣ нѣкогда царицы и царевны слушали Божественную службу, или находились при отправленіи панихидъ, было еще четыре придѣла: Обновленіе храма Христа Спасителя, или Словущаго Воскресенія, прп. Андрея Критскаго, св. апостола Акилы и св. Семеона Столпника. Два изъ придѣловъ: Словущаго Воскресенія и Апостола Акилы были устроены еще при первоначальномъ соборѣ великимъ княземъ Іоанномъ III, въ 1471 году, въ память Шелонской битвы. —Въ одной линіи съ алтаремъ пристроены, вѣроятно въ позднѣйшее время [1]), двѣ отдѣльныя церкви: у юговосточнаго угла собора—во имя св. Іоанна Предтечи, объ стѣну съ южнымъ придѣломъ, у сѣверовосточнаго же—во имя Покрова Божіей Матери. Обѣ эти предѣльныя церкви весьма небольшія, одноглавыя, съ особыми входами съ площади.

Иконостасъ собора—во всю ширину храма — прямой, украшенный внизу рѣзьбою, устроенъ, вмѣсто прежняго, въ 1680 и 1681 годахъ. Нижній ярусъ его вмѣщаетъ въ себѣ восемь мѣстныхъ древнихъ иконъ Корсунскаго письма, въ богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ: съ правой стороны царскихъ вратъ — Спасителя, сидящаго на престолѣ, Архангела Михаила, св. Іоанна Предтечи и св. Николая чудотворца, съ лѣвой—Пресвятыя Богородицы съ предвѣчнымъ Младенцемъ, въ сіяніи. Икона эта въ явленіяхъ Богородицы названа: «Что тя нарѣчемъ?» а также

[1]) Не позже, однакожъ, начала прошлаго столѣтія.

и «Благодатное небо». Она, по преданію, принесена въ Москву въ концѣ XIV вѣка Софьею Витовтовною, супругою вел. кн. Василія II-го. Далѣе иконы: Благовѣщенія Богоматери, св. Василія Великаго и св. Ѳеодора Стратилата. Ниже и выше этихъ иконъ, вмѣсто пеленъ, изображены Евангельскія притчи. Въ остальныхъ ярусахъ иконостаса помѣщаются также древнія иконы, но безъ окладовъ: во второмъ—всѣхъ двенадесятыхъ праздниковъ, въ третьемъ—Всемилостиваго Спаса съ Богородицею, Архангелами и Ангелами, а въ четвертомъ—Пророковъ и Праотцевъ, окружающихъ изображеніе Божіей Матери, украшенный драгоцѣнными камнями. Надъ этимъ ярусомъ, въ самомъ верху, Распятіе, съ предстоящими Богородицею и Іоанномъ Богословомъ. Надъ сѣверными дверьми Тихвинская икона Божіей Матери, въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ и жемчугахъ, замѣчательная тѣмъ, что она принадлежала матери св. Димитрія Царевича, Маріи Ѳеодоровнѣ.—Какъ стѣны, внутри собора, сверху до низу, такъ и своды, равно и четыре круглые огромные столпа, ихъ поддерживающіе, покрыты сплошною живописью, по известкѣ, расположенною горизонтальными рядами: вверху по стѣнамъ и на сводахъ помѣщены изображенія святыхъ, а по столпамъ одиннадцать портретовъ во весь ростъ государей, погребенныхъ въ соборѣ, а частію и жившихъ прежде и послѣ погребенія его. По тремъ стѣнамъ собора, надъ рядами гробницъ, въ нижнемъ ярусѣ, изображены въ ростъ же, почти всѣ здѣсь погребенные и удѣльные князья, начиная съ Іоанна Калиты. Стѣны главнаго алтаря и южнаго предѣла также покрыты сплошь изображеніями угодниковъ Божіихъ, митрополитовъ русскихъ и проч.

Вся стѣнопись собора произведена была еще въ XIV вѣкѣ подъ наблюденіемъ зодчаго Алевиза, но въ ней мало уже осталось слѣдовъ древности; съ того времени она была подновляема, хотя и съ сохраненіемъ стараго стиля, пять разъ: въ 1547 г., послѣ большого московскаго пожара, отъ котораго соборъ много пострадалъ, 1680—1681 годахъ живописцемъ Дорофеемъ Ермолаевымъ, въ 1772 году, при Екатеринѣ II-й, подъ наблюденіемъ епископа

Самуила, въ 1826 году, по вынесеніи тѣла императора Александра, пребывавшаго здѣсь нѣсколько дней на пути изъ Таганрога въ Петербургъ и, наконецъ, въ 1893 г. Слѣдовательно, нельзя и ожидать, чтобы изображенія князей, на столпахъ и на стѣнахъ, нарисованныя иконнымъ письмомъ, имѣли сходство съ натурою, тѣмъ болѣе, что живопись тогда въ Россіи еще не существовала. Исключенія составляютъ портреты, находящіеся при гробницахъ, вел. князя Василія III, царей Ѳеодора Іоанновича, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Портреты писаны на деревянныхъ доскахъ и, повидимому, весьма сходны. Они составляютъ неоцѣнимую рѣдкость и художественное сокровище. Изъ нихъ два—царей Михаила и Алексѣя—подвергавшіеся порчѣ отъ сырости, весьма удачно реставрированы въ сороковыхъ годахъ; прочіе же остались въ первобытномъ своемъ видѣ, и представляютъ замѣчательные памятники искусства въ Россіи въ XVII вѣкѣ, когда прежнее иконное письмо начало переходить къ истинной портретной живописи. Въ алтарѣ виситъ еще поясной портретъ св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, писанный на холстѣ съ натуры.

Архангельскій соборъ, при самомъ началѣ своего существованія уже предназначенъ былъ быть усыпальницею московскихъ князей, великихъ и удѣльныхъ. Останки отъ Калиты до отца Іоанна III-го перенесены были сюда при освященіи храма, а отъ Іоанна III-го до царя Іоанна Алексѣевича государи наши уже похоронялись здѣсь. Ряды могилъ ихъ замыкаетъ гробница Императора Петра II-го; послѣ его никто уже погребаемъ здѣсь не былъ. Гробницы царскія и великокняжескія находятся кругомъ всего собора, у стѣнъ и между столбами, подъ сводами. Въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ великіе князья завѣщали обыкновенно преемникамъ, чтобы «память родителей не переставала и свѣча бы ихъ на гробахъ родительскихъ не угасла». Поэтому надъ гробами ихъ совершались третины, девятины и сорочины. Надъ гробомъ, закрытымъ каменною плитою, устраивалась каменная надгробница, на которой ста-

вилась выносная икона, свѣча и панихидное блюдо съ кануномъ. На гробницы полагаются вседневные покровы, а въ дни поминовенія драгоцѣнные. Всѣхъ гробницъ 53. Надъ ними размѣщены образа и «родимыя иконы» погребенныхъ, написанныя въ мѣру ихъ роста при рожденіи, и украшенныя золотыми и серебряными ризами.

Взглянемъ бѣгло на эти великокняжескія и царскія гробницы.

Вотъ гробъ Іоанна Даниловича Калиты (отъ южныхъ дверей къ западной стѣнѣ). Это былъ истинный основатель московскаго величія. Онъ первый сдѣлалъ Москву столицею и первый положилъ основаніе многимъ Кремлевскимъ зданіямъ.—Близъ него находится гробъ сына его, Симеона Іоанновича Гордаго. Исторія называетъ его собирателемъ земли русской, и дѣйствительно онъ первый старался уничтожить удѣлы, какъ вину ига татарскаго. Онъ хотѣлъ въ Москвѣ сосредоточить всѣ силы Россіи, хотѣлъ основать единодержавіе. Поэтому удѣльные князья наименовали его Гордымъ.

Пройдя двѣ гробницы, брата Іоанна Грознаго, Георгія, и великаго князя Іоанна Іоанновича—мы остановимся передъ гробницей Дтитрія Іоанновича Донского. Какой русскій не знаетъ о Куликовской битвѣ, о той славной битвѣ, которая показала возможность свергнуть съ себя татарское иго?

Далѣе (отъ южныхъ дверей возлѣ иконостаса) покоятся останки Іоанна III-го, прозваннаго Великимъ. Въ его царствованіе свергнуто татарское иго и отечество наше стало на ряду съ другими европейскими державами.

Позади праваго столба, перваго къ иконостасу, покоится между прочими царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Это родоначальникъ дома Романовыхъ, со времени царствованія которыхъ началось прочное возвышеніе славы и могущества Россіи.—Близъ него покоится царь Алексѣй Михаиловичъ, названный лѣтописцами Тишайшимъ и «взыскателемъ благочестія».

Позади лѣваго столба, перваго къ иконостасу, покоится прахъ царя Іоанна Алексѣевича, добровольно уступившаго

престолъ брату своему Петру I-му. Подлѣ него стоитъ гробница юнаго царя Ѳеодора Алексѣевича.

Вотъ гробница несчастнаго царя Василія Іоанновича Шуйскаго (отъ западныхъ дверей къ западной стѣнѣ). Онъ скончался въ плѣну, и долго [1]) тѣло его лежало на полѣ, близъ Варшавы, и надпись на столбѣ гласила: «Здѣсь лежитъ царь Московскій». Въ 1635 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, заключивъ съ Польшею миръ, послалъ боярина князя Львова за тѣломъ Шуйскаго. Оно было привезено въ Москву въ томъ же году 10-го іюня. Рядомъ съ нимъ стоятъ три неизвѣстныя гробницы. Полагаютъ, что это братья Шуйскаго и князь Василій Голицынъ, умершій также въ польской неволѣ.

Въ южномъ придѣлѣ стоятъ три гробницы: царя Іоанна Васильевича Грознаго и сыновей его — Ѳеодора и Іоанна, умершаго, какъ извѣстно, отъ руки отца въ 1582 году. Тутъ же погребенъ былъ и злополучный царь Борисъ Годуновъ, близъ друга и благодѣтели своего, Ѳеодора Іоанновича. Тѣло Бориса было выброшено Лжедимитріемъ въ 1606 году изъ собора, сквозь нарочно сдѣланное отверстіе, котораго слѣды долго были видны въ Предтечеевской церкви, пристроенной къ юго-восточному углу собора. По сказанію современниковъ Самозванца, мощи царевича Димитрія, тотчасъ по принесеніи ихъ изъ Углича, хотѣли положить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была могила Годунова, для чего даже выкопана яма и выложена камнемъ; но послѣ происшедшихъ чудесъ, они оставлены снаружи, и яма закладена.

Мощи св. отрока Димитрія (Уара) почиваютъ у перваго южнаго столпа. Св. отрокъ былъ убитъ въ Угличѣ, на седьмомъ году возраста, 15-го мая 1591 года. Нетлѣнныя мощи св. отрока перенесены сюда по повелѣнію царя Василія Іоанновича Шуйскаго, 3-го іюня 1606 года, Филаретомъ Никитичемъ, бывшимъ тогда митрополитомъ въ Ростовѣ. Нынѣшнюю раку для нихъ, обложенную серебромъ, устроилъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ 1630 г.,

[1]) 23 года.

о чемъ и свидѣтельствуетъ надпись на ракѣ. Святотатственная рука непріятелей, въ 1812 году, не коснулась этой святыни. По этому поводу въ журналѣ «Отеч. Записки» 1822 г., № 22, разсказано слѣдующее: Во время нашествія Наполеона, одна раскольница похитила мощи царевича. По счастію, встрѣтился съ нею соборный дьячекъ: онъ отнялъ изъ рукъ ея добычу и схоронилъ въ Вознесенскомъ монастырѣ на хоры за иконостасомъ. При смерти своей передалъ онъ тайну эту одному священнику, который объявилъ о томъ преосвященному Августину тотчасъ же по возвращеніи его въ Москву. Издатель [1]) свидѣтельствовалъ, что слышалъ эти подробности отъ самого преосвященнаго.—Здѣсь совершенно будетъ умѣстнымъ привести сказаніе о томъ, какъ были обрѣтены мощи св. отрока въ Угличѣ. «Послали мы,—пишетъ царь Василій Іоанновичъ,—по мощи царевича Димитрія Ивановича, митрополита Ростовскаго Филарета, и Астраханскаго епископа Ѳеодосія, и Спасскаго архимандрита Сергія, и Андроновскаго архимандрита Авраамія, и бояръ: князя Ивана Михайловича Воротынскаго, и Петра Никитича Шереметева, и Григорія Ѳеодоровича и Андрея Александровича Нагихъ; и писали къ намъ изъ Углича богомольцы наши Ростовскій митрополитъ и Астраханскій епископъ и архимандриты и бояре наши, что они мощи благовѣрнаго князя Димитрія Ивановича обрѣли; и мощи его цѣлыя, ничѣмъ невредимыя, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немножко тѣло вредилося, и на лицѣ плоть и на головѣ волосы цѣлы и крѣпкіе, и ожерелье жемчужное съ пуговицами все цѣло, и въ рукѣ лѣвой полотенцо тафтяное шитое золотомъ и серебромъ цѣлое, кафтанъ весь таковожъ, и подъ кафтаномъ камчатое шитое золотомъ и серебромъ цѣло на плечѣхъ, и сапожки на немъ цѣлы, только подошвы на ногахъ попоролися, а на персѣхъ орѣшки положенные на персѣхъ горсть. Сказываютъ, что коли онъ игралъ, тѣшился орѣхами и ѣлъ, и въ ту пору его убили, и орѣхи кровью полились, и того дня тые орѣхи ему въ

[1]) П. П. Свиньинъ.

горсти положили и тые орѣхи цѣлы. И когда были разслабленные различными болѣзнями, уздоровилися отъ раки его царевича Димит. Иванов., въ прошлыхъ лѣтахъ и въ нынѣшнемъ 1606 году, и до ихъ пріѣзду тамошніе люди принесли къ нимъ письмо, и тое письмо здѣсь въ Москвѣ прислано. И какъ понесли мощи его, множество больныхъ различными болѣзнями уздоровилъ; и какъ его поставили въ церкви Архангела Михаила, и отъ его святыхъ мощей пролились рѣки милосердія, много разслабленныхъ великимъ чудомъ уздоровились: первое уздоровилъ различными болѣзнями содержимыхъ человѣкъ 13, и посямѣстъ уздоровляти не перестаетъ всѣхъ, которые къ нему приходятъ съ истинною вѣрою» [1]).

У второго южнаго столпа—почиваютъ мощи Черниговскихъ чудотворецъ, князя Михаила Всеволодовича, и боярина его, Ѳеодора, пріявшихъ мученическую смерть въ Ордѣ за ревность къ православной вѣрѣ, и изрубленныхъ въ куски 20 сентября 1246 года. Мощи ихъ были сначала привезены во Владиміръ, потомъ въ Черниговъ, гдѣ и почивали около 330 лѣтъ. Наконецъ, по желанію царя Іоанна IV, перенесены въ Москву при митрополитѣ Антоніи въ 1572 году, и 14 февраля положены въ храмѣ, во имя ихъ построенномъ въ Кремлѣ, у Тайницкихъ воротъ, откуда, на время перестройки этой церкви, въ 1681 г., были помѣщены въ Архангельскомъ соборѣ, а въ 1683 г. возвращены на прежнее мѣсто. Но когда приказы, строенія и соборъ, находившіеся по гребню Кремлевской горы были сломаны [2]), то мощи угодниковъ, 25 августа 1770 года, были перенесены въ Срѣтенскій, а оттуда, 21 ноября 1774 года, въ Архангельскій соборъ. Съ того времени мощи и находятся тутъ неподвижно, подъ спудомъ. По повелѣнію Императрицы Екатерины II, тогда же сдѣлана была для мощей мастеромъ Петромъ Робертомъ богатая, чеканная изъ серебра, рака, которая въ 1812 году похи-

[1]) Собр. Госуд. Грам. II. 311, 312. См. еще „Сказаніе современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ". При мощахъ св. царевича: рубашка, платочекъ, рожечекъ, ножъ и кошел. съ 14 коп.

[2]) По случаю предполагавшейся постройки Большого дворца по проекту Баженова.

щена, и замѣнена бронзовою, высеребреною, съ образами превосходной работы, какъ на самой ракѣ, такъ и надъ нею, на столпѣ. (Память ихъ празднуется 20 сент.).

Въ предтеченской церкви стоитъ гробъ юнаго героя, Михаила Скопина-Шуйскаго. На сцену дѣятельности онъ *явился въ самое тяжелое для Россіи время, и сразу же* сдѣлался любимцемъ войска и народа. Отъ Скопина ожидали многаго, но зависть, по замѣчанію современниковъ, не замедлила подкопаться подъ него. Онъ умеръ неожиданно [1]). Народъ съ ужасомъ узналъ о его кончинѣ, и приписывалъ ее отравѣ, подозрѣвая въ томъ самого царя. Грустную кончину Скопина народъ увѣковѣчилъ пѣсней: «У насъ было въ каменной Москвѣ», гдѣ разсказывается, какъ *на пиру у князя Воротынскаго, дочь Малюты* Скуратова поднесла Скопину «стаканъ зелья лютаго». Въ этой пѣснѣ, передъ смертью, Скопинъ говоритъ «своей матушкѣ»:

Охъ, ты гой еси, матушка моя родимая,
Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова! [2]).

Объ этомъ тяжеломъ времени Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что въ Архангельскомъ соборѣ слышны были «шумъ и гласи и плачь», предвѣщавшіе разореніе царства московскаго.

Ризница Архангельскаго собора вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ драгоцѣнныхъ утварей и священныхъ облаченій, многіе достопримѣчательные вклады прежнихъ царей и вельможъ. Между ними заслуживаютъ особеннаго вниманія: 1) Неоцѣненный памятникъ древней нашей письменности—Евангеліе (второе по извѣстномъ Остромировомъ), писанное въ 1125 году сыномъ пресвитера, Алексою, для внука Всеволода, Мстислава Владимировича, когда онъ княжилъ еще въ *Новгородѣ* [3]). Богатый переплетъ его сдѣланъ изъ филограннаго золота, съ изображеніемъ греческой работы, и украшенъ негранеными драгоцѣнными каменьями. Оно

[1]) 23 апрѣля 1610 года.
[2]) Говорится о женѣ князя Дм. Шуйскаго, Екатеринѣ, которая, какъ говорятъ, и подала ядъ. Скопинъ съ *ней крестилъ*.
[3]) Впослѣдствіи великій князь Кіевскій. Умеръ 15 апр. 1132 г.

взято изъ Новгородскаго Софійскаго собора царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV. 2) Печатное Евангеліе, въ богатѣйшемъ окладѣ, данное царицею Маѳою Матвѣевною, въ 1685 году. 3) Рукописная псалтирь, въ листъ, разрисованная весьма искусно разными изображеніями, данная въ соборъ, 1594 г., бояриномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ на поминовеніе царя Іоанна Васильевича и брата его, князя Юрія. 4) Серебряный крестъ, вклада царя Іоанна IV, 1560 г., украшенный драгоцѣнными каменьями, между которыми замѣчательны яхонтъ и два лалла (рубины) необыкновенной величины, также жемчужина и изумрудъ длиною въ $^1/_4$ вершка. 5) Золотой крестъ, съ драгоцѣнными камнями, вѣсомъ почти 4 фунта, данный царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ на поминовеніе души родителя его [1]). 6. Золотое кадило, осыпанное драгоцѣнными камнями, вѣсящее также болѣе 4 фунтовъ, даръ царицы Ирины Ѳеодоровны, сестры Годунова [2]). 7) Золотые сосуды царицы Маѳы Матвѣевны, и проч. Сверхъ того хранятся въ ризницѣ: тафья суконная (скуфья, шапочка), съ золотою запонкою, украшенная яхонтами и жемчугомъ, убіеннаго царевича св. Димитрія, доставленная въ соборъ стольникомъ Нарышкинымъ по повелѣнію Петра I-го въ 1770 году, и великолѣпные покровы, возлагаемые въ торжественные дни на гробницы царей изъ рода Романовыхъ. Они пунцовые, бархатные, съ жемчужными бахромами и такими же надписями. Посрединѣ каждаго вышиты крупнымъ жемчугомъ кресты, Адамовы головы, кости и проч. А на покровѣ царя Іоанна Алексѣевича сверхъ того нашиты финифтяные образа, осыпанные брилліянтами.

Замѣчателенъ еще въ алтарѣ главной церкви «верхъ горняго мѣста»: онъ украшенъ изсѣченною изъ цѣльнаго камня раковиною. Она позолочена [3]).

Къ прежнимъ особеннымъ преимуществамъ Архангельскаго собора, какихъ не имѣла ни одна церковь въ Россіи,

---

[1]) Крестъ съ мощами, съ надписью годъ 1677.
[2]) Оно четыреугольное, съ надписью, годъ 1598-й.
[3]) Не служитъ ли это іероглифическимъ изображеніемъ алтаря. Надо замѣтить, что соборъ и снаружи украшенъ раковинами.

относятся: 1) Древній обычай класть челобитныя на гробницы царскія, существовавшій съ незапамятныхъ временъ: никто не могъ воспрепятствовать просителю принести сюда свою жалобу, и она прямо доходила въ руки царя. Обычай этотъ уничтоженъ Петромъ Великимъ. 2) Учрежденіе при соборѣ Архіереевъ, для отправленія панихидъ въ дни кончины князей и царей, тутъ погребенныхъ. Эти отдѣльные Архіереи *начались* съ 1599 года и продолжались 166 лѣтъ. Упразднены въ 1765 году.

О первоначальномъ созданіи, а затѣмъ о возобновленіи Архангельскаго собора, свидѣтельствуютъ двѣ надписи, которыя мы и приводимъ.

Первая надпись находится на изображеніи Великаго Князя Даніила Александровича, на имѣющимся въ рукѣ его свиткѣ [1]). Вотъ она:

«Сей Святый Великаго Архистратига Михаила храмъ первоначально созданъ при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ, отъ созданія міра 6841, а отъ Рождества Христова 1333. Послѣ ради тѣсноты, повелѣніемъ Великаго Князя Іоанна Васильевича, всея Россіи, лѣти отъ созданія міра 7013, а отъ Рождества Христова 1505, съ вящшимъ пространствомъ новый заложенъ. Совершися оный храмъ строеніемъ, и освятися при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ, всея Россіи, лѣта отъ созданія міра 7017, а отъ Рождества Христова 1509 маія въ 8 день».

Вторая надпись находится на свиткѣ въ рукахъ Великаго Князя Всеволода Ярославича. Надпись свидѣтельствуетъ:

«Сей Святый Великаго Архистратига Михаила соборный храмъ возобновился иконнымъ настѣннымъ писаніемъ, повелѣніемъ Благочестивѣйшія Великія Государыни Императрицы Екатерины Вторыя, Самодержицы всея Россіи, при наслѣдникѣ ея, благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, въ лѣто отъ созданіи міра 7284, а отъ воплощенія Бога слова 1772 года».

---

[1]) Изображеніе князя св. Даніила Александровича находится на лѣвомъ *второмъ столпѣ вмѣстѣ* съ царемъ *Ѳеодоромъ* Алексѣевичемъ и вел. кн. Василіемъ Іоанновичемъ и Георгіемъ Даниловичемъ.

Благовѣщенскій соборъ.

Собору этому первый положилъ основаніе великій князь Василій Димитріевичъ въ 1397 г. Церковь построена была на великокняжескомъ дворѣ, деревянною, и считалась дворцовою или, лучше сказать, домашнею церковью великокняжеской семьи: въ ней совершались таинства брака и крещенія великихъ князей. Расписана же церковь была, какъ значится въ дворцовыхъ запискахъ, въ 1404 г. Кто именно расписывалъ—въ запискахъ не значится, но такъ-какъ подъ этимъ и подъ слѣдующимъ годомъ лѣтописи наши упоминаютъ о бывшемъ въ Москвѣ иконописцѣ, монахѣ Андреѣ Рублевѣ, весьма славившемся, то и можно допустить, что храмъ Благовѣщенія расписывалъ именно онъ.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III-й, при постройкѣ храмовъ и заложеніи новыхъ зданій въ Кремлѣ, приказалъ этотъ храмъ разобрать и заложить новый, который и заложенъ 6 мая 1484 г. Черезъ пять лѣтъ новый соборный храмъ былъ оконченъ и 9 августа 1489 г. освященъ митрополитомъ Геронтіемъ. Соборъ строили вызванные изъ Пскова русскіе мастера, Кривцовъ и Мышкинъ.

По своему наружному виду соборъ чрезвычайно красивъ, и построенъ, какъ полагаютъ, по образцу греческихъ храмовъ X вѣка. Онъ увѣнчанъ девятью золотыми куполами и такими же рѣшетками около верхнихъ открытыхъ галлерей. Нижній ярусъ его съ трехъ сторонъ обнесенъ широкой крытой галлереей или папертью [1]). Соборъ въ то время соединялся на западъ посредствомъ сѣней съ на-

---

[1]) По преданію, съ этой крытой галлереи царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный слушалъ литургію послѣ того, какъ вступилъ въ четвертый бракъ. Отсюда же онъ увидалъ въ 1584 году комету съ крестообразнымъ знаменіемъ, и сказалъ: „Вотъ знаменіе моей смерти“.

бережными государевыми палатами, также какъ и теперь соединяется съ Дворцомъ, а на востокъ широкое каменное крыльцо вело въ плодовый садъ, въ которомъ были пруды, или выкладенные свинцомъ водоемы, наполненные красивыми рыбками [1]). Подлѣ него стояла кирпичная палата или казенный дворъ, превращенный въ 1758 году въ каменныя галлереи, въ которыхъ помѣщалась оружейная мастерская и конюшенная палата, сломанная въ 1770 году.

Сынъ Іоанна Васильевича III, вел. кн. Василій III, Іоанновичъ, по свидѣтельству лѣтописца, «повелѣлъ подписати Благовѣщеніе на своемъ дворѣ златомъ, иконы всѣ велѣлъ обложити серебромъ и златомъ и верхъ церковной позлатити». Повелѣніе было исполнено мастеромъ Ѳеодоромъ Едикеевымъ съ братіею въ 1508 году.

Въ 1597 году Государь Петръ Алексѣевичъ приказалъ соборъ обновить, но къ 1770 году вновь явилась надобность въ обновленіи. Это исполнено по повелѣнію Императрицы Екатерины II-й. Соборъ подновленъ иконописаніемъ, или, лучше сказать, снова расписанъ, съ тѣмъ, однакожъ, что весь рисунокъ древности въ точности сохраненъ. Работа началась 4 августа и окончена въ исходѣ октября, освященіе же послѣдовало 2 декабря того же 1770 года. Освященіе совершалось весьма торжественно преосвященнымъ Амвросіемъ со всѣми находившимися въ то время въ Москвѣ архіереями, архимандритами и игуменами. Стеченіе народа было изумительное [2]).

Наружный видъ храма съ тѣхъ поръ не измѣнялся.

По многимъ древнимъ свидѣтельствамъ видно, что соборъ этотъ не только въ народѣ, но и въ документахъ именовался «На царскомъ дворѣ у сѣней», и былъ, какъ уже сказано, всегда придворнымъ соборомъ великихъ князей и царей.

Воздвигнутый на возвышеннѣйшемъ мѣстѣ Кремлевской горы, Благовѣщенскій соборъ поражаетъ своими готическими формами. Видна какая-то, если можно такъ выра-

[1]) Садъ былъ маленькій и уничтоженъ при Екатеринѣ II-й.
[2]) Стѣнная живопись возобновлена еще въ 1835 г.

зиться, затѣйливость и восточный вкусъ. Повидимому, прилагаемо было особенное стараніе, чтобы придать собору особенную наружную красоту, что, впрочемъ, и не удивительно, если принять во вниманіе, что соборъ былъ дворцовый и что не было ни одного изъ Государей, который бы не ознаменовалъ свего усердія какимъ-либо приношеніемъ въ храмъ.

При самомъ входѣ на паперть, взоръ созерцателя невольно останавливается на повсемѣстной пестротѣ живописи, которою покрыты всѣ стѣны и своды потолка. Замѣчательно, что здѣсь, между ликами святыхъ, чтимыхъ нашею церковью, и пророковъ, упоминаемыхъ священнымъ писаніемъ, изображены и древніе греческіе философы: Аристотель, Анахарисъ, Менандръ, Птоломей, Ѳукидидъ, Зенонъ, Анаскаридъ и Плутархъ. Надъ головами ихъ начертаны ихъ имена, а на хартіяхъ, которыя они держатъ въ рукахъ, изреченія, взятыя изъ священнаго писанія, или изъ ихъ сочиненій. Напримѣръ у Аристотеля: «Первѣе Богъ, потомъ же слово и Духъ сіи едино». У Анахарсиса: «Яко унынїе пагуба есть человѣкомъ, и всяческимъ яже суть ихъ». У Птоломея: «Иже истинный рабъ и праведный сохранитъ свою душу, а не радѣяй о своихъ путяхъ погибнетъ». Прочія изреченія въ такомъ же духѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны и Сивиллы, также держащія свитки или хартіи. Подобное изображеніе лучшихъ мудрецовъ древности на паперти храма можетъ быть объяснено и оправдано извѣстнымъ обычаемъ древнихъ учителей христіанства убѣждать противниковъ его согласующимися съ нравоученіемъ его мнѣніями многихъ философовъ и приписываемыми Сивилламъ предсказаніями о Христѣ, что, между прочимъ, и подтверждается нѣкоторыми мѣстами писаній св. Юстина, Климента Александрійскаго, Оригена и др. Мысль помѣстить изображенія тѣхъ мудрецовъ древности, которые, не понимая еще совершенно истины, весьма близко подходили къ ней своими мнѣніями, превосходна и, конечно, не есть плодъ простой фантазіи живописца. Живопись эту относятъ ко второй эпохѣ сооруженія храма, т. е. къ работѣ мастера нашего

Ѳеодора Едикеева. Но не было ли подобной же живописи и на первомъ храмѣ? Предполагаютъ, что это былъ вкусъ греческаго письма. Въ отношеніи этой живописи можно допустить еще слѣдующее. Принявъ во вниманіе, что въ XV вѣкѣ, и еще ранѣе, одни только духовныя лица занимались науками и что большая часть нашихъ митрополитовъ были родомъ греки, можно полагать, что они, имѣя полное уваженіе къ своимъ древнимъ философамъ, хотѣли почтить память ихъ, и приказали помѣстить лица ихъ на паперти и для большей важности написать на держимыхъ ими хартіяхъ изреченія, согласующіяся съ истинами христіанской религіи [1]).

На наружныхъ стѣнахъ собора изображены: 1) Въ полуцыркулѣ, около Креста Господня, святыя мощи коихъ сохраняются въ соборѣ въ двадцати восьми ковчегахъ, серебряныхъ и вызолоченныхъ, да еще въ шести кіотахъ, обложенныхъ серебромъ, числомъ 138 частей. Надъ ликами святыхъ слѣдующая надпись: «Здѣсь лица тѣхъ святыхъ изображены зрятся, которыхъ части тѣлъ въ соборѣ семъ хранятся». Какъ говорятъ, на мѣстѣ этой картины, во всю длину стѣны, ранѣе былъ написанъ образъ Собора Пресвятыя Богородицы. 2) На стѣнѣ, обращенный къ Красному крыльцу, на верху,—писанный по золоту образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на коемъ св. Дѣва принимаетъ Благовѣстіе не въ храминѣ своей, какъ изображаютъ обыкновенно, но у колодца, изъ котораго она черпаетъ воду. Ангелъ виденъ въ облакахъ съ лѣвой стороны, и, чтобъ увидѣть его, Дѣва оборачиваетъ голову и немного станъ свой назадъ. По словамъ С. Н. Глинки [2]), рѣдкость подобнаго образа неоспорима, и работу его нельзя отнести къ позднѣйшему времени; онъ, кажется, древнѣе иконописанія внутренняго и, слѣдовательно, составляетъ остатокъ прежняго художества, и есть плодъ восточнаго преданія [3]).

---

[1]) Отеч. Зап. 1822 г. № 22.
[2]) Путев. въ Москвѣ.
[3]) Въ Истор. Библ. словарѣ Донъ Каммета, въ статьѣ о Назаретѣ, сказано, что Фока, писавшій въ XII стол., говоритъ: „При входѣ въ Назаретъ встрѣчаютъ церковь св. Гавріила, внизу которой небольшой сводъ осѣня-

Внутренность собора довольно тѣсна, такъ-какъ столбы, поддерживающіе своды, толсты и занимаютъ большое пространство. Слабо освѣщаемый только сверху, соборъ не имѣетъ въ себѣ такого величія, какое видно въ другихъ кремлевскихъ соборахъ, но, тѣмъ не менѣе, внушаетъ необыкновенное благоговѣніе.

Въ соборѣ не малое вниманіе обращаетъ на себя полъ: онъ составленъ изъ квадратныхъ плитъ яшмы, агата, мрамора и другихъ цвѣтныхъ камней [1]).

Изъ образовъ особенно замѣчательны:

1) Спасителя, въ окладѣ, украшенномъ камнями и жемчугомъ, съ слѣдующею надписью: «Въ лѣто міробытія 6845, отъ Рождества 1337, сія чудотворная Спасителева икона написана при державѣ великаго князя Іоанна Даниловича Калиты рукою многогрѣшнаго Михаила, поднесена бысть Святому Владыкѣ Моисею, прежде бывшему архимандриту Юрьева монастыря, что въ Новгородѣ, таже отъ Святаго Петра митрополита Московскаго Великому Новуграду во Архіепископа рукоположенному». 2) Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, также богато украшенъ частію восточнымъ жемчугомъ и изумрудами. 3) Донской образъ Пресвятыя Богородицы, весьма замѣчательный въ исторіи. Онъ поднесенъ донскими казаками великому князю Димитрію Іоанновичу. Образъ украшенъ весьма богато: на немъ золота 25 фунтовъ и жемчугу, кромѣ камней, 2 фунта 75 золотниковъ. За чудотворенія, бывшія отъ образа при побѣдѣ надъ полчищами Казы-Гирея въ Москвѣ, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ честь образа сооруженъ Донской монастырь [2]). 4) Борловскій образъ Пресвятыя Богородицы, или Блаженное чрево, находящійся въ кіотѣ у столба съ правой стороны. Онъ богато украшенъ серебряною вызолоченною ризою и вѣнцомъ съ камнями. По преданію, онъ доставленъ въ Москву изъ одного Греческаго монастыря, носившаго названіе Бурловской пустыни.

еть колодезь близъ котораго Ангелъ первоначально вѣщалъ Богородицѣ". Камметъ при этомъ прибавляетъ, что, по преданію, принятому на Востокѣ, Ангелъ первоначально вѣщалъ Маріи близъ колодца, а потомъ въ ея домѣ.

[1]) Яшма прислана въ даръ Алексѣю Михаиловичу персидскимъ шахомъ.

[2]) Въ 1591 г.

У этого же, праваго столба, къ сторонѣ алтаря, находится рѣзное изъ дерева царское мѣсто. На немъ нѣтъ никакой надписи, но, судя по работѣ, его можно отнести ко времени царя Іоанна Васильевича Грознаго.

У лѣваго столба, противъ иконостаса, въ сторонѣ, обращенной къ алтарю, вдѣланы въ порфирѣ шестьдесятъ крестовъ разной величины, греческой и русской работы, которые носили великіе князья, цари, царевичи, сверхъ бармъ. Всѣ они расположены около кіота, въ которомъ находится Распятіе. На двухъ другихъ сторонахъ столбовъ, между главнымъ входомъ и царскими дверями,—два золотыхъ креста великаго князя Владиміра Мономаха. У западной стороны столбовъ, стоящихъ посреди собора, возложены на налояхъ шесть клѣтчатыхъ досокъ съ частями св. мощей.

Ризница Благовѣщенскаго собора, находящаяся въ алтарѣ съ правой стороны, не заключаетъ въ себѣ множества вещей, но отличается богатствомъ, рѣдкостію и порядкомъ.

Всѣ хранящіеся здѣсь предметы расположены въ прекрасномъ шкафу, въ 1818 году украшенномъ вензелемъ Государя Императора Александра I-го, по бокамъ котораго, въ двухъ клеймахъ, золотыми буквами написана слѣдующая надпись:

„Увѣнчанъ лаврами, столицу посѣщаетъ,
Все зиждетъ, все живитъ и храмы украшаетъ“.

Въ ризницѣ, во второмъ клеймѣ, надпись: «Се памятникъ ко храму Божію».

Щедротъ Его въ одеждахъ сихъ;
Любовь сіяетъ въ нихъ.

Изъ многихъ богатыхъ ризъ особенно отличаются ризы малиноваго бархата съ жемчужными оплечьями: всего жемчугу на нихъ 37 ф. 93 зол.; а изъ вещей особенно замѣчательны: два рукописныя Евангелія, писанныя полууставцемъ. Одно изъ нихъ, небольшаго формата 1564 года, есть даръ царя Іоанна Васильевича Грознаго, а другое, на Александрійской бумагѣ, обложено золотомъ и особенно отличается прекрасными рисунками Евангелистовъ въ эмблемахъ ихъ, греческой работы, отличающейся яркостью и прочностью красокъ. Евангеліе при этомъ украшено

большими драгоцѣнными камнями: яхонтами, рубинами и топазами.—Замѣчательны еще пять крестовъ. Первый, такъ-называемый, Мономаховъ, принесенный Мономаху изъ Эфеса, съ надписью: «Въ семъ кіотѣ крестъ Святаго и Животворящаго древа, на немъ же распятъ Христосъ Богъ, и сей Святый крестъ сотворенъ животворящимъ самосущнымъ древесемъ, и въ немъ Святое древо отъ того креста, иже бѣ присланъ отъ Константинополя въ Кіевъ В. К. Владиміру Мономаху Константина Мономаху единогласно нареченнаго, шапку и Діадиму и сердоличную чарку, изъ нея же иногда веселяся Августъ Кесарь Римскій, еще же и той Св. Крестъ тогда прія отъ Митрополита Неофита Ефесскаго и Митулинскаго и Милитійскаго. О семъ убо свидѣтельствуетъ въ 8-й гл. Степенной книги,—зачато бысть сіе дѣло во честь Христа Бога нашего въ лѣто 7113 (1505), а совершено бысть въ лѣто 7129 (1624)». Второй крестъ золотой съ древомъ креста Господня и св. мощами, отличной греческой работы и очень богато убранный алмазами.—Третій, золотой, четвероконечный съ финифтью, съ животворящимъ древомъ и съ рѣшетчатою золотою затворкою. Вокругъ животворящаго древа находятся знаменія страстей Христовыхъ. Этотъ крестъ замѣчателенъ своею древностію. На немъ надпись: «Божественныя страсти Великаго Бога и Спаса нашего Христа принесены изъ Царя-града смиреннымъ Архіепископомъ Діонисіемъ въ святую Архіепископью, въ Суздаль, въ Новгородъ въ подарецъ потщаніемъ многимъ и подвигамъ и споспѣшники имѣя Богоносные Отцы, во Царѣ-градѣ равно Ангеламъ житіе имущи, при Всесвятѣмъ Патріархѣ Нилѣ, при Велик. Князѣ Димитріѣ Константиновичѣ, иже созда раку сію въ честь и славу святымъ страстямъ Христовымъ въ лѣто 6891 (1383) индикта въ 6».—Четвертый крестъ—воздвизальный, восьмиконечный, съ мощами и животвор. древомъ. Онъ богато украшенъ яхонтами и жемчугомъ. На немъ надпись: «Лѣта 7061 сдѣланъ бысть крестъ въ домъ Св. Николы на Вяжцахъ при Благов. Царѣ и Вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ».—Пятый крестъ, именуемый Корсунскимъ [1]) царя Константина, серебряный, высокой

греческой работы, съ животворящимъ древомъ. Онъ украшенъ алмазами, яхонтами и жемчугомъ. По наружности своей этотъ крестъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ.

Укажемъ и на другія священныя рѣдкости, имѣющіяся въ ризницѣ собора.

Крестообразный серебряный вызолоченный кіотъ. Онъ украшенъ камнями и заключаетъ въ себѣ: древо креста Господня, камень гроба Господня, Ризу Господню, Ризы Пресвятыя Богородицы, Хитонъ Господень, Власы Христовы, Трость, губу и ароматы и проч.

Сосуды. 1) Золотой гладкій сосудъ съ такою же принадлежностію, имѣющій вѣсу 7 фунт. 69 зол.—2) Золотые же сосуды, принесенные въ даръ духовникомъ Императрицы Елизаветы Петровны протоіереемъ Дубянскимъ. Они отличаются весьма изящной работой и прекрасною живописью по финифти и украшены разноцвѣтными дорогими камнями.

Большая водосвятная чаша, серебряная, и при ней такой же кувшинъ. Серебряные ковшъ и кружка царя Михаила Ѳеодоровича. Серебряная вызолоченная четвертина, съ польскою надписью по краямъ, означающею, что она дѣлана въ Варшавѣ. Дарохранительница, или ковчегъ, съ большимъ китайскимъ рубиномъ и съ прекрасною живописью. Наконецъ, въ ящикахъ ризницы сохраняются, низанныя жемчугомъ и убранныя серебряными дробницами, пелены къ мѣстнымъ образамъ, употребляющіеся только въ торжественные дни.

Благовѣщенскій соборъ имѣетъ четыре предѣла: 1) Вшествіе Христа въ Іерусалимъ. 2) Архангела Гавріила, 3) Соборъ Пресвятыя Богородицы и 4) св. Александра Невскаго.—Въ первыхъ 3-хъ придѣлахъ въ иконостасахъ всѣ образа высокой древней греческой работы и всѣ украшены серебряными вызолоченными окладами и вѣнцами. Замѣчательно, что въ 1812-мъ году всѣ эти три придѣла остались неприкосновенными, такъ-что не были даже тронуты замки и печати. 4-й придѣлъ, во имя св. Александра Невскаго [1]), устроенъ по Высочайшему повелѣнію Императора

[1]) Вмѣсто прежняго св. Василія Неокесарійскаго.

Александра I-го. Образа въ немъ писаны русскими художниками.

О перестроеніи и о поновленіи храма свидѣтельствуютъ двѣ надписи: Первая, на столбѣ у праваго клироса: «Сія Святая Соборная и Апостольская церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы создана лѣтомъ 6997 (1489) при державѣ Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Россіи и при его дѣтяхъ Благовѣрныхъ Князьяхъ Іоаннѣ, Василіѣ, Георгіѣ, Андреѣ и Симонѣ».—Вторая на столбѣ, у лѣваго клироса: «Поновися въ лѣто 7205 (1697) при Державѣ Благочестивѣйшаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и при сынѣ Его Благовѣрномъ Государѣ нашемъ, Царевичѣ и Великомъ князѣ Алексѣѣ Петровичѣ».

Въ соборъ ведутъ двое дверей—сѣверныя и южныя. Послѣднія, обращенныя на Москву-рѣку, и отличающіяся узорочностію и затѣйливостію зодчества, служили входомъ для Государей и мѣстомъ для отдохновенія послѣ богослуженія и раздаванія милостыни бѣднымъ.

Нельзя пройти молчаніемъ и того, что по народному преданію, четвероконечный крестъ, находящійся на средней, возвышенной надъ прочими, главѣ,—весь золотой. Разсказываютъ, что Наполеонъ, слышавшій объ этомъ снялъ съ Ивана Великаго желѣзный крестъ, покрытый позолоченными мѣдными листами, полагая, что это есть именно золотой крестъ [1]).

Упомянемъ и о томъ, что первые боевые часы въ Москвѣ были поставлены возлѣ Благовѣщенскаго собора на башнѣ великокняжескаго дворца. Они были поставлены въ 1404 году монахомъ Аѳонской горы Лазаремъ, по происхожденію сербомъ. Часы эти стоили 150 р. или около 30 ф. серебра. Народъ московскій глядѣлъ тогда на эти часы, какъ на невиданное чудо. При часахъ была сдѣлана механическая фигура человѣка, ударявшаго молотомъ въ ко-

---

[1]) Есть преданіе, что крестъ этотъ не могли снять Наполеоновскіе ни техники, ни инженеры. Но нашелся одинъ русскій мужичекъ, который, взобравшись на верхъ колокольни, по веревкѣ снялъ крестъ. Наполеонъ тутъ же приказалъ разстрѣлятч предателя. (Отеч. Зап. 1821 г., № 18).

локолъ, при окончаніи каждаго часа. Объ этихъ часахъ въ лѣтописи говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «сей же часникъ наречется часомѣрье, на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣря и расчитая часы нощныя и дневныя: не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно,—самозванно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть человѣческою хитрость, преизмечтано и преухищрено».

Размѣръ собора: дл. до иконостаса 11 саж., ширина внутри стѣнъ 14 саж., вышина отъ полу до свода 5 саж.

Соборъ Спаса Преображенія на Бору.

Соборъ этотъ въ настоящее время находится во дворѣ Большого Императорскаго Дворца въ его дворовомъ четвероугольникѣ, и есть одинъ изъ древнѣйшихъ и достопамятнѣйшихъ храмовъ Кремля, сохранивъ свой первобытный видъ почти всецѣло. — По нѣкоторымъ источникамъ, это есть положительно первый извѣстный храмъ, построенный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была хижина отшельника Букала (Букола). Это построеніе свершилось спустя 125 лѣтъ послѣ первой исторической извѣстности Москвы, въ 1272 г., за 54 г. до основанія Успенскаго собора и за 67 лѣтъ до обнесенія Дѣтинца (Кремля) дубовою рубленою стѣною. Храмъ былъ деревянный, и построилъ его св. Даніилъ, только-что получившій въ удѣлъ земли и села, принадлежавшія боярину Кучко. Существованіе этого деревяннаго храма продолжалось 56 лѣтъ. Въ 1328 году, на другой день послѣ построенія Успенскаго собора, сынъ св. Даніила, великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита, на мѣстѣ деревяннаго храма Спаса Преображенія построилъ новый каменный, и черезъ два года учредилъ при ней обитель, переведя въ нее иноковъ изъ Данилова монастыря—мѣста погребенія отца его—и подчинивъ ту обитель новоустроенному, Спасоборскому. Іоаннъ Даниловичъ украсилъ храмъ Спаса иконами, сосудами, пеленами и проч., а обитель обогатилъ вкладами и доходами. Въ храмѣ этомъ онъ любилъ уединяться для молитвы, а предъ кончиною, въ 1340 г., принялъ въ немъ иноческій образъ и схиму.

Сынъ Іоанна Даниловича, великій князь Симеонъ Гордый, повелѣлъ извѣстному художнику, Гойтану, расписать

стѣны храма, а въ 1350 г. пристроилъ къ нему каменный притворъ, или трапезу, которая въ 1478 г., при вел. кн. Іоаннѣ III-мъ, была перестроена.

Обитель [1]) Спасоборская была киновіею, по образцу древнихъ греческихъ монастырей, т. е. служила общимъ пребываніемъ чернецовъ и черницъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріютомъ для убогихъ и нищихъ, также обоего пола; Калита и преемники сами кормили и одѣвали ихъ. Архимандриты этой обители были всегда духовниками великихъ князей.— Во время нашествія на Москву Тохтамыша, обитель была разграблена и архимандритъ ея, Симеонъ, убитъ, но Димитрій Іоанновичъ и сынъ его, Василій, возстановили обитель снова.—Въ 1490 году в. к. Іоаннъ III, расширяя свои палаты, перенесъ обитель за рѣку Яузу, подъ именемъ Новоспасскаго монастыря [1]). Дворцовый же монастырь былъ обращенъ въ соборъ, именуясь церковью «Верховою, или Спасскою, на Царскомъ Дворѣ», иногда же «Спасскою, за Дворомъ Великаго Князя». Впослѣдствіи же ей было придано названіе «Придворнаго Собора».

Великій князъ Василій III, Іоанновичъ, въ 1527 году, соборъ возобновилъ, и онъ освященъ митрополитомъ Даніиломъ. Второе возобновленіе сдѣлано царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1554 г. послѣ большого кремлевскаго пожара, и вслѣдъ за тѣмъ, когда имъ совершенно былъ покоренъ Новгородъ, пристроены въ линію съ алтаремъ собора двѣ отдѣльныя церкви, или придѣла: съ сѣверной стороны—во имя Трехъ Святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, а съ южной— во имя трехъ Исповѣдниковъ: Гурія, Самона и Авива, такъ-какъ подобный же находился и при Софійскомъ Новгородскомъ соборѣ [2]). Первый изъ этихъ придѣловъ послѣ 1812 года упраздненъ, а послѣдній существуетъ и по настоящее время. Третье, и послѣднее, возобновленіе произведено при Импер. Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1737 г.: испра-

---

[1]) Въ лѣтописи сказано: „Въ лѣто 1345 почали подписывати церковь св. Спаса въ Москвѣ, а начальницы быша Рустія родомъ, а гречестія ученицы, Гайтанъ, и Семенъ, и Иванъ.

[2]) Въ древности были еще три придѣла, но они давно упразднены.

влена сгорѣвшая въ томъ же году крыша. Въ 1863 году еще кое-что подновлено, исправлено, и соборъ освященъ митрополитомъ Филаретомъ.

Въ настоящее время, взглянувъ на этотъ храмъ, ровесникъ Москвѣ, *невольно поражаешься странною противоположностью*, которую онъ представляетъ съ окружающимъ его Императорскимъ дворцомъ: онъ кажется точно вросшимъ въ землю, и крестъ средней главы едва равняется со вторымъ этажемъ дворца. — Внутренность храма не велика, своды поддерживаются толстыми, несоразмѣрными столбами.

Въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ находятся слѣдующія замѣчательнѣйшія иконы:

а) *Храмовая икона Преображенія Господня*, писанная въ XVI столѣтіи; б) Боголюбская икона Богоматери, принесенная, какъ полагаютъ, изъ Боголюбова; в) Соборъ Архангеловъ Михаила и Гавріила, и г) *Похвалы Богородицы*.

Здѣсь же почиваютъ подъ спудомъ и мощи св. Стефана Епископа Пермскаго.—Св. Стефанъ родился въ Великомъ Устюгѣ, происходилъ изъ духовнаго званія. Съ юныхъ лѣтъ онъ началъ подвизаться въ духовной жизни и изучать *Священное Писаніе*. Когда онъ достигъ совершеннолѣтія, то постриженъ былъ въ монашество въ Ростовскомъ Григоріе-Богословскомъ монастырѣ. Имѣя случай выучиться Пермскому языку, св. Стефанъ *возымѣлъ намѣреніе* отправиться въ Пермь, для просвѣщенія тамошнихъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Зырянъ, — свѣтомъ христіанскаго ученія. Воодушевленный Благодатію Божіею, онъ преуспѣвалъ въ проповѣди христіанскаго ученія Пермскимъ народомъ, *поклонявшимся* въ то время кумирамъ. Проповѣдь Божественнаго ученія, подкрѣпленная кротостію и смиреніемъ св. Стефана, явила самую благотворную силу. Язычники сначала со вниманіемъ *слушали проповѣдь* христіанскаго ученія и съ любопытствомъ смотрѣли на обрядъ христіанскаго Богослуженія, потомъ, плѣненные силою ученія Христова и убѣжденные въ истинѣ христіанской вѣры, они цѣлыми толпами стекались къ св. Стефану, для принятія *св. крещенія*. Видя успѣхи своей проповѣди, св. Стефанъ началъ строить церкви, заводить школы, переводить

Богослужебныя книги на пермскій языкъ и на немъ отправлять Богослуженіе Православной церкви. Митрополитъ Пименъ, узнавъ объ успѣхахъ св. Стефана, поставилъ его епископомъ Пермской епархіи. Въ 1396 г. св. Стефанъ, по дѣламъ церкви, прибылъ въ Москву, гдѣ въ скоромъ времени и скончался, и погребенъ былъ въ церкви Спаса, что на Бору. Память св. Стефана церковь празднуетъ 26 апрѣля.

Церковь Спасо-Преображенская, или обитель, была прежде усыпальницею Великихъ князей и княгинь, когда еще не были сооружены Архангельскій соборъ и Вознесенскій монастырь [1]). Въ этой церкви совершались крещеніе и постриженіе князей и она была свидѣтельницею обѣтовъ, даваемыхъ великими князьями, и ихъ молельною.

---

[1]) Въ соборѣ есть пять княжескихъ гробницъ.

Верхо-Спасскій Соборъ.

(Спасъ за Золотою рѣшеткою).

Соборъ этотъ, находящійся во дворцѣ, назывался прежде церковью Спаса Нерукотвореннаго, на Сѣняхъ, на Верху, Верховою и Спасомъ Новымъ. Первоначальное построеніе его приписываютъ Софьѣ Ѳоминишнѣ, супругѣ Іоанна III-го, но достовѣрнѣе, что храмъ построенъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1635—36 гг., во время увеличенія имъ царскихъ теремовъ. Строителемъ храма былъ подмастерье каменныхъ дѣлъ Боженко Огурцовъ. Въ этомъ храмѣ говѣли и причащались цари, начиная отъ Михаила Ѳеодоровича и до Петра I-го, были крещены ихъ дѣти и совершалось молебствіе въ день совершеннолѣтія царевичей, когда они объявлялись наслѣдниками престола. Отъ этого храма лѣстница вела на такъ-называемую «боярскую площадку», существующею до нынѣ, хотя теперь она значительно меньше, чѣмъ была въ старину, потому-что часть ея отошла подъ Владимірскую залу дворца. Бояре сходили съ лошадей, или, начиная съ XVII вѣка, выходили изъ каретъ и рыдвановъ, не доѣзжая до царскаго дворца, и шли пѣшкомъ во дворецъ. На «боярской площадкѣ» они останавливались для отдыха и для совѣщанія между собою, прежде чѣмъ предстать предъ царскія очи. На этой же площадкѣ объявлялось частное царское распоряженіе боярамъ и читались царскіе указы. Здѣсь же Государь жаловалъ именинными пирогами бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей [1]). Самая верхняя площадка сказанной

[1]) Между прочимъ, царь Алексѣй Михайловичъ принималъ здѣсь челобитныя отъ Никона и тутъ же давалъ рѣшеніе.

лѣстницы, предъ самою церковью, ограничена вызолоченною рѣшеткою, которая и была поводомъ къ наименованію храма «за золотою рѣшеткою».

Послѣ своей первоначальной постройки храмъ неоднократно былъ возобновляемъ и украшаемъ. По повелѣнію царя Ѳеодора Алексѣевича въ немъ сдѣланы новые иконостасы. Потомъ храмъ былъ обновленъ въ 1686 году. Въ 1737 г. на немъ сгорѣла кровля. Императрицы Анна, Елизавета и Екатерина II-я привели храмъ въ прежнее цвѣтущее состояніе, а графиня Матрена Павловна Салтыкова устроила въ немъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, серебряные, чеканные—иконостасъ, Царскія врата и престолъ, уцѣлѣвшіе, къ счастью, въ 1812 году. Наконецъ, по волѣ Императора Николая Павловича соборъ еще разъ отдѣланъ въ 1836 г., при чемъ стѣны его особенно тщательно росписаны ликами святыхъ въ древнемъ стилѣ.—Изъ числа мѣстныхъ иконъ храма замѣчательны: 1) Икона Всемилостиваго Спаса, древняго Византійскаго письма, покрытая слюдою; по преданію, она привезена изъ Рима царевною Софьею Ѳоминишною. 2) Явленная икона Пресвятыя Богородицы, именуемая Новоникитскою, въ богатомъ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, со звѣздами изъ восточныхъ хрусталей. 3) Логгина Сотника, написанная въ началѣ XV в. и завѣщанная вел. кн. Василіемъ Темнымъ своимъ наслѣдникамъ. 4) Ѳеодора Стратилата, ангела царя Ѳеодора Алексѣевича. 5) Іоанна Предтечи.—При храмѣ придѣлъ во имя Іоанна Крестителя. — Къ этому же собору принадлежатъ церкви: а) Положеніе Ризы Богоматери во Влахернѣ (Печерская часовня), б) Екатерины Великомученицы, в) Воскресенія Славущаго, г) Распятія Христова, д) Рождества Пресв. Богор., что на Сѣняхъ, и е) Воскрешеніе Лазаря [1]).

---

[1]) См. ниже „Кремлевскія церкви".

Кремлевскія церкви.

Положеніе ризы Богоматери во Влахернѣ, именуемая Печерской часовнею. Эта небольшая церковь находится близъ западныхъ дверей Успенскаго собора и въ народѣ извѣстна подъ названіемъ Печерской часовни. — Основаніе церкви положилъ св. митрополитъ Іона въ 1451 году, по случаю спасенія Москвы отъ угрожавшаго ей нашествія татаръ подъ предводительствомъ сына хана Ногайской орды, Мазовши. Онъ заложилъ ее на своемъ митрополичьемъ дворѣ, который онъ за годъ передъ тѣмъ перенесъ отъ церкви Іоанна Предтечи на Бору, ближе къ престольному храму Успенія. Дворъ этотъ былъ каменный. Храмъ получилъ свое названіе потому, что Мазовша внезапно бѣжалъ отъ Москвы 2 іюля, въ самый день праздника Положенія Ризы Богородицы. Черезъ 35 лѣтъ митрополитъ Геронтій построилъ вмѣсто ея новую, которая, хотя и съ нѣкоторыми перемѣнами въ наружномъ видѣ, существуетъ и по настоящее время. Ее строили псковскіе мастера [1]), и освящена она 31 августа 1486 года. Со времени своего построенія она была домовою митрополичьею церковью. Потомъ, до временъ царствованія Алексѣя Михаиловича, называлась «церковью Положенія Ризы на Государевѣ Патріаршемъ Дворѣ и на Сѣняхъ». А въ 1655 г., при распространеніи Царскихъ теремовъ, когда Никонъ перенесъ патріархію въ новый домъ, она причислена къ царскому двору съ названіемъ «верховой», или на «сѣняхъ». По юж-

[1]) Кривцовъ и Мышкинъ.

ной сторонѣ этой церкви устроено высокое крыльцо, ведущее въ особую часовню, гдѣ во впадинѣ западной стѣны, поставленъ чествуемый богомольцами списокъ съ чудотворной Печерской иконы Божіей Матери [1]). Икону эту особенно чтили московскіе митрополиты, какъ защитницу русской митрополіи, утвердившейся въ Москвѣ: это была ихъ домовая икона и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, она сопутствовала имъ при перенесеніяхъ ихъ престола изъ Кіева во Владиміръ, а потомъ изъ Владиміра въ Москву. Означенный списокъ иконы поставленъ былъ тогда надъ западными дверьми домовой Владычной церкви. Когда же на мѣстѣ митрополичьяго дома возвысился Царскій теремъ, то икона пришлась какъ разъ противъ самыхъ оконъ царицыной золотой палаты и сдѣлалась всегдашнимъ предметомъ особеннаго благоговѣнія царицъ и царевенъ. Древнія же царскія врата вставлены изнутри церкви во впадину, или въ окно, которое изъ часовни загорожено означеннымъ спискомъ съ иконы. — Сѣверная дверь церкви Положенія Ризы выходитъ въ сѣни, принадлежащія къ бывшему нѣкогда женскому отдѣленію теремовъ. Изъ этихъ сѣней, служившихъ преддверіемъ къ тюремному зданію, устроено крыльцо, спускающееся прямо къ западному входу Успенскаго собора, по которому въ старину хаживали на молитву царицы и царевны, а въ неторжественные дни и сами цари. Церковь нѣсколько разъ подвергалась пожарамъ и разореніямъ, и потому въ ней не осталось никакихъ древнихъ вещей и вкладовъ, кромѣ четырехъ огромныхъ подсвѣчниковъ предъ мѣстными иконами, которые пожертвованы сюда патріархомъ Іосифомъ: они круглые, деревянные, въ видѣ свѣчъ, съ разными узорочьями и надписями. На стѣнахъ церкви, тѣсной, но высокой, изображенъ въ лицахъ весь акаѳистъ Божіей Матери. Прежде былъ здѣсь придѣлъ Великомученика Георгія, о которомъ упоминается въ 1624 г., но когда онъ устроенъ и упраздненъ—неизвѣстно. Послѣ нашествія французовъ церковь снова освящена въ 1813 году.

---

[1]) Подлинникъ ея находится въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Екатерины Великомученицы. Наход. съ смежности съ церковью Положенія Ризы Богородицы, отъ которой отдѣляется темнымъ переходомъ, простирающимся на такъ-называвшееся въ древности «Постельное крыльцо». Она носила названіе «у царицы на сѣняхъ», и построена по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича въ 1627 году зодчимъ Джономъ Талеромъ. Правительницей Софіей въ ней сдѣланъ новый иконостасъ, а на клиросахъ написаны шесть Савиллъ съ ихъ пророческими изреченіями о Христѣ. При церкви была и обширная трапеза, давно уничтоженная, въ которой царь Алексѣй Михаиловичъ устроилъ два придѣла: св. Евдокіи, въ честъ ангела своей матери, Евдокіи Лукьяновны, и св. Онуфрія, на память дня рожденія ея же, царицы Евдокіи.—Церковь эту особенно чтилъ царь Алексѣй Михаиловичъ, которому въ 1659 г. во снѣ явилась св. Екатерина, когда онъ былъ на соколиной охотѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣ имъ была основана *Екатерининская пустынь*. Тѣмъ же царемъ церковь назначена была на случай браковѣнчанія царевенъ и великихъ княженъ. Въ ней же царицы брали молитву послѣ родовъ и пріобщались вмѣстѣ съ царевнами, во время постовъ, св. Таинъ.—Послѣ пожара, въ 1737 г., по указу Императрицы Анны Іоанновны, она возобновлена, а Императрицы Елисавета и Екатерина II обогатили церковь утварью и облаченіями. Въ числѣ мѣстныхъ иконъ замѣчательны древностью образа мученицы Екатерины, Евдокіи и Іосафа, царевича индійскаго. На образѣ св. Екатерины находится драгоцѣнный вѣнецъ, щедро украшенный брилліантами—даръ Екатерины II-й, счастливо сохранившійся отъ разграбленія въ 1812 году.

Воскресенія Славущаго. Церковь эта, несомнѣнно, существуетъ также, какъ и Верхо-Спасскій соборъ, съ 1635 года, что видно по ея стилю и украшеніямъ. Иконостасъ церкви единственный въ своемъ родѣ: состоя изъ вычурной рѣзьбы, онъ представляетъ блестящее смѣшеніе позолоты, серебренья и яркихъ красокъ, дающихъ ему видъ фарфора и перламутра. За престоломъ поставлено Распятіе, вырѣзанное изъ дерева въ ростъ человѣческій. По-

среди церкви виситъ старинное паникадило. Въ 1840 г. стѣны храма расписаны фресками съ сохраненіемъ древняго стиля. Самая церковь находится подъ церковью великомученицы Екатерины.

Распятія Христова. Входъ въ эту церковь съ хоръ Воскресенія Славущаго, и она находится надъ Верхо-Спасскимъ соборомъ, служа какъ бы придѣльною Воскресенія Славущаго. Длина ея 8 арш. 13 вершк., ширина 5 арш. 9 вершк. Въ ней полъ штучный изъ бѣлаго и чернаго мрамора, а иконостасъ высокій, въ четыре яруса, въ которомъ всѣ образа шитые, по преданію, царевнами, лики же написаны на холстѣ, въ фламандскомъ стилѣ. По лѣвую сторону алтаря есть особый притворъ, въ который входъ былъ закрываемъ нѣкогда занавѣскою: это моленная царя Алексѣя Михаиловича, уединявшагося здѣсь во время Божественной службы. Тутъ хранится крестъ въ точную мѣру съ Животворящимъ, сдѣланный, подобно ему, изъ трехъ деревъ: кедра, певга и кипариса—съ горельефнымъ изображеніемъ Іисуса Христа, вырѣзаннымъ изъ дерева въ настоящій ростъ. Другія стѣны этой моленной уставлены кіотами, съ образами Страшнаго Суда и Страстей Господнихъ.

Рождества Богородицы, что на Сѣняхъ. Наход. близъ теремовъ при Императорскомъ дворцѣ. Церковь построена, каменная, на мѣстѣ бывшей тутъ древней деревянной церкви Лазарева Воскрешенія супругою вел. кн. Д. І. Донского св. Евдокіею, въ 1393 г., въ память побѣды надъ Мамаемъ, одержанной, какъ извѣстно, въ праздникъ Рождества Богоматери [1]), и существовала тогда не во второмъ этажѣ теремовъ, какъ теперь, но внизу. Въ 1473 году она сгорѣла, а въ 1480 году своды ея обрушились. Когда при Іоаннѣ III-мъ теремныя зданія перестроены и подняты этажемъ выше, то въ 1514 году вел. кн. Василій IV-й повелѣлъ Алевизу Фрязину соорудить нынѣшнюю церковь Рождества Богородицы уже вверху. Въ характерѣ внутреннихъ украшеній этой церкви замѣтенъ вкусъ XVII

[1]) 8 сентября 1380 г.

вѣка, къ которому строго придерживались и при послѣдовавшихъ возобновленіяхъ: она тускло освѣщается готическими окнами, которыя затѣйливо украшены древними орнаментами, а стѣны фресками въ старинномъ стилѣ. Между образами замѣчателенъ списокъ съ Ѳеодоровской иконы Богоматери, бывшій въ особенномъ уваженіи дома Романовыхъ. Оригиналъ, какъ извѣстно, находится въ Ипатьевскомъ Костромскомъ монастырѣ [1]). На иконостасѣ храма мѣстныя иконы вышиты самими царицами и царевнами золотою битью и унизаны жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Въ притворѣ храма, сквозь окно въ самую церковь, слушали божественную службу царицы во время шестинедѣльнаго срока послѣ родовъ.—Въ настоящемъ видѣ церковь возобновлена при постройкѣ нынѣшняго Большого дворца.

Воскрешенія св. Лазаря. Она находится подъ церковью Рождества Богородицы и построена также св. Евдокіею. Замѣчательно, что церковь эта—единственный уцѣлѣвшій до нашихъ временъ памятникъ русскаго зодчества XIV-го вѣка—была не только упразднена, но и застроена со всѣхъ сторонъ каменными стѣнами на глухо до того, что даже всѣ забыли объ ней. Ничего неизвѣстно, почему и когда именно это случилось: лѣтописи молчатъ о церкви въ продолженіе 200 лѣтъ. Въ 1842 году, при исправленіи нижняго этажа терема, отвалена была одна стѣна, за которою, къ удивленію, нашли древніе мрачные своды, поддерживаемые двумя толстыми столпами, отдѣленіе алтаря, съ тремя узкими окнами въ полукружіи горнаго мѣста, съ престоломъ и жертвенникомъ, сдѣланными изъ тяжеловѣснаго кирпича. По повелѣнію Государя Императора Николая Павловича, храмъ былъ возстановленъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сооруженъ за 450 лѣтъ.—Въ церкви, на стѣнѣ арки, находится древнее изображеніе Ангела Божія съ надписью: «Ангелъ Господень трубитъ на землю». Въ одной изъ столповъ этой церкви есть углубленіе въ видѣ ниши для княжескаго мѣста. При по-

[1]) Принесена въ Москву матерью ц. Мих. Ѳеодор., Маѳеою.

стройкѣ нынѣшняго Императорскаго дворца подъ церковью, въ землѣ, открыты были человѣческія кости, что доказываетъ, что эта церковь, до построенія Вознесенскаго монастыря, была усыпальницею княгинь и княженъ, къ теремамъ коихъ она примыкала.

Двунадесяти Апостоловъ [1]). Церковь помѣщается во второмъ этажѣ Синодальнаго дома, находящагося противъ сѣверной стѣны Успенскаго собора. Она устроена по повелѣнію Петра I-го, въ 1723 году. Въ ней находится достойный вниманія древній, византійскаго стиля, образъ (двухстворчатый складень) апостоловъ Петра и Павла, въ золотомъ окладѣ, присланный Петру отъ Римскаго папы, Климента. Замѣчательны еще: а) Образъ Спаса Нерукотвореннаго, который былъ написанъ на стѣнѣ надъ бывшими патріаршими воротами. Во время перестройки, кирпичи, на коихъ написанъ образъ, упали съ высоты, но ликъ Спасителя, написанный на нихъ, чудеснымъ образомъ сохранился и существуетъ доселѣ. б) Черниговская икона Божіей Матери, списокъ съ подлинной чудотворной иконы, написанный въ XVII-мъ стол., и в) Храмовая икона 12-ти апостоловъ. Надъ этой церковью была домовая патріаршая церковь св. апостола Филиппа съ кельями патріарха. Тамъ же теперь патріаршая ризница.

Свв. Константина и Елены. При построеніи вел. кн. Димитріемъ *Донскимъ каменнаго Кремля, между 1362 и 1367* годами, въ числѣ воротъ упоминаются и Константино-Еленскія,—слѣдовательно церковь во имя свв. Константина и Елены тогда уже существовала, такъ-какъ всѣ ворота получали свое названіе отъ близъ находящихся храмовъ. Въ большой московскій пожаръ, 1-го августа 1740 года, она сгорѣла и затѣмъ построена вновь: потомъ возобновлена Еленою Глинскою. Бояринъ Илья Милославскій, въ 1651 г., на мѣстѣ деревянной церкви построилъ каменную. Въ 1692 году церковь вновь перестроена царицею Натальею Кирилловною. Въ 1812 году церковь

[1]) При церкви 12 апостоловъ учреждено монашествующее духовенство, а при Успенскомъ, Архангельскомъ, Благовѣщенскомъ и при другихъ соборахъ Кремля - бѣлое духовенство.

была совершенно разорена и предназначалась къ сломкѣ, но, по волѣ Императора Николая Павловича, возобновлена и торжественно освящена митрополитомъ Филаретомъ 22 сентября 1837 года. При ней предѣлъ св. Николая Чудотворца.

Благовѣщенія Богородицы, что на Житномъ дворѣ. Въ древнее время, къ башнѣ, возлѣ которой находится церковь, примыкалъ Житный царскій дворъ, гдѣ ссыпался въ житницахъ хлѣбъ для царскаго двора. Въ той же башнѣ содержали и преступниковъ. По преданію, въ башнѣ былъ заключенъ одинъ воевода въ царствованіе Іоанна Грознаго и проводилъ все время заключенія въ молитвѣ. Въ одну ночь явилась къ нему Пресвятая Богородица и приказала просить царя о свободѣ, послѣ чего онъ и рѣшился ходатайствовать предъ царемъ объ освобожденіи, и былъ прощенъ; когда посланные отъ царя пришли за нимъ, то на стѣнѣ башни увидѣли икону и сказали объ этомъ царю и тогда при образѣ была устроена часовня деревянная. Послѣ, когда Кремль неоднократно подвергался пожарамъ и разрушеніямъ отъ непріятеля, то никакая сила не коснулась иконы. Въ 1730 году Императрица Анна Іоанновна приказала устроить при часовнѣ каменную церковь во имя Благовѣщенія, такъ, чтобы стѣна башни, на которой явилась икона, находилась внутри церкви. Въ 1836 году въ церкви построенъ придѣлъ во имя св. Іоанна Милостиваго. Другой придѣлъ устроенъ въ 1892 году въ воспоминаніе чудеснаго спасенія Императорской Семьи при крушеніи поѣзда 17 октября 1888 г., во имя свв., празднуемыхъ церковью 17 октября.

Рождества Іоанна Предтечи. Въ Боровицкихъ воротахъ, куда перенесена послѣ сломки, въ сороковыхъ годахъ, старой церкви, находившейся на высотѣ Кремлевской горы и построенной въ то время, когда Москва готовилась быть столицею великаго князя. Ее построилъ Іоаннъ Калита въ 1321 году, и для стѣнъ ея былъ вырубленъ находившійся на Боровицкомъ холмѣ, къ рѣчкѣ Неглинной, лѣсъ, или густой боръ, почему она и получила названіе «на бору». Когда св. Петръ перенесъ престолъ свой изъ Владиміра

въ Москву, а Успенскій соборъ еще не существовалъ, тогда церковь Іоанна Предтечи была митрополичьею. Великій князь Василій Васильевичъ Темный вмѣсто старой церкви, пришедшей въ ветхость, построилъ новую, каменную, которая въ пожарѣ 1492 года сгорѣла и обрушилась, при чемъ погибли и сокровища княгини, хранившіяся подъ церковью. Въ 1559 г. великимъ княземъ Іоанномъ III-мъ была сооружена новая церковь, опять каменная, которая и существовала до разборки ея въ сороковыхъ годахъ. При церкви находился придѣлъ во имя преп. Варлаама Хутынскаго, который, впослѣдствіи, въ царствованіе Іоанна Грознаго, переименованъ въ честь св. муч. Уара, въ день памяти котораго, въ 1583 г., родился царевичъ Димитрій, почему церковь и извѣстна болѣе подъ именемъ Уара мученика. Стоявшій здѣсь храмовой образъ сего святаго, современный св. царевичу Димитрію—Уару, съ частицею его мощей, теперь находится въ придѣлѣ Архангельскаго собора. У старожиловъ московскихъ долго велось изустное преданіе, что икона св. мученика Уара была написана по обѣту матери царицы Маріи Ѳеодоровны Нагой, въ мѣру роста великаго князя Уара — Димитрія, въ его младенчествѣ. Московскія и Угличскія сердобольныя матери приходили къ двумъ святымъ угодникамъ, наиболѣе съ грудными младенцами; молились и просили объ исцѣленіи болящихъ дѣтей. При подножіи иконы св. мученика Уара лежалъ четырехгранный, известковой породы, камень, длиною почти въ аршинъ, служившій ступенью для прикладывающихся къ иконѣ. На этотъ камень, во время молебна, матери клали спелененныхъ младенцевъ, а иныя и 2-хъ годовалыхъ дѣтей.

Кремлевскіе монастыри.

1. Вознесенскій дѣвичій монастырь. Вознесенскій дѣвичій монастырь находится у Спасскихъ воротъ, внутри Кремля, по правую ихъ сторону. Монастырь этотъ состоитъ въ первомъ классѣ, и назывался Стародѣвичьимъ [1]).

Лѣтописныя извѣстія относительно основанія этого монастыря очень кратки и довольно неопредѣленны. Въ нихъ мы не находимъ ни означенія времени, когда именно положено было основаніе Вознесенскому монастырю, ни подробностей объ его устройствѣ. Только подъ 1407 годомъ мы читаемъ въ лѣтописяхъ, что великая княгиня Евдокія заложила въ Москвѣ каменную церковь Вознесенія. Затѣмъ въ краткомъ сказаніи о жизни Евдокіи, супруги вел. кн. Димитрія Іоанновича Донского, помѣщенномъ въ «Степенной книгѣ» [2]), говорится, что Евдокія «въ царствующемъ градѣ Москвѣ постави церковь каменную Вознесенія и монастырь честенъ возгради, иже нынѣ есть дѣвическій общежительный монастырь» [3]).

Вотъ почти всѣ прямыя указанія лѣтописей объ основаніи Евдокіею Вознесенскаго монастыря.

Эта краткость и кажущаяся неопредѣленность лѣтописныхъ показаній, подала поводъ предполагать существованіе Вознесенскаго монастыря еще прежде смерти Димитрія Іоанновича и приписывать Евдокіи не основаніе, а только возобновленіе обители, существовавшей прежде. При такомъ предположеніи, приведенное выраженіе «Сте-

---

[1]) До 1817 года.

[2]) Степенныя книги — это выписки изъ русскихъ лѣтописей по княженіямъ и царствованіямъ.

[3]) Степ. кн. 1. 150. (Изд. Миллера. М. 1775 г.).

пенной книги»: «монастырь честенъ возгради», принимается въ смыслѣ возобновленія монастыря послѣ пожара при нашествіи Тохтамыша, обнесенія его оградой и проч.

Но если прямыя извѣстія лѣтописей объ основаніи Евдокіею Вознесенскаго монастыря не совсѣмъ опредѣленны, за то въ замѣнъ ихъ мы имѣемъ другія мѣста изъ лѣтописей, хотя и не прямо указывающія на то, но, тѣмъ не менѣе, не оставляющія никакого сомнѣнія, что Евдокія была не возобновительницею только Вознесенскаго монастыря, а его первоначальной основательницею, и что онъ не просто обновленъ ею послѣ пожара, а вновь устроенъ, основанъ, заложенъ. Такъ, въ томъ же сказаніи о жизни Евдокіи, при описаніи шествія ея въ монастырь для пострижения, мы читаемъ, что она «пойде изъ своего царскаго дому въ монастырь, его же сама *создала*, во имя Христова Вознесенія» [1]). При описаніи ея погребенія опять говорится, что она положена была въ церкви Вознесенія, въ *своемъ* монастырѣ» [2]). Самая наконецъ глава сказанія о житіи Евдокіи, гдѣ такъ кратко и неопредѣленно упоминается объ основаніи ею Вознесенскаго монастыря, имѣетъ слѣдующее заглавіе: «О постановленіи церквей и *началѣ* Вознесенскаго монастыря». Ясно, что лѣтописецъ подъ словомъ «возгради» разумѣлъ основаніе, начало Вознесенскаго монастря, а не возобновленіе его. Далѣе, въ лѣтописяхъ, при описаніи преставленія Евдокіи, читаемъ: «того же лѣта [3]) іюля въ 7 день преставися великая княгиня Евдокія и положена бысть въ монастырѣ у Вознесенія, иже сама *заложила*». Въ прологѣ, въ житіи Евдокіи, говорится, что она «пречестную иноческую обитель *воздвиже* во имя Боголѣпнаго Вознесенія».

При такихъ ясныхъ указаніяхъ источниковъ, вышеприведенное выраженіе «Степенной книги»: «монастырь честенъ возгради»,—мы имѣемъ полное право понимать и объяснять не въ смыслѣ возобновленія, а въ полномъ смыслѣ основанія и устроенія новой обители, которой прежде, до Евдокіи, не существовало.

---

[1]) Постриженіе совершилось 17-го мая 1407 года.
[2]) Степ. кн. 1. 513.
[3]) 1407 годъ.

Мысль объ основаніи въ Москвѣ женскаго монастыря была, несомнѣнно, завѣтнѣйшею мыслью великой княгини, такъ-какъ обстоятельства жизни ея складывались именно въ такомъ направленіи.

Въ это время въ Москвѣ было только двѣ женскихъ обители—Алексіевская, которой первая игуменья Іуліанія [1]) была основательницею въ Москвѣ общежитія въ женскихъ монастыряхъ, и другая—Рождественская, устроенная по образцу первой Маріею, матерью Владиміра Андреевича Храбраго [2]).

Желая, весьма естественно, содѣйствовать распространенію иноческаго женскаго общежительства, рѣшилась и Евдокія послѣдовать благочестивому примѣру Іуліаніи и Маріи. Она вознамѣрилась устроить новый общежительный женскій монастырь въ самомъ средоточіи великокняжеской столицы. Предполагаемый монастырь, независимо отъ общей его цѣли, она хотѣла сдѣлать мѣстомъ своего успокоенія отъ земныхъ трудовъ и заботъ, тайнымъ свидѣтелемъ своихъ подвиговъ въ настоящей жизни и покоищемъ послѣ смерти. Впослѣдствіи ея монастырь получилъ то же назначеніе, какъ и Архангельскій соборъ: какъ послѣдній былъ мѣстомъ погребенія московскихъ великихъ князей, такъ и монастырь, основанный Евдокіею, сдѣлался усыпальницею для великихъ княгинь, которыя до того времени погребались въ Спасопреображенскомъ монастырѣ. Очень вѣроятно, что и это его послѣднее назначеніе заранѣе было предположено Евдокіею.

---

[1]) Скончалась въ 1393 году.

[2]) Сконч. въ 1390 г.—Надо замѣтить, что по древнему, нерѣдко встрѣчавшемуся, обыкновенію, черницы жили и въ мужскихъ монастыряхъ. Такъ, онѣ жили въ описываемое время въ Кремлѣ, въ монастырѣ Спасопреображенскомъ (Спасъ на Бору). Вообще, женскіе монастыри въ древней русской церкви не такъ скоро пришли къ окончательному устройству, какъ мужскіе. Кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ Спасопреображенскомъ, черницы должны были жить вмѣстѣ съ чернецами, многіе женскіе монастыри, гдѣ жили и однѣ монахини, находились подъ управленіемъ игуменовъ. Уже въ 1503 г. при Іоаннѣ III на соборѣ опредѣлено было закономъ, чтобы монахамъ и монахинямъ не жить никогда вмѣстѣ, но быть отдѣльными монастырямъ женскимъ и мужскимъ. Тоже было подтверждено на частномъ соборѣ Новгородскимъ Архіеп. Макаріемъ въ 1528-мъ году. На этомъ же соборѣ положено было „отвести игуменовъ въ мужскіе монастыри (изъ женскихъ), а черницамъ дать игуменій благочинія ради". Соф. Врем. ч. II).

Прежде всего, мѣстомъ для основанія монастыря было избрано Евдокіею у Флоровскихъ воротъ. Избраніе это имѣло свое основаніе: мѣсто это было памятно для вдовствующей великой княгини тѣмъ, что здѣсь она встрѣчала послѣ Куликовской битвы побѣдоноснаго своего супруга и отселе же провожала его на доблестный подвигъ. На этомъ мѣстѣ прежде былъ дворецъ Дмитрія Іоанновича и теремъ Евдокіи, откуда, по сохранившимся извѣстіямъ, она смотрѣла вслѣдъ своему супругу, когда онъ съ войскомъ удалялся изъ Кремля. Надо полагать, что этотъ дворецъ, пострадавшій въ нашествіе Тохтамыша, Евдокія рѣшилась возобновить и обратить въ келліи для инокинь. Такое предположеніе имѣетъ тѣмъ большую вѣроятность, что въ царствованіе Василія Дмитріевича царскій дворецъ находился уже за Успенскимъ соборомъ на мѣстѣ нынѣшняго дворца. Тамъ же находились и терема Евдокіи.

Вознесенскій монастырь, по крайней мѣрѣ къ концу жизни его основательницы, является вполнѣ устроеннымъ и совершенно готовымъ, такъ-что она могла поступить въ него, принять въ немъ постриженіе и предаться подвигамъ духовной жизни.—Каменная церковь Вознесенія, заложенная Евдокіею незадолго до ея смерти, по причинѣ истребленія ея отъ пожара и по другимъ обстоятельствамъ, окончена спустя 60 лѣтъ [1]) послѣ ея закладки. Монастырь во все это время, однакожъ, существовалъ и, конечно, во все это время не могъ обойтись безъ церкви. Между тѣмъ, въ лѣтописяхъ не находится извѣстій о ея построеніи, такъ что, по лѣтописямъ, въ Вознесенскомъ монастырѣ какъ будто вовсе не было церкви ни при жизни Евдокіи, ни послѣ ея смерти, до окончанія заложеннаго ею храма Вознесенія. Всего вѣроятнѣе, что на мѣстѣ, гдѣ основанъ монастырь, существовала уже церковь, такъ-что, на время по крайней мѣрѣ, можно было обойтись безъ построенія новой. Вспомнивъ, что на мѣстѣ основаннаго Евдокіею монастыря прежде былъ дворецъ Дмитрія Іоанновича и ея собственные терема, вовсе не будетъ предположеніемъ, что

[1]) Въ 1467 году.—Заложена же церковь 20-го мая 1407 года.

при дворцѣ существовала и церковь, которая была дворцовою. Съ обращеніемъ дворцоваго зданія въ монастырское, весьма естественно было и бывшую при немъ церковь приписать къ монастырю.

Обратимся теперь къ жизни самой основательницы монастыря, и разскажемъ ее вкратцѣ, такъ-какъ имя основательницы тѣсно связано съ основаннымъ ею монастыремъ.

Евдокія была дочь суздальскаго князя Димитрія Константиновича, который отличался благочестіемъ и любовью къ духовному просвѣщенію [1]). Онъ умеръ схимникомъ въ 1383 году съ именемъ Ѳеодора. Этотъ князь два раза получалъ ханскій ярлыкъ на великокняжескій престолъ, но отказался отъ своихъ притязаній въ пользу Димитрія Іоанновича. Въ доказательство искренности своего отказа отъ великаго княженія и примиренія съ Димитріемъ Іоанновичемъ, онъ и выдалъ за него дочь свою, Евдокію.

О дѣтствѣ и воспитаніи Евдокіи, и вообще о жизни до вступленія въ супружество съ Димитріемъ Іоанновичемъ, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Но, вѣроятнѣе всего, будучи самъ благочестивъ, Димитрій Константиновичъ воспитывалъ въ такомъ же благочестіи и свою дочь. Послѣдующая благочестивая жизнь княгини служитъ тому доказательствомъ.

Бракосочетаніе Евдокіи съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ совершено было въ 1366 году, января мѣсяца въ 18 день, когда князю совершилось 18-ть лѣтъ, и когда онъ княжилъ 7-й годъ. Брачное торжество праздновалось въ Коломнѣ со всѣмъ великолѣпіемъ и пышными обрядами того времени. По словамъ лѣтописца это событіе преисполнило невыразимою радостію сердца всѣхъ русскихъ, и тѣмъ болѣе виновниковъ торжества. Но не долго суждено было молодой княгинѣ наслаждаться безмятежною жизнію счастливаго супружества: по собственнымъ словамъ ея, «не много испытала она радостей въ

---

[1]) Извѣстно, что для него былъ писанъ такъ-называемый Лаврентіевскій (древнѣйшій между сохранившимися списками) списокъ Несторовой лѣтописи, какъ видно изъ находящагося въ концѣ его послѣсловія писца, инока Лаврентія. (См. Лавр. лѣтопись).

супружествѣ за Димитріемъ». Въ самый годъ бракосочетанія Евдокіи ужасная моровая язва поразила Москву. Затѣмъ слѣдовали пожары Москвы, нашествіе Ольгерда, поѣздка мужа въ Орду. Всѣ эти бѣдствія, не относясь къ ней лично,—само собою разумѣется, подвергали опасности мужа, столицу, а затѣмъ ужъ и ее лично, какъ супругу великаго князя московскаго. Но она съ твердостію переносила эти бѣдствія, являясь, сколько было въ ея силахъ, помощницею своего супруга. Началась борьба съ Мамаемъ. Тутъ мы коснемся тѣхъ ея сторонъ, гдѣ она соприкасается съ жизнію супруги Димитрія, сколько можно судить объ этомъ по краткимъ, дошедшимъ до насъ, лѣтописнымъ сказаніямъ.

Узнавъ о Мамаевомъ нашествіи, Димитрій Іоанновичъ, по благочестивому обычаю своихъ предковъ, прежде всего поспѣшилъ въ Успенскій соборъ съ молитвой о поданіи небесной помощи противъ враговъ, и потомъ уже разослалъ гонцовъ для собранія воинства. Тогда вдругъ все пришло въ движеніе: каждый горѣлъ желаніемъ принять участіе въ предстоящей борьбѣ. Кто не могъ служить отечеству оружіемъ, тотъ ревновалъ служить ему молитвами и дѣлами христіанскаго благочестія. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ Евдокія подавала первый лучшій примѣръ. Забывая о предстоящей опасности для своего супруга, она совершенно посвятила себя дѣламъ благочестія. По словамъ лѣтописцевъ она непрестанно ходила въ церковь и раздавала бѣднымъ богатыя милостыни. Великій князь, между тѣмъ, устроивъ полки, отправился въ Троицкій монастырь, чтобы принять благословеніе преподобнаго Сергія и просить его молитвъ. Возвратившись въ Москву, великій князь велѣлъ выходить войскамъ, а самъ пошелъ въ Архангельскій соборъ. Укрѣпившись тамъ молитвою и поклонившись праху своихъ предковъ, Димитрій Іоанновичъ вышелъ изъ церкви. Тутъ встрѣтила его Евдокія, окруженная женами князей и воеводъ и множествомъ народа, собравшагося провожать великаго князя. Послѣдовало трогательное прощаніе Димитрія со своею супругою. Великій князь подошелъ къ плачущей Евдокіи и сталъ утѣшать ее. «Оставь

слезы,—сказалъ онъ,—Богъ намъ будетъ заступникомъ и мы не убоимся враговъ». Затѣмъ онъ обнялъ въ послѣдній разъ супругу и отправился въ путь [1]). Княгиня взошла съ воеводскими женами въ теремъ, сѣла подъ южными окнами къ набережной, и грустно смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся супругу. Она горько и тихо плакала, и, глубоко вдохнувъ, воскликнула: «Господи Боже великій! презри на меня, смиренную, удостой меня еще увидѣть славнаго между людьми великаго князя Димитрія Іоанновича! Крѣпкою рукою Твоею дай ему побѣду на супостатовъ! Да не постигнетъ христіанъ та же участь, какая постигла ихъ на рѣкѣ Калкѣ! Не дай погибнуть остатку христіанъ, да славятъ они святое имя Твое! Уныла земля русская, только на тебя уповаемъ, Око всевидящее! У меня осталось три сына, но всѣ они еще въ дѣтскихъ лѣтахъ... Кто защититъ ихъ отъ вѣтра бурнаго и отъ зноя палящаго? Возврати имъ отца и не дай имъ осиротѣть [2]).

Скоро получено было извѣстіе, что великій князь со всѣмъ войскомъ переправился черезъ Оку въ рязанскую землю и пошелъ на бой противъ татаръ. И начали всѣ скорбѣть за князя и за землю русскую. Не въ одной Москвѣ, но и во всѣхъ другихъ городахъ, по словамъ лѣтописца, раздавались сильные стоны, плачъ и рыданія. Всѣхъ безутѣшнѣй были женщины. Если такова была всеобщая скорбь русскихъ, то княгиня Евдокія имѣла гораздо болѣе причинъ скорбѣть о сомнительныхъ слѣдствіяхъ похода. Походъ, какъ извѣстно, имѣлъ благопріятный исходъ, но—это была только заря свободы отъ татарскаго ига. Она ярко блеснула было въ душѣ русскихъ, но скоро снова покрылась темнымъ облакомъ: на Москву нахлынулъ Тохтамышъ. Евдокія принуждена была покинуть Москву, и по дорогѣ въ Переяславль чуть не попалась въ плѣнъ татарамъ. Затѣмъ, обложивъ московское государство тяжкой данью, подозрительный Тохтамышъ задержалъ въ Ордѣ, въ качествѣ заложника, старшаго сына ея, Василія. Наконецъ, еще болѣе жесточайшій ударъ разразился надъ

[1]) Ист. Кар., т. V стр. 37.
[2]) Ист. Кар. Никон. лѣт., Новгород. лѣт. и др. источники.

головою великой княгини: не имѣя еще и сорока лѣтъ, умеръ мужъ ея, Димитрій Іоанновичъ [1]). «Увидѣвши супруга своего мертвымъ, на одрѣ лежащимъ, — передаетъ жизнеописатель Димитрія Іоанновича,—великая княгиня начала плакать, ударяя руками въ грудь свою; огненныя слезы лились изъ очей... Зачѣмъ, — воскликнула она, — умеръ ты, дорогой мой, жизнь моя, зачѣмъ оставилъ меня одну вдовою? Зачѣмъ я не умерла прежде тебя? Куда зашелъ свѣтъ очей моихъ? Куда скрылось сокровище жизни моей? Почто не отвѣтствуешь мнѣ, супругѣ твоей? Цвѣтъ мой прекрасный, зачѣмъ такъ рано увялъ ты? Господинъ мой, что же не смотришь на меня, не отвѣчаешь мнѣ? Ужели ты забылъ меня? Вотъ мы, я, жена твоя и дѣти твои! Что же не дашь намъ никакого отвѣта? На кого ты оставляешь меня и дѣтей своихъ? Рано заходишь, солнце мое, рано скрываешься, прекрасный мѣсяцъ мой, рано идешь къ западу, звѣзда моя восточная! Гдѣ честь твоя, гдѣ слава и власть твоя? Былъ государемъ всей русской земли, а нынѣ мертвъ и ничего не имѣешь въ своемъ владѣніи! Много примирилъ странъ, много одержалъ побѣдъ, а нынѣ самъ побѣжденъ смертію! Измѣнилась слава твоя, и на лицѣ твоемъ видна печать тлѣнія! Жизнь моя, я уже не могу болѣе находить въ тебѣ источникъ веселія? Вмѣсто драгоцѣнной багряницы ты обрекся въ сіи бѣдныя ризы, вмѣсто вѣнца покрылъ главу свою простымъ платомъ, изъ свѣтлыхъ чертоговъ переселился въ тѣсный и мрачный гробъ! Зачѣмъ помрачился свѣтъ мой ясный! Если Богъ услышитъ молитву твою, помолись обо мнѣ, княгинѣ твоей, чтобы мнѣ умереть вмѣстѣ съ тобою, какъ мы не разлучны были въ жизни! Юность еще не оставила насъ, еще старость не постигла насъ! Зачѣмъ оставилъ меня и дѣтей своихъ? Немного было радостей въ моей жизни съ тобою, вмѣсто веселія плачъ и слезы были моею долею; вмѣсто утѣхи и радости—скорбь и сѣтованіе!.. Зачѣмъ я не умерла прежде тебя? Тогда я не была бы горькою свидѣтельницею твоей кончины и не чувствовала бы

[1]) 22 мая 1389 г.

своего несчастія! Ужели ты не слышишь жалобныхъ рѣчей моихъ? Ужели не трогаютъ тебя горькія слезы мои?.. Крѣпко уснулъ царь мой... не могу разбудить тебя!.. Съ какой войны пришелъ ты, отчего такъ утомился?.. Звѣри земные идутъ на ложе свое, птицы небесныя къ гнѣздамъ своимъ, а ты, господинъ мой, навѣки отходишь отъ дому своего!.. Кому уподоблю и какъ назову себя? Вдовою ли? но я не знаю сего имени! Женою ли? но царь—супругъ мой—оставилъ меня!.. Вдовы старыя, утѣшьте меня! Юныя вдовы, плачьте со мною! Что можетъ быть горестнѣе несчастія вдовы? Какъ оплакать и какъ выразить мнѣ свое горе?.. Боже Великій, Царю царей, будь моимъ заступникомъ! Пресвятая Богородица! не оставь меня и не забудь меня во время печали моей!» [1]).

Этою жалобою оканчивается плачъ Евдокіи надъ гробомъ ея супруга, а потеря супруга для Евдокіи была несчастіемъ ничѣмъ невознаградимымъ, было послѣднимъ испытаніемъ, разорвавшимъ всѣ связи ея съ этимъ міромъ. Но ее ожидало еще одно испытаніе, не менѣе горькое и не менѣе тяжелое.

Послѣ смерти супруга, живя въ мірѣ, она отреклась отъ него, изнуряя тѣло свое постомъ и молитвою, и посвящая себя на дѣла благочестія и благотворенія. Подвизаясь такимъ образомъ, для единаго Бога, она, однакожъ, старалась скрыть отъ людей свои добродѣтели. Слѣдуя заповѣди Спасителя: «ты же, егда постишися, помажи главу твою и лице твое умый» (Мат. 6, 17),—преподобная всюду являлась съ веселымъ лицомъ, одѣвалась въ вели-

[1]) Полн. Собр. Лѣт. (Слово о житіи и представленіи Димитрія Іоанновича). Нѣтъ надобности объяснять, что въ плачѣ Евдокіи надъ гробомъ супруга много поэтическаго, вымышленнаго, и его нельзя считать буквально подлиннымъ. Но съ другой стороны, взявъ во вниманіе современность сказанія о житіи Дим. Іоанн., общеупотребительность въ древней Руси выраженія душевной скорби въ плачѣ, т. е. въ разныхъ причитаніяхъ надъ умершимъ, нельзя не признать въ немъ, если не всего, то, по крайней мѣрѣ, много исторически-достовѣрнымъ. Сочинитель житія Дим. Іоанн. могъ быть свидѣтелемъ его кончины, могъ слышать плачъ его супруги, и потомъ, конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями, внести его въ составленное имъ жизнеописаніе Донского. Если же мы и отвергли бы вполнѣ подлинность плача, то онъ все-таки будетъ для насъ имѣть важность, какъ изображеніе душевнаго состоянія Евдокіи при гробѣ ея супруга въ томъ видѣ, какъ представлялось это состояніе современникамъ.

колѣпныя одежды, и даже носила по нѣсколько одеждъ, чтобы казаться тучною. Это было поводомъ къ тому, что ее стали обвинять въ тщеславіи, въ любви къ пышному, и даже не пощадили ея добродѣтели. Слухи эти дошли до нея, но она рѣшилась перенести до конца жизни неправду клеветниковъ и воздавать имъ за зло добромъ. Но клевета эта сдѣлалась извѣстна сыновьямъ. Одинъ изъ нихъ, Юрій, до того былъ обезпокоенъ и смущенъ подобною молвой, что не могъ скрыть ея отъ матери. Тогда Евдокія рѣшилась освободить сыновей своихъ отъ тяготѣвшаго надъ ними смущенія. Призвавъ ихъ къ себѣ, она сказала имъ: «Не смущайтесь, любезные дѣти мои! Я съ радостію хотѣла претерпѣть Христа ради всякое уничиженіе и людское злословіе; но, увидѣвъ одного изъ васъ смутившимся, рѣшилась открыть вамъ то, чего не открыла бы никогда и никому въ мірѣ. Узнайте, дѣти мои, истину, и да не смущаютъ васъ несправедливыя обо мнѣ клеветы». Тутъ она открыла часть своей одежды на груди, и сыновья увидѣли, что отъ чрезмѣрнаго воздержанія, отъ усиленныхъ трудовъ и подвиговъ, тѣло ея изсохло, почернѣло и плоть прильнула къ костямъ. Братья, ея дѣти, ужаснулись, и стали просить у нея прощенія. Великая княгиня отпустила ихъ съ миромъ, сказавъ имъ въ наставленіе: «Одинъ Богъ есть судья человѣческихъ дѣлъ. Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ и утвердитъ насъ въ любви своей. Отъ Него Одного мы должны ожидать избавленія отъ всякаго искушенія и отъ всякаго навѣта вражія» [1]).

Незадолго передъ кончиною, препод. Евдокія сподобилась видѣть явленіе Ангела, возвѣщавшаго ей о близкомъ ея концѣ.

Въ сказаніи о ея житіи, это чудное явленіе изображено слѣдующимъ образомъ. Когда она увидала небеснаго вѣстника, то такъ поражена была пресвѣтлымъ его видомъ, что не могла говорить, и нѣсколько дней пребывала въ молчаніи. Только знаками она показывала, чтобы призвали

[1]) Степ. кн. ч. I, стр. 511 – 514.

иконописца, который бы изобразилъ на доскѣ видѣннаго ею Ангела. Когда образъ былъ написанъ и принесенъ къ Евдокіи, она поклонилась изображенному на немъ Ангелу, но не могла сказать ни одного слова, и знаками показывала, чтобы написали икону Ангела другимъ образомъ. Вновь написанное изображеніе также представляло не того Ангела, который являлся ей въ видѣніи. Она воздала ему поклоненіе, но языкъ оставался нѣмъ. Наконецъ иконописецъ изобразилъ на иконѣ Архистратига Михаила. Едва принесенъ былъ этотъ образъ, какъ Евдокія, воздавъ Ему поклоненіе, заговорила. Она славила Бога, что Онъ, по неизреченной Своей благости, отверзъ языкъ ея, и объявила всѣмъ, что она видѣла въ бывшемъ ей видѣніи того самаго Ангела, котораго изображеніе написано было на послѣдней иконѣ, т. е. Архистратига Михаила. Этотъ образъ она чтила съ особеннымъ благоговѣніемъ, и поставила его въ новосозданномъ ею храмѣ Рождества Богородицы на Государевомъ дворѣ[1]).

Предвидя близость предвозвѣщенной кончины, великая княгиня рѣшилась исполнить давнее свое желаніе вступить въ монастырь. Говоря словами лѣтописца ея житія, она рѣшилась отлучиться отъ временнаго царства и облечься въ иноческій образъ, чтобы совершенно поселиться въ сооруженномъ ею монастырѣ и найти тамъ для себя мѣсто покоя, какъ въ сей жизни, такъ и по смерти.— Шествіе великой княгини въ обитель ознаменовалось особеннымъ чудомъ. Наканунѣ того дня, какъ она рѣшила постричься въ монашество, было ночью видѣніе одному нищему-слѣпцу, уже много лѣтъ страдавшему слѣпотою, ему явилась во снѣ великая княгиня и обѣщала дать прозрѣніе. На другой день, когда несчастный услышалъ, что она вышла изъ своего царскаго дворца и идетъ въ монастырь для постриженія, то не замедлилъ явиться къ ней съ мольбою о своемъ исцѣленіи. Встрѣтивъ великую княгиню недалеко отъ соборнаго храма Успенія Богоматери, онъ воскликнулъ: «Боголюбивая госпожа, великая

[1]) Нынѣ на Сѣняхъ.

княгиня, питательница нищихъ! Ты всегда довольствовала насъ пищею и одеждою и никогда не отказывала намъ въ просьбахъ нашихъ! Не призри и моей смиренной просьбы, и исцѣли меня отъ многолѣтней слѣпоты, какъ сама обѣщала, явившись мнѣ въ сію ночь! ты сказала мнѣ: завтра дамъ тебѣ прозрѣніе; нынѣ настало для тебя время исполнить твое обѣщаніе!» Евдокія шла своей дорогой, какъ-будто не замѣчая слѣпца, и лишь опустила длинный рукавъ своей рубашки, который коснулся его. Слѣпецъ схватилъ этотъ рукавъ, утеръ имъ глаза и тотчасъ же прозрѣлъ. Въ тоже время Евдокія исцѣлила до тридцати человѣкъ недужныхъ, страдавшихъ различными болѣзнями [1]).

При поступленіи въ иночество Евдокія приняла имя Евфросинія. Черезъ три дня послѣ постриженія, она и заложила новую каменную церковь Вознесенія.

По извѣстію лѣтописей, при жизни преподобной Евдокіи для сооруженія заложенной ею новой церкви, сдѣлано весьма немного. Начатое ею продолжала Софія, супруга вел. кн. Василія Дмитріевича. Но скоро еще не достроенная церковь Вознесенія повреждена была пожаромъ, и стояла въ такомъ видѣ 60 лѣтъ. Наконецъ, Марія, супруга Василія Васильевича Темнаго, рѣшилась возобновить ее и въ 1487-мъ году окончила. Послѣ многократныхъ пожаровъ, церковь Вознесенія возобновляема была вмѣстѣ съ монастыремъ еще нѣсколько разъ, именно—въ царствованіе Василія Іоанновича, Іоанна Грознаго, Михаила Ѳеодоровича и Петра Великаго. При Петрѣ, и церковь и монастырь, подверглись весьма капитальной перестройкѣ подъ наблюденіемъ гвардіи капитана Баскакова [2]). Послѣ пожара 1737 года, по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны, начато послѣднее возобновленіе монастыря и окончено въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны. Послѣ 1812 года, уцѣлѣвъ отъ пожара, монастырь былъ очищенъ и приведенъ въ настоящій его видъ [3]).

---

[1]) Прологъ подъ 7 ч. іюля. Сказъ о блаж. Евдокіи въ Степ. кн. 1. 513—541.

[2]) Въ 1771 г.

[3]) Въ 1812 г.

Въ монастырѣ находятся три церкви: соборная—Вознесенія Господня, Преподобнаго Михаила Малеина и св. Великом. Екатерины. Всѣ онѣ имѣютъ придѣлы: Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости [1]), Успенія Божіей Матери [2]), священномученика Ѳеодора, иже въ Пергіи и въ честь Казанской иконы Божіей Матери [3]).

Въ соборной Вознесенской церкви иконостасъ украшенъ живописью стариннаго греческаго письма. Царскія врата обложены серебромъ и вызолочены. Возлѣ царскихъ вратъ, по лѣвую сторону, Смоленская икона Божіей Матери, въ серебряной вызолоченной ризѣ. За престоломъ крестъ съ мощами, устроенный, игуменьей Трефиной въ 1816 году. По правую сторону Царскихъ вратъ образъ хромовый Вознесенія. По лѣвую: Благовѣщенія, святителя Николая и др. Изъ другихъ святынь замѣчательны: два золотые напрестольные креста—даръ царя Михаила Ѳеодоровича, водосвятная серебряная чаша—даръ царя Алексѣя Михаиловича, семь серебряныхъ блюдъ, золотые—потиръ, дискосъ, звѣзда, лжица, къ потиру ковшичекъ, даръ Импер. Анны Іоанновны, два Евангелія на александрійской бумагѣ, обложенныя серебромъ и украшенныя жемчугомъ и каменьями. Изъ особенно достопамятныхъ святостію и древностью утварей замѣчательна чудотворная Казанская икона Божіей Матери. Икона эта украшена крупнымъ жемчугомъ и разными дорогими каменьями. Она находится въ теплой Екатеринской церкви на хорахъ, въ своемъ придѣлѣ и есть храмовый.

Въ Вознесенскомъ монастырѣ, какъ извѣстно, похоронены почти всѣ великія княгини, царицы и царевны русскія, отъ времени Евдокіи, до восемнадцатаго столѣтія. Всѣхъ гробницъ въ немъ болѣе 35-ти. Древнѣйшая и богатѣйшая—самой основательницы монастыря, преподобной Евфросиніи. Она помѣщается у правой стѣны церкви, недалеко отъ боковой южной двери. На верхней доскѣ раки написанъ образъ преподобной, который при устроеніи раки

---

[1]) Построенъ императр. Анною Іоанновною въ 1732 г. въ память сестры своей Параскевіи.

[2]) Постр. въ 1731 г.

[3]) Построенъ монахинею княжн. Анною Барятинскою.

обложенъ серебряной ризой. На ракѣ вырѣзана слѣдующая надпись: «Сія рака великой княгины Евдокіи, во инокиняхъ Евфросиніи, супруги Дмитрія Іоанновича Донскаго, бывшей основательницы сея обители, преставившейся 1407 года іюля седьмаго дня 1821 года мая тридесятаго, благословеніемъ Высокопреосвященнѣйшаго Московскаго Митрополита Серафима начата дѣлаться рака благовѣрныя княгини Евфросиніи усердіемъ доброхотныхъ дателей, тщаніе игумена Аѳанасіи, и окончена 1822 года февраля 10-го дня при высокопреосвященномъ Московскомъ Архіепископѣ Филаретѣ».

Изъ другихъ гробницъ особенно замѣчательны:

При входѣ въ старую соборную церковь, на правой сторонѣ, подлѣ стѣны: Государыни царицы Анастасіи Романовны, первой супруги Грознаго, второй супруги—Маріи Темрюковны, третьей — Мареы Васильевны Собакиной, седьмой — Маріи Ѳеодоровны. Затѣмъ идутъ гробницы. Елены Васильевны (Глинской), царицы Евдокіи Лукьяновны (Стрешнѣвой), второй супруги царя Михаила Ѳеодоровича, царицы Марьи Ильинишны Милославской, первой супруги царя Алексѣя Михаиловича, царицы Натальи Кирилловны (Нарышкиной), второй супруги царя Алексѣя Михаиловича, нѣсколько гробницъ дочерей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича. Здѣсь же погребена и царица Ирина Ѳеодоровна: она одна изъ фамиліи Годуновыхъ покоится въ стѣнахъ Кремля.

За лѣвымъ столбомъ подлѣ западныхъ дверей, на лѣвой сторонѣ, у стѣны гробницы:

Царицы Маріи Владиміровны (Долгорукой), первой супруги царя Михаила Ѳеодоровича, царевны Анны Алексѣевны, старицы Іуліаны, супруги боярина Романа Юрьевича Захарьина и матери извѣстной добродѣтелью своею Анастасіи, первой супруги Іоанна Грознаго.

Въ углу:

Гробница царицы Параскевіи Михаиловны, супруги сына Грознаго Александры Сабуровой, царевенъ: Маріи и Ѳеодосіи, дочерей царя Іоанна Алексѣевича.

У южныхъ дверей:

Царевны и великой княжны Анны Михаиловны, дочери Михаила Ѳеодоровича.

По другую сторону дверей:

Царевны Татіаны Михаиловны, дочери Михаила Ѳеодоровича.

Въ головахъ:

Гробница великой княжны Наталіи Алексѣевны, сестры Императора Петра II, и тутъ же гробница родной сестры Императрицы Анны Іоанновны, Параскевіи.

Тутъ же погребены—супруга великаго князя Василія Дмитріевича, Софья Витовтовна, и обѣ жены Іоанна III-го—Марія Тверская и Софья Палеологъ.

Въ этомъ же монастырѣ скончалась мать царя Михаила Ѳеодоровича, инокиня Марѳа, и въ немъ же Марія Ѳеодоровна (супруга Грознаго и мать Дмитрія царевича) встрѣчала Марину Мнишекъ, какъ обрученную невѣстку перваго Лжедмитрія, которая провела въ монастырѣ нѣсколько дней до брака. Въ немъ же пребывала и инокиня Евдокія Ѳеодоровна, первая супруга Петра Великаго.

При работѣ по устройству отопленія въ соборномъ храмѣ, подъ главнымъ придѣломъ, на глубинѣ одного аршина, найдены каменныя гробницы съ прахомъ трехъ дочерей князя Владиміра Андреевича: старицы Евдокіи, скончавшейся въ 1500 году, монахини Евдокіи, въ мірѣ Матрены Владиміровны, скончавшейся также въ 1500 году, и княгини Евдокіи, умершей годомъ позже. Въ западной части собора, подъ каменнымъ поломъ, найдены еще гробницы: матери св. Дмитрія царевича, царицы Маріи, въ иночествѣ Марѳы; дочери царя Михаила Ѳеодоровича, царевны Евдокіи Михаиловны, скончавшейся въ 1637 году и одной изъ дочерей царя Ѳеодора Алексѣевича.

Монахини монастыря издревле занимаются разными рукодѣліями: они вышиваютъ шелкомъ и золотомъ, обнизываютъ образа дорогими каменьями и т. п. Въ старину обитель была мѣстомъ пребыванія государевыхъ невѣстъ до брака. Ворота монастырскія во всю первую недѣлю Великаго поста по древнему обычаю запираются.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, на Красной площади [1]), началась продажа «изъ украшенной вербы», и до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія — уборкой вербы, дѣланіемъ для нея цвѣтовъ и дутыхъ восковыхъ плодовъ и фигуръ занимались преимущественно монахини и бѣлицы Вознесенскаго монастыря. Внутри этой обители было второе гулянье: по двору монастыря и по террасамъ его, около келій, прохаживался народъ, смотрѣлъ на выставку искусственныхъ цвѣтовъ, опушенныхъ зеленью, красиво собранныхъ букетами и гирляндами, и покупалъ ихъ у монахинь.—До 1810 г., почти у самыхъ воротъ монастыря, подъ особеннымъ шатромъ, устроеннымъ Импер. Екатериною II, стояли 4-ре большихъ пушки. Онѣ сданы потомъ въ арсеналъ.

2. Чудовъ монастырь. На томъ мѣстѣ, гдѣ находится въ настоящее время Чудовъ монастырь, былъ сперва татарскій конюшенный дворъ: тамъ вѣдались дѣла по собиранію дани [2]). Оно подарено было св. митрополиту Алексію татарской ханшей, Тайдулой.

Случилось это такъ. У хана Золотой орды, Чанибека, опасно занемогла жена его, Тайдула. Наслушавшись много о добродѣтеляхъ митрополита Алексія, Чанибекъ предъявилъ къ великому князю Ивану Ивановичу (Кроткому) требованіе, чтобы онъ прислалъ къ нему своего митрополита, которому, какъ онъ слышалъ, Небо ни въ чемъ не отказываетъ по молитвамъ. Съ вѣрою въ помощь Божію, св. Алексій поѣхалъ въ Орду, и дѣйствительно Господь внялъ его молитвамъ: Тайдула выздоровѣла въ ту минуту, какъ св. Алексій вошелъ къ ней и далъ ей благословеніе. Это очень расположило хана къ русскимъ: дань была уменьшена, а Тайдула подарила своему исцѣлителю часть земли въ Кремлѣ, гдѣ находился татарскій конюшенный дворъ. Конюшенный дворъ былъ переведенъ за Москву-рѣку, на Болвановку, а на мѣстѣ его, въ ознаменованіе помощи Божіей при исцѣленіи Тайдулы, св. Алексій основалъ Чудовъ монастырь—въ память чуда Архангела Михаила въ Колосахъ.

[1]) На Вербной недѣлѣ.
[2]) Онъ назывался еще „Ханскій дворъ“.

Монастырь основанъ въ четвертый годъ княженія Димитрія Іоанновича, въ 1366 году [1]). Черезъ полтораста лѣтъ первобытный монастырь пришелъ въ совершенную ветхость. Храмъ былъ разобранъ, и на мѣсто его, при Вас. Вас. Темномъ, въ 1501 г., заложенъ новый, и въ 1504 г. освященъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ 1679 г. нашелъ необходимымъ снова перестроить монастырь. Въ настоящемъ своемъ видѣ монастырь существуетъ съ 1814 г., но предварительно передъ этимъ онъ былъ улучшенъ заботливостью архіепископа Авмросія [2]). Прежде въ монастырѣ находились: главный соборъ во имя Чуда св. Архистратига Михаила, и пять другихъ церквей: Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, соборная во имя св. Алексія, заложенная въ 1483 г., домовая въ митрополичьихъ кельяхъ во имя Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, Воздвиженія Животворящаго Креста (прежде св. Андрея Первозваннаго), больничная и наконецъ Всѣхъ Святыхъ, крестовая (прежде во имя св. Платона и Романа). Двѣ послѣднія въ 1814 году, при возобновленіи монастыры, упразднены. Храмы Благовѣщенія и св. Алексія находятся рядомъ, и въ нихъ ведутъ два отдѣльные входа: они были устроены для того, чтобы въ храмъ св. Алексія входили одни мужчины, а къ Благовѣщенію женщины. Въ старину въ этомъ монастырѣ, называвшемся Лаврою, было много монашествующей братіи: она наполняла собою всю церковь св. Алексія, и потому женщинъ туда не допускали. Это воспрещеніе подтверждено было патріархомъ Іоакимомъ.—Храмъ Архангела Михаила былъ еще реставрированъ въ 1849 г., при митрополитѣ Филаретѣ, подъ надзоромъ академика Быковскаго. Храму сохраненъ прежній его видъ. Онъ чрезвычайно красивой постройки, съ однимъ куполомъ, на длинномъ фонарѣ съ окнами. Наружныя стѣны его сверху подъ крышей окаймлены широкимъ поясомъ узорчатаго кирпича, а внизу подъ фундаментомъ имѣется такой же карнизъ. Въ южномъ предъалтаріи этой церкви былъ погребенъ св. Алексій. Въ 1680 г. мощи

[1]) По другимъ сказаніямъ въ 1365 г.
[2]) Убитъ мятежниками во время моровой язвы, бывшей въ Москвѣ въ 1771 году.

святителя перенесены въ Алексіевскую церковь, гдѣ почиваютъ и понынѣ на лѣвой сторонѣ подъ проходною аркою, соединяющую этотъ храмъ съ храмомъ Благовѣщенія. Мощи св. Алексія покоятся въ серебряной богатой ракѣ, въ ногахъ Чудотворца посохъ его, а въ шкафу, за стекломъ, его святительское одѣяніе, сдѣланное изъ простого, съ большими разводами, штофа.

Обширныя кельи монастыря составляютъ и монастырскую ограду къ площади, соборамъ и зданію Сената [1]), образуя со зданіемъ Сената глухой, узкій переулокъ къ стѣнѣ. Входъ въ соборную церковь св. Алексія, отъ площади, своею пирамидальною кровлею напоминаетъ вкусъ древняго зодчества. При входѣ въ храмъ, на лѣвой стѣнѣ, находится слѣдующая надпись:

«Лѣта 7188 [2]) мѣсяца августа начаты были созидатися Святыя храмы во славу Всетворца Бога, первый храмъ въ честь Приснопѣтыя Богоматери Дѣвы Маріи, славнаго ея Благовѣщенія, второй св. Первозваннаго Апостола Андрея, третій святаго чудотворнаго Алексія, митрополита Всероссійскаго, идѣже и мощи его; вси убо съ трапезами и подъ ними съ монастырскими службами, повелѣніемъ блаженныя памяти Благочестивѣйшаго Великаго Государя и Царя и Великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, по его Государскому чертежу и указной мѣрѣ, каковъ чертежъ отъ него Государя присланъ въ Чудовъ монастырь, благословеніемъ же Великаго Господина Святѣйшаго Киръ Іоакима Патріарха, Московскаго и всея Россіи и сѣверныхъ странъ; совершены же при благочестивыхъ Великихъ Государѣхъ, Царѣхъ и Великихъ Князѣхъ Іоаннѣ Алексѣевичѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ и Великой Государынѣ Благовѣрной Царицѣ и Великой Княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцѣхъ, въ четвертое лѣто ихъ Царскаго скипетродержавца, ихъ Государскимъ на сіе строеніе жалованьемъ и монастырскою казною и ктиторовъ святыя обители сея подаяніемъ 7194-го лѣта [3]); тща-

[1]) Теперь зданіе Судебныхъ Установленій.
[2]) 1880 г. отъ Р. Хр.
[3]) 1686 по Р. Хр.

ніемъ же усерднымъ сицеваго строенія пречестнаго господина Адріана Архимандрита Святыя обители сея, да келаря монаха Варлама и труждающіяся братіи».

Обѣ церкви, Благовѣщенія и св. Алексія, украшены прекраснымъ иконостасомъ, но храмъ св. Алексія несравненно превосходнѣе, и Царскія двери въ немъ серебряныя, литыя [1]).—Въ ризницѣ монастыря есть не мало замѣчательныхъ вещей. Изъ нихъ особенно обращаютъ на себя вниманіе: Евангеліе и духовная Святителя, писанныя на пергаментѣ рукою самого Чудотворца Алексія,—памятники, драгоцѣнные и по своей святости и по своей древности [2]). Затѣмъ, золотые, отдѣланные финифтью и украшенные дорогими каменьями—потиръ, дискосъ, звѣзда, лжица. Это даръ Морозовыхъ. На звѣздицѣ, на верху, поставлена печать Царя Ѳеодора Алексѣевича изъ зеленаго изумруда, съ надписью: печать царя Ѳеодора Алексѣевича. Есть два дара Императора Павла Петровича, богато отдѣланные—митра и посохъ. Не забылъ этого монастыря и князь Потемкинъ Таврическій: онъ принесъ монастырю дорогіе—митру, сакосъ, омофоръ и палицу — все это украшено брилліантами и др. дорогими каменьями. Вообще, ризница монастыря богата необыкновенно.

Но богатъ монастырь и историческими событіями.

Въ стѣнахъ монастыря былъ заключенъ вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ митрополитъ Исидоръ, участвовавшій на Флорентійскомъ соборѣ и дерзнувшій было присоединить самовольно церковь православную къ церкви католической. Дерзкая смѣлость его поразила бояръ и народъ до того, что Исидоръ готовъ уже былъ торжествовать успѣхъ своей преступной рѣшимости. Но великій князь, одинъ, среди храма Успенія, противусталъ предателю вѣры, и приказалъ его заключить въ Чудовъ монастырь [3]). Отсюда онъ бѣжалъ въ Римъ, гдѣ и умеръ въ 1463 году.

Здѣсь въ одной изъ келій монастыря, Григорій Отрепь-

---

[1]) Соединенный барельефной и горельефной работы.

[2]) Евангеліе это служило образцомъ при исправленіи церковныхъ книгъ въ XVII в. Завѣщаніе святителя приложено къ концу Евангелія. Завѣщ. найдено въ ризницѣ митрополитомъ Платономъ въ 1779 году.

[3]) Въ 1441 г.

евъ задумалъ свой отважный и дерзкій планъ—вступить на престолъ русскихъ царей, и бѣжалъ отсюда со священникомъ Варламомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ [1]). Чѣмъ окончился этотъ наглый поступокъ бродяги—хорошо извѣстно въ исторіи.

Здѣсь царь Василій Іоанновичъ Шуйскій былъ насильно постриженъ въ монашество. Здѣсь были заключены: обвиненный въ беззаконіяхъ Тверской епископъ Евѳимій [2]), знаменитый поборникъ православія, архіепископъ Новгородскій Геннадій (Гонзовъ [3]) и епископъ Новгородскій же Ѳеофилъ. Тутъ также насильно постригли въ монашество отца царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной.

Въ Чудовѣ монастырѣ воспріяли св. крещеніе царь Алексѣй Михаиловичъ, Петръ I и покойный Государь Императоръ Александръ II-й. При крещеніи его, державная его бабка, Императрица Марія Ѳеодоровна, возложила царственнаго младенца на руку св. Алексія, испрашивая благословенія новорожденному.

Въ этомъ же монастырѣ умеръ голодною смертью патріархъ Гермогенъ. Въ 1612 году, поляки, завладѣвъ Кремлемъ московскимъ, всѣми силами старались склонить на свою сторону патріарха. Но онъ твердо отвѣтилъ имъ: «Не запрещу Ляпунову ополчаться за Москву! Благословлю воиновъ на смерть за вѣру и на защиту отечества!» Твердость души его озлобила враговъ: они заключили его въ темную келью Чудова монастыря и истязали его. Но онъ былъ непоколебимъ — спасеніе отечества онъ считалъ дороже своей жизни: «Бога боюсь и болѣе никого! — говорилъ этотъ вѣрный сынъ Россіи,—да поразитъ гнѣвъ Божій измѣнниковъ отечества!» Его твердость и рѣшимость много способствовали спасенію Россіи. Еще передъ своимъ заключеніемъ, онъ открыто сталъ говорить, что королевича Владислава [4]) нельзя признавать государемъ, потому-

---

[1]) Въ февралѣ мѣс. 1602 г.

[2]) Въ 1392 году.

[3]) Геннадій погребенъ въ могилѣ святителя Алексія, Геннадій былъ особенный почитатель святителя. На томъ же мѣстѣ, гдѣ найдены были мощи св. Алексія, поставлено живописное изображеніе обрѣтенія св. мощей и передъ нимъ теплится лампада.

[4]) Избранъ былъ на русскій престолъ 1 августа 1610 г.

что онъ не принимаетъ православія и, по всему вѣроятію, не приметъ, что литовскіе люди заполонили его именемъ московское государство и въ Кремлѣ уже раздается латинское пѣніе. Онъ благословилъ народъ возстать противъ иноземцевъ и изгнать ихъ изъ Москвы. Слова патріарха развязали народу руки: москвичи начали убѣждать всѣ города русскіе возстать на общаго врага въ защиту вѣры православной и Москвы съ ея святынями. Призывъ этотъ нашелъ отголосокъ по всей Россіи, и началось дружное возстаніе народа по всѣмъ городамъ русскимъ. Этотъ святой страдалецъ нашелъ даже возможнымъ передъ смертію изъ своего заключенія переслать грамоту въ Нижній-Новгородъ. Въ ней онъ возставалъ противъ замысла Заруцкаго возвести на московскій престолъ сына Марины. Это была его послѣдняя грамота: 17-го января 1612 г. онъ умеръ отъ голода. Послѣдователемъ его въ дѣлѣ народнаго движенія противъ враговъ явился архимандритъ Троицкаго монастыря Діонисій. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени благочестивый и горячо любилъ свое отечество. Грамоты его имѣли громадное дѣйствіе: народъ возсталъ поголовно, налагая на себя постъ. Явился Кузьма Мининъ, князь Пожарскій — и Москва, а съ нею и вся Россія, были спасены.

Подвалы подъ церковью — бѣлокаменные, двухъ-этажные, съ отдѣльными входами. Верхній подвалъ имѣетъ слабое освѣщеніе чрезъ малые оконные просвѣты, нижній же совершенно темный, недавно открытый во время производившагося ремонта; попасть въ него можно только чрезъ особое замурованное отверстіе съ помощью приставной лѣстницы. Полагаютъ, что именно здѣсь былъ заключенъ патріархъ Гермогенъ; предположеніе это основано на польской брошюрѣ, въ которой говорится, что патріархъ Гермогенъ заточенъ подъ церковью Мих. Арх., въ чудовомъ монастырѣ, и ему ставили туда періодически ведро воды и куль овса. При открытіи подвала въ немъ найдены желѣзныя вериги и нѣсколько человѣческихъ череповъ и костей.

Въ Чудовомъ монастырѣ покоится не мало бояръ, вель-

можъ прежняго времени и духовныхъ лицъ. Тамъ погребены: извѣстный ученый философъ и мудрѣйшій толкователь Св. Писанія Епифаній Славеницкій [1]), князья Трубецкіе, Куракины, Хованскіе, Щербатовы, Оболенскіе, бояре Стрѣшневы, стольникъ Илья Морозовъ, послѣдній царь казанскій Симеонъ, отличавшійся своимъ разумомъ и дарованіями. Тутъ же погребены нѣкоторые изъ московскихъ митрополитовъ, и наконецъ юродивый Тимофей Архиповъ. Всѣ надгробные камни ихъ украшены рѣзными, краснорѣчивыми надписями о ихъ значеніи и подвигахъ при жизни. Послѣдняя надпись обращаетъ на себя вниманіе. Вотъ она: «1731 года, маія въ 29 день, при державѣ Благочестивѣйшія Великія Государыни нашея Императрицы Анны Іоанновны, самодержицы всея Россіи преставися рабъ Божій Тимофей Архиповъ сынъ, который оставя иконописное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ; а жилъ при дворѣ Мятери Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, Благочестивѣйшія Государыни, Царицы и Великія княгини Параскевіи Ѳеодоровны двадесять *осмь лѣтъ и погребенъ въ 30 день маія*».—Этотъ юродивый, замѣтимъ мимоходомъ, былъ весьма любимъ и почитаемъ не только самой царицей Прасковьей Ѳеодоровной [2]), но и всѣми ея приближенными. Между прочимъ, одна изъ Нарышкиныхъ, Настасья Александровна, любимица царицы Прасковьи, по смерти юродиваго Архипова, получила въ даръ его бороду. Въ родѣ этой Нарышкиной борода сохранялась, какъ святыня. Съ этой бородой было связано, по суевѣрному преданію рода, благосостояніе всей семьи Нарышкиныхъ и съ утратой ея долженъ прекратиться родъ Нарышкиныхъ. Дѣйствительно, борода юродиваго какъ-то исчезла, и въ годъ исчезновенія ея, одинъ изъ старшихъ Нарышкиныхъ, Александръ Ивановичъ, вельможа временъ Екатерины II-й, заболѣлъ недугомъ помѣшательства, который и свелъ его въ могилу. Послѣ смерти его, эта вѣтвь Нарышкиныхъ, старшая, дѣйствительно пресѣклась.

---

[1]) Умеръ въ 1676 г.
[2]) Супруга царя Іоанна Алексѣевича.

Между прочими могилами, тутъ находится и могила князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, извѣстнаго генералъ-прокурора въ царствованіе императрицы Елисаветы. Пышная надпись гласитъ о его послѣдовательномъ возвышеніи, значеніи и проч. Но при жизни этотъ человѣкъ былъ ненавидимъ Петербургомъ и Москвой. По разсказамъ современниковъ, князь Трубецкой былъ человѣкъ непостоянный, подобострастный, коварный, жестоко обращавшійся съ подсудимыми и собственноручно бивавшій ихъ. Жестокосердіе его доходило до того, что онъ, въ комиссіи для суда надъ Остерманомъ и Минихомъ, подалъ голосъ о колесованіи и четвертованіи ихъ живыми. Послѣдніе годы своей жизни князь Трубецкой жилъ въ Москвѣ и умеръ въ 1768 году.

На монастырской колокольнѣ, устроенной митрополитомъ Платономъ въ 1779 году во время и другихъ исправленій въ монастырѣ, считаются замѣчательными два колокола: *Большой и Полиелейный.* Сдѣланныя на этихъ колоколахъ надписи свидѣтельствуютъ, что первый, *Большой,* колоколъ отлитъ мастеромъ Кирилломъ Сомовымъ въ 1634 году по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича для соборной церкви Успенія Богородицы и святыхъ чудотворцевъ Леонтія, Исаія и Игнатія въ Ростовѣ, на память блаженныя памяти родителя своего Филарета Никитича. Колоколъ этотъ перелитъ съ значительною прибавкою мѣди при упомянутомъ митрополитѣ Платонѣ. Второй колоколъ, *Полиелейный,* отлитъ въ 1727 году при архимандритѣ Бѣляевѣ.

Нельзя не упомянуть и о томъ, что въ Чудовомъ монастырѣ Императоръ Николай Павловичъ торжествовалъ первую свою побѣду надъ Персіянами Трофеи, взятые у Кизильбашей, препровождены изъ Петербурга въ Чудовъ монастырь 21 ноября 1826 года, которыя и находятся въ Алексіевской церкви по настоящее время.

Не надо забывать еще, что Чудовъ монастырь былъ разсадникомъ духовнаго просвѣщенія. Здѣсь помѣщалась патріаршая школа [1]). Сюда приглашенъ былъ Максимъ

[1]) Учреждена патріархомъ Филаретомъ, подъ названіемъ греко-латинскаго училища.

Грекъ для разбора рукописей въ 1506 году. Здѣсь былъ архимандритомъ Павелъ, возвышавшійся своею ученостью передъ всѣми современниками [1]). Здѣсь былъ ученый іеромонахъ Евѳимій, принадлежавшій къ ученому братству составителей и переводчиковъ книгъ, основанному при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ бояриномъ Ртищевымъ. Здѣсь состоялъ учителемъ патріаршей школы Епифаній Славинецкій, воспитанникъ Кіевской Академіи, находившійся до призванія въ Москву Іеромонахомъ Кіево-Печерскаго монастыря. Епифаній отличался свѣдѣніями въ литературѣ греческой и латинской, и составилъ полный лексиконъ Греко-Славяно-Латинскій. Этотъ лексиконъ доселѣ сохраняется въ московской патріаршей библіотекѣ. Наши предки про этого ученаго говорили: «Епифаній Славинецкій, мужъ многоученый, аще кто инъ таковъ во времени семъ, не только грамматики и риторики, но и философіи и самыя ѳеологіи извѣстный бысть испытатель и искуснѣйшій разсудитель, и опасный протолковникъ Эллинскаго, Славянскаго и Польскаго языковъ».

До 1833 года въ Чудовомъ монастырѣ, въ его флигеляхъ, помѣщалась Московская Духовная Консисторія. Это присутственное мѣсто, производящее духовный судъ, образовано въ 1744 году изъ духовной Дикастеріи, занимавшей на Синодальномъ дворѣ въ Кремлѣ мѣсто Суднаго приказа. При архіепископѣ московскомъ, Платонѣ Малиновскомъ, Консисторія оттуда переведена въ Чудовъ монастырь, а ужъ изъ Чудова монастыря, въ 1833 г. на Рязанское старое подворье [2]).

Въ заключеніи описанія Чудова каѳедральнаго монастыря, сдѣлаемъ краткій очеркъ жизни его основателя, св. митрополита Алексія.

При жизни князя Даніила Александровича, изъ Чернигова въ Москву переселился бояринъ Ѳедоръ Бяконтъ. При Іоаннѣ Калитѣ онъ поступилъ на службу къ самому князю, былъ имъ замѣченъ и награжденъ землями въ

---

[1]) Управл. впослѣд., съ 1672 г., патріаршимъ престоломъ. Умеръ 1676 г.
[2]) Теперь Консисторія помѣщается на Мясницкой ул. въ собственномъ домѣ, рядомъ съ бывшимъ подворьемъ.

Москвѣ. Князь настолько благоволилъ къ боярину Бяконту, что, на время своего отсутствія, поручалъ ему управленіе городомъ и крестилъ у него одного изъ сыновей—Елевѳерія-Симеона. Сынъ этого Бяконта, приходя въ возрастъ, оказался необыкновенно способнымъ мальчикомъ, и уже въ двѣнадцать лѣтъ хорошо зналъ грамоту. Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ монахи Богоявленскаго монастыря и на двадцатомъ году постриженъ подъ именемъ Алексія. Проходя различныя монастырскія должности, въ инокахъ онъ прожилъ двадцать семь лѣтъ, и своею строгою жизнью обратилъ на себя вниманіе митрополита Ѳеогноста и великаго князя Симеона, назначившаго его намѣстникомъ при митрополитѣ. По смерти Ѳеогноста, Алексій заступилъ его мѣсто, и управлялъ митрополіей до 1378 года. Почувствовавъ приближеніе смерти, Алексій призвалъ къ себѣ великаго князя Димитрія Іоанновича, простился съ нимъ, благословилъ, и завѣщалъ похоронить себя въ основанномъ имъ Чудовомъ монастырѣ, но не въ церкви, а внѣ ея, за алтаремъ. Отпустивъ князя, святитель отслужилъ литургію, за которой причастился св. Таинъ. Затѣмъ, простившись со всѣми окружающими, онъ сталъ читать молитву объ исходѣ души, и, не докончивъ ея, скончался. Это было въ пятницу во время заутрени (12 февраля 1378 г.). Съ горестію услыхали всѣ о кончинѣ святителя, и толпы народа, съ плачемъ, спѣшили поклониться его праху. Великій князь Димитрій Іоанновичъ, посовѣтовавшись съ епископами, рѣшилъ положить тѣло его въ Чудовомъ монастырѣ, въ придѣлѣ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, а не внѣ церкви, какъ Алексій просилъ по своему смиренномудрію. При пѣніи псалмовъ, тѣло митрополита Алексія было перенесено въ Чудовъ монастырь, и тамъ, по совершеніи надъ нимъ обряда отпѣванія, предано землѣ. Въ 1438 году, т.-е. шестьдесятъ лѣтъ послѣ кончины святителя, мощи его были обрѣтены нетлѣнными.

Колокольня Ивана Великаго.

Этотъ колоссъ первопрестольной нашей столицы есть памятникъ пышнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастнаго царствованія Бориса Ѳеодоровича Годунова. Построеніе колокольни начато въ концѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича, но окончено при Борисѣ Годуновѣ въ 1600 году, что, несомнѣнно, доказывается находящеюся подъ главою надписью изъ колоссальныхъ золоченыхъ мѣдныхъ буквъ.

Надпись эта гласитъ:

«Изволеніемъ Святыя Троицы, повелѣніемъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича, всея Россіи Самодержца и сына его, Благовѣрнаго Великаго Государя Царевича Великаго Князя Ѳедора Борисовича всея Россіи. Храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто Государства ихъ 108 года». (Т.-е. 7108 отъ сотв. м. 1600 отъ Р. Х.).

По смерти Годунова надпись эта была залѣплена, но опять открыта по повелѣнію Петра Великаго.

Колокольня принадлежитъ къ Успенскому, Архангельскому и Благовѣщенскому соборамъ. Въ высоту она имѣетъ 45 саж. и $1^1/_2$ арш., а со крестомъ 46 саж. и $^1/_2$ арш.

Съ начала XIV вѣка на этомъ мѣстѣ уже существовала церковь св. Іоанна Лѣствичника, которую, въ 1329 году, построилъ Іоаннъ Калита. Церковь была каменная, и слѣдовательно, изъ каменныхъ храмовъ на всей Кремлевской горѣ она была третьею послѣ Успенскаго и Спасоборскаго соборовъ. Надъ нею сдѣлана была колокольня, служившая и ранѣе для Успенскаго Собора, при которомъ особой колокольни никогда не было, и потому церковь была извѣстна подъ названіемъ «Ивана Святаго подъ колоколами»

для отличія отъ Ивановской церкви на бору, и считалась придѣльною Успенскаго собора до конца XVIII вѣка.

По прошествіи 176 лѣтъ обветшавшая церковь была разобрана и на мѣстѣ ея была заложена новая одновременно съ Архангельскимъ соборомъ. Зодчимъ ея былъ Фрязинъ Цебонъ, который и совершилъ постройку въ три года при вел. кн. Василіѣ IV, въ 1508 году. Потомъ, рядомъ съ этой церковью, вел. князь Василій Іоанновичъ повелѣлъ Фрязину Петроку Малому соорудить еще церковь во имя Воскресенія Христова. Она была начата въ 1532 г. и кончена въ царствованіе Іоанна IV, но съ наименованіемъ уже соборомъ Рождества Христова. Изъ нея была сдѣлана въ 1552 году Укъ спенскому собору лѣстница, разобранная при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Рождественскій соборъ былъ возобновленъ еще въ 1685 году: патріархъ Филаретъ Никитичъ сдѣлалъ изъ этой церкви пристройку для помѣщенія колоколовъ. Пристройка эта имѣла четыре простѣнка, надъ которыми возвышалась выкрашенная ярью глава съ позолоченнымъ крестомъ и подлѣ нея шпиль также съ крестомъ, окруженный маленькими башеньками со шпилями. Въ 1812 году пристройка эта взорвана и на мѣстѣ ея выстроена та, которая существуетъ и теперь, но, какъ говорятъ знатоки зодчества, она сдѣлана выше прежней и потому отнимаетъ много грандіозности отъ самаго Ивана Великаго. Крайняя часть этого зданія, къ сѣверу, называемая Филаретовское, оканчивается пирамидальнымъ верхомъ и готическими орнаментами, а средняя, подлѣ самаго Ивановскаго столпа, носящая наименованіе Успенской, имѣетъ болѣе гладкую наружность и наверху большой куполъ съ вызолоченною главою, подъ которою, въ сквозной аркѣ, виситъ самый первый изъ колоколовъ по вѣсу, называемый Успенскимъ. Внутри зданія помѣщается церковь Николая Чудотворца Гостунскаго, переименованная въ 1816 году изъ прежняго собора Рождества Христова, въ которую тогда же, по упраздненіи Гостунскаго собора, перенесены часть мощей святителя и чудотворныя его иконы.

Стиль архитектуры Ивановской колокольни, по мнѣнію

знатоковъ, Ломбардо-Византійскій. Онъ восьмиугольный, постепенно съуживающійся къ верху, и имѣетъ въ основаніи 7 саж. и $2^1/_2$ арш. Зодчій этого знаменитаго столпа, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ [1]), но постройкою занималось много русскихъ людей, которымъ Борисъ Годуновъ, во время голода, хотѣлъ дать заработокъ.

Между нижнимъ и вторымъ ярусомъ [2]) Ивана Великаго есть высокая цилиндрическая пустота, шириною болѣе 4 саженъ, около которой идетъ винтомъ лѣстница выше. Тутъ, по преданію, первый Самозванецъ, сдѣлавшись царемъ, хотѣлъ устроить римско-католическій костелъ. Теперь въ нижнемъ этажѣ находится по прежнему церковь св. Іоанна Лѣствичника, возобновленная профессоромъ Мудровымъ и освященная въ 1822 году [3]).

Глава на колокольнѣ вызолочена. Крестъ составленъ изъ нѣсколькихъ желѣзныхъ полосъ и обитъ мѣдными позолоченными листами. Онъ сдѣланъ вновь послѣ 1812 года, а старый снятъ Наполеономъ.

Всѣхъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ, съ пристройкою, 34-ре; и общій вѣсъ ихъ 16,000 пуд. Нѣкоторые, висящіе на самомъ Ивановскомъ столпѣ, имѣютъ любопытныя надписи, но самыхъ старыхъ колоколовъ немного. Между ними находится Новгородскій XV вѣка, перелитый, какъ полагаютъ, изъ знаменитаго Вѣчевого.

Вотъ колокола, находящіеся въ Филаретовской пристройкѣ.

1-й. Успенскій, называвшійся въ старину царь-колоколъ. Онъ былъ отлитъ въ первой половинѣ XVI вѣка, вѣроятно, иностранцемъ, вѣсомъ въ 1000 пуд. и висѣлъ въ брусяномъ срубѣ между Ивановской колокольней и соборами. Въ него звонили только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ-то: по кончинѣ царя, или кого-либо изъ царской фамиліи, или митрополита, а впослѣдствіи патріарха. Потомъ колоколъ помѣщался уже на самой Филаретовской колокольнѣ и, бывъ перелитъ 1760 г. мастеромъ Елизо-

---

[1]) Впрочемъ указываютъ на нѣкоего зодчаго Ивана Вилье.
[2]) Всѣхъ ярусовъ 5-ть.
[3]) Возобновлена еще въ 1874 г. моск. хоругвеносцами.

вымъ, имѣлъ вѣсу 3551 пудъ. При взрывѣ въ 1812 г. онъ совершенно разбился и сдѣланъ въ 1819 г. новымъ мастеромъ Богдановымъ, слишкомъ въ 4000 пудовъ.

2-й. Реутъ. Вылитъ въ 1689 году по повелѣнію патріарха Іоакима пушечнымъ мастеромъ Андреемъ Чоховымъ. Онъ названъ Поліелейнымъ и вѣсу въ немъ до 2000 пуд. Этотъ колоколъ замѣчателенъ тѣмъ, что, при взрывѣ въ 1812 году, у него отбило уши, которыя, однакожъ, искусно придѣланы и колоколъ не измѣнилъ своего тона.

3-й. Семисотенный или Воскресный, имѣющій вѣсу 798 пуд. Надпись на колоколѣ свидѣтельствуетъ, что онъ отлитъ въ 1704 году мастеромъ Иваномъ Маторинымъ.

4-й. Вседневный. Первоначально отлитъ былъ въ 1652 г. мастеромъ Емельяномъ Даниловымъ и имѣлъ вѣсу 998 пуд. 30 фун. Потомъ, при Екатеринѣ II-й, въ 1782 году, перелитъ мастеромъ Яковомъ Завьяловымъ съ вѣсомъ въ 1017 пуд. и 14 фун. Все это изъяснено надписью на колоколѣ. Вседневнымъ онъ названъ патріархомъ Іоакимомъ.

Звонъ всѣхъ этихъ колоколовъ вмѣстѣ, что бываетъ только въ самые большіе праздники и особенно торжественные дни, производитъ чарующее впечатлѣніе.

Видъ съ колокольни Ивана Великаго на Москву и ея окрестности, особенно въ ясную погоду, очарователенъ необыкновенно: видны даже села и строенія, находящіяся въ 30-ти и 40-ка верстахъ отъ Москвы.

Неизлишне будетъ замѣтить, что отъ входа въ колокольню до нижняго круга находится по крутой винтообразной лѣстницѣ 151 ступень, отъ нижняго до средняго 157, а отъ средняго до верхняго 121, итого всѣхъ ступеней 409.

Подъ нижнимъ ярусомъ колокольни живутъ въ настоящее время пономари и сторожа соборовъ.

Кремлевскія ворота.

Весь Кремль, какъ извѣстно, выстроенъ неправильнымъ многоугольникомъ, котораго вся южная сторона обращена къ Москвѣ-рѣкѣ. Вслѣдствіе этой неправильности и кремлевскія ворота расположены безъ особенной правильности. Въ старину ихъ было шесть: Флоровскія, Константино-Еленскія, Боровицкія, Курятныя [1]), Тайнинскія [2]) и Никольскія. При исправленіи Кремля царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, Константино-Еленскія ворота заложены и на мѣстѣ ихъ воздвигнута башня. Ворота эти находились пониже Флоровскихъ, по направленію къ Москвѣ-рѣкѣ. Ко всѣмъ этимъ воротамъ вели каменные мосты, соименные имъ, перекинутые черезъ рвы, которыми былъ окруженъ Кремль [3]). Рвы эти были выкопаны между двумя стѣнами. У Никольскихъ воротъ находился соборъ Черниговскихъ чудотворцевъ, выстроенный въ XVII вѣкѣ и сломанный послѣ 1770 года. Въ этотъ соборъ были царскіе выходы 20 сентября и 14 февраля. Тамъ же стоялъ соборъ св. Александра Невскаго, куда были царскіе выходы 23 ноября.—Курятныя ворота были возведены около 1500 г. и назывались Курятными потому, что находились позади царскаго задняго двора, т.-е. курятника [4]). *Троицкими* они

---

1) Иначе Куретныя.
2) Иначе Тайницкія.
3) За исключеніемъ Никольскихъ.
4) Курятными также назывались и нын. Воскресенскія (Иверская часовня).

названы впослѣдствіи, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, который повелѣлъ ихъ исправить и устроить на нихъ часы съ курантами. Названіе Троицкихъ воротъ дано имъ отъ образа Пресвятыя Троицы, находившагося на внутренней сторонѣ ихъ, въ Кремлѣ; на внѣшней же сторонѣ находился образъ Знаменія. За воротами, къ Моховой, существовала церковь Николая Чудотворца, что въ Сапожкѣ, сломанная въ первой четверти нынѣшняго столѣтія [1]). Къ ней велъ Троицкій мостъ, потому что съ этой стороны, подлѣ Кремлѣ, протекала мутная и грязная Неглинная, берега которой были очень неблагообразны и всегда завалены нечистотою, такъ что мѣсто нынѣшняго Кремлевскаго сада оставалось однимъ изъ самыхъ непріятныхъ. Въ 1820 году повелѣно было развести на самомъ этомъ мѣстѣ садъ, который и образовался тутъ съ удивительною, можно сказать, волшебною скоростью, такъ-какъ торжественное открытіе главной половины, отъ Никольскихъ воротъ или рѣшетки до Троицкаго моста, послѣдовало въ 1821 году 30-го августа. Другая половина, отъ Троицкихъ воротъ до Набережной, гдѣ и ранѣе былъ государевъ садъ, въ одинъ изъ пожаровъ уничтоженный, — была устроена впослѣдствіи. Такимъ образомъ, грязные берега Неглинной скрылись подъ прекраснымъ садомъ, однимъ изъ лучшихъ гульбищъ въ Москвѣ въ продолженіе весьма долгаго времени. Садъ этотъ раздѣлялся на двѣ части Троицкимъ мостомъ: одинъ ведетъ вправо, если итти изъ Кремля, другой, по чугунной лѣстницѣ, влѣво. Подъ самымъ мостомъ есть проходъ въ видѣ арки, соединяющій оба сада, образующіе одно цѣлое. Въ саду былъ устроенъ гротъ, кофейня, и въ началѣ были сажаемы клумбы цвѣтовъ [2]), Троицкій мостъ оканчивается зубчатою сквозною башнею старинной постройки, воздвигнутою, несомнѣнно, для защиты Троиц-

[1]) Эта церковь построена была въ 1683 году.

[2]) Главный входъ въ этотъ садъ прикрытъ великолѣпною рѣшеткою, отлитою изъ чугуна на заводѣ Чесменскаго Александра Васильевича Нѣмчиновымъ. Столбы этой рѣшетки имѣютъ видъ римскихъ ликторскихъ пуковъ съ вызолоченными топорами и таковыми же перевязками.—Въ 1872 г. въ этомъ саду была расположена часть Политехнической выставки. Затѣмъ садъ былъ страшно запущенъ, но въ настоящее время снова возобновленъ. Садъ этотъ называютъ еще Александровскимъ.

кихъ воротъ. Она называлась прежде, въ давнія времена, башнею Кутафьею, и построена, вѣроятно, при Іоаннѣ III, Васильевичѣ, кѣмъ-либо изъ вызванныхъ имъ итальянскихъ зодчихъ [1]). Башня эта круглая, открытая и съ зубцами. На внутренней сторонѣ ея, вверху, былъ изображенъ поясной портретъ: по словамъ однихъ — Владиміра Мономаха, по словамъ другихъ — князя Даніила Александровича. Вся эта мѣстность, и самый Троицкій мостъ, пробуждаютъ много воспоминаній. Черезъ него проходило много торжественныхъ шествій, начиная отъ Годунова, шедшаго изъ Новодѣвичьяго монастыря вѣнчаться на царство, до великолѣпныхъ празднествъ нашего времени. Еще одного достопамятнаго событія были свидѣтелями Троицкія ворота и Троицкій мостъ. Въ 1812 году, въ день вступленія французовъ въ Москву, 2 сентября, передовой отрядъ ихъ, бывшій подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля Мюрата, подходя къ Троицкому мосту, съ удивленіемъ замѣтилъ, что ворота заперты и стѣны вокругъ нихъ усѣяны вооруженными людьми, тогда-какъ, по словесному соглашенію короля съ генераломъ Милорадовичемъ, военныя дѣйствія прекращены на все время выступленія русскихъ войскъ изъ столицы. Французы остановились, но въ тоже мгновеніе раздался залпъ изъ ружей, установленныхъ противъ нихъ. Тогда-то французы увидѣли, что имѣютъ дѣло не съ войсками, а съ несчастными жителями, которые, въ ненависти къ врагамъ, хотѣли отразить Наполеонову армію отъ Кремля. Разумѣется, сопротивленіе не могло быть дѣйствительнымъ, и черезъ нѣсколько минутъ отчаянные защитники разбѣжались, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько труповъ.

Ворота *Тайницкія* получили свое названіе, несомнѣнно, потому, что онѣ прежде, во время осадъ, служили тайнымъ выходомъ на Москву-рѣку за водою, или для вылазокъ. Ворота эти находятся на срединѣ южнаго фасада Кремлевскихъ стѣнъ, служа имъ, по правильной своей

---

[1]) Полагаютъ, что названіе башни произошло отъ стариннаго названія скуфьи—тафья, съ прибавкою частицы „ку“.

готической формѣ, украшеніемъ. Въ выдавшейся къ рѣкѣ части башни, образующей правильный квадратъ, долго видѣнъ былъ глубокій, обширный колодезь, засорившійся и заросшій впослѣдствіи, который, по народному преданію, служилъ будто бы тайнымъ подземнымъ входомъ за Москву-рѣку, что подлежитъ полному сомнѣнію, такъ-какъ для подобнаго схода необходимо должна была бы находиться лѣстница, или въ какую-нибудь сторону отлогость. Скорѣе всего, колодезь этотъ снабжалъ городъ во время осады водою, находясь вблизи къ рѣкѣ. Изъ внутренности башни, въ обѣ стороны, существуетъ ходъ на стѣну и на площадку верхней части этого грандіознаго сооруженія. Здѣсь, по словамъ лѣтописей, находился прежде соборъ Черниговскихъ чудотворцевъ, князя Михаила и вѣрнаго боярина его Ѳеодора, убитыхъ въ Ордѣ при Батыѣ. Святыя тѣла ихъ, сохраненныя и привезенныя въ отечество, были положены въ храмѣ надъ Тайницкими воротами. Въ 1770 г. Императрица Екатерина II, въ намѣреніи соорудить для мощей серебряную раку, приказала перенести на время въ Срѣтенскій соборъ, что на Сѣняхъ, откуда въ 1774 году перенесены онѣ въ Архангельскій соборъ, гдѣ находятся и по настоящее время. Здѣсь же, близъ Тайнинскихъ воротъ, была церковь и во имя св. князя Александра Невскаго. Постройка воротъ, какъ уже сказано выше, принадлежитъ Петру Антонову Фрязину.

Влѣво отъ воротъ Тайнинскихъ находились ворота *Константино-Еленскія*, какъ уже сказано выше, задѣланныя при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Онѣ названы были по имени находившейся тутъ церкви благовѣрнаго царя Константина, при которой находилось кладбище на пространствѣ 8 саженей. Въ 1689 г. «у той церкви класть мертвыхъ не велѣно». Тутъ же находилось и подворье Никольскаго монастыря. Въ 1692 г. вмѣсто этой церкви построена новая—во имя свв. Константина и Елены иждивеніемъ царицы Наталіи Кирилловны и царевича Петра Алексѣевича. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія церковь эта пришла въ упадокъ, и потому въ 1837 г. возобновлена.—

Константино-Еленскія ворота имѣютъ хотя краткую, но, тѣмъ не менѣе, значительную свою исторію. Когда великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской рѣшительно вознамѣрился противустать Мамаю, тогда собранное воинство выходило изъ Кремля именно въ эти ворота и въ нихъ же принимало благословеніе духовенства и окроплялось св. водою. Ворота эти тогда были главными воротами Кремля, такъ-какъ выходили на Великую улицу (нынѣ набережная) и прямо къ мосту; въ эти же ворота вел. кн., несомнѣнно, и въѣзжалъ въ Кремль послѣ своей знаменитой побѣды на Куликовомъ полѣ.

Боровицкія ворота, названныя при царѣ Алекс. Михаил. Предтеченскими, но сохранявшія до сихъ поръ старое названіе, расположены на горѣ на одной линіи съ Троицкими. Названы такъ по бору, когда-то здѣсь находившемуся. Отъ нихъ, черезъ Неглинку, былъ деревянный мостъ, уничтоженный при устройствѣ Кремлевскаго сада. Строены одновременно съ Троицкими и тѣмъ же зодчимъ, Петромъ Фрязинымъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ построены Боровицкія ворота, впервые, какъ многіе полагаютъ, заложено гнѣздо Москвы, сдѣланъ первый починъ основанія ея. Это мѣсто есть, такъ сказать, маковица Кремлевскаго холма, его средоточіе, на которомъ срублена первая церковь Преображенія Господня «на Бору», есть первое историческое урочище, вокругъ котораго впослѣдствіи раскинулась необъятная Бѣлокаменная.

Съ мала ключика студена потекла рѣка,
Съ невелика начиналась каменна Москва.

И это «невелико» было то именно мѣсто, гдѣ стоятъ въ настоящее время Боровицкія ворота.—Въ 1848 г. въ башню Боровицкихъ воротъ перенесена церковь св. Іоанна Предтечи, находившаяся на площади нынѣшнаго Большого Дворца и называвшаяся тоже «на Бору». При вел. кн. Димитріи Донскомъ отъ Боровицкихъ воротъ шла большая улица, ведшая къ великокняжескому дворцу. Два раза у этихъ воротъ останавливались станомъ литовскія полчища Ольгерда, и уходили обратно, устрашенныя видомъ крѣп-

кихъ стѣнъ Кремля. Въ третій разъ самъ Димитрій Іоанновичъ вышелъ изъ этихъ воротъ на встрѣчу Ольгерду, и Ольгердъ, увидавъ передъ собою противника, равнаго ему силой, предложилъ великому князю перемиріе, которое и было заключено.

Никольскія ворота, находящіяся къ сѣверу, ведутъ изъ Кремля мимо Красной площади на Никольскую улицу, названную по имени этихъ воротъ. Они строены одновременно съ Троицкими и Боровицкими при Іоаннѣ Васильевичѣ III зодчимъ Соляріемъ Фрязинымъ, и тогда же тамъ поставленъ образъ св. Николая. Въ первоначальномъ видѣ своемъ ворота существовали до 1812 года. Въ этомъ году, при взрывахъ Кремля, верхняя часть воротъ низпровергласъ по самый образъ святителя Николая. Что же касается до остальной, нижней части, воротъ, то не только она, но даже и стекло у образа Чудотворца, не взирая на ужасное потрясеніе, причиненное взрывомъ, остались невредимы. Это чудесное событіе свидѣтельствуется сдѣланною на воротахъ надписью. Ворота были возобновлены архитекторомъ Росси по образцу Спасскихъ, въ готическомъ вкусѣ, весьма красиво, причемъ соблюдена легкость современнаго зодчества съ зодчествомъ временъ давно прошедшихъ. И эти ворота, какъ и другія, множество разъ были свидѣтелями приступа враговъ, и такое же множество разъ давали возможность русскому воинству съ честью защищать священный для русскаго человѣка Кремль.

Такъ-какъ Спасскія ворота, бывшія Флоровскія, составятъ предметъ отдѣльной статьи, то мы переименуемъ теперь башни и стрѣльницы, составляющія украшеніе Кремля. Ихъ всего восемнадцать: Угольная, Арсенальная, Троицкая, Конюшенная (двѣ), Боровицкая, Водовзводная, Тайницая, Безъименная (двѣ), Петра митрополита, Беклемишевская, Константино-Еленская, Набатная, Царская, Спасская, Сенатская и Никольская [1]).

---

[1]) У Константино-Еленской и Никольской башенъ долгое время находились пыточные застѣнки.

Всѣ эти башни строены Петромъ и Маркомъ Фрязиными безъ особаго назначенія, просто для красоты стѣнъ, и только Набатная и Царская, имѣли въ старину опредѣленное назначеніе. На верху набатной висѣлъ колоколъ, въ которой звонили во время особенныхъ всполоховъ и бѣдствій [1]), а съ Царской башни, во время особенныхъ торжествъ, Царь показывался собравшемуся народу [2]). Обычай этотъ прекратился со временъ Петра Великаго.

---

[1]) Теперь этотъ всполошный колоколъ находится въ Оружейной палатѣ. Онъ снятъ въ 1817 г.

[2]) По народному преданію, съ вышины этой башни царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный въ особенности любилъ смотрѣть на кулачные бои, которые происходили на Красной площади. Отсюда же былъ подземный ходъ подъ Кремль и былъ застѣнокъ для государственныхъ преступниковъ.

Спасскія ворота.

Однимъ изъ самыхъ благоговѣйныхъ предметовъ уваженія почитаются въ Москвѣ Спасскія ворота, ведущія въ Кремль отъ Лобнаго мѣста.

И дѣйствительно, немного найдется мѣстъ не только въ Москвѣ, но и въ Россіи, которыя были бы столько вѣковъ и такихъ событій свидѣтелями.

Спасскія ворота построены въ самомъ сердцѣ Москвы, одною стороною къ Лобному мѣсту и Красной площади, другою—въ Кремль, гдѣ началась и развилась сила и слава Россіи. Тутъ проѣзжали и проходили наши цари, выступая противъ враговъ, или идя навстрѣчу святынѣ. Тутъ проходили и защитники отечества съ первыхъ временъ основанія Кремля до временъ позднѣйшихъ. Тутъ въѣзжаютъ наши цари для священныхъ коронацій. Тутъ, вообще, совершилось столько славнаго и дивнаго, что невольно удивляешься этой святынѣ и благоговѣешь передъ ней. Но тутъ бывало не мало и того, передъ чѣмъ содрогается сердце русскаго человѣка. Она видѣла буйныя празднества Дмитрія Самозванца, когда онъ въѣзжалъ веселиться со своими ляхами; она видѣла кровавыя казни на Красной площади, при Іоаннѣ Грозномъ, и тамъ же возведеннаго подъ сѣкиру палача Василія Шуйскаго. Тутъ ѣзжалъ и Наполеонъ, завоеватель Европы, и всѣ историческія лица, окружавшія его. Событія бѣдственныхъ годинъ, и счастливыя, радостныя явленія, — все это напоминаютъ намъ Спасскія ворота, которыми проходила, такъ сказать, вся русская исторія. Кто безъ благоговѣйнаго чувства смотритъ на эти ворота, на эту башню, красно-

рѣчивую свидѣтельницу многихъ вѣковъ жизни Россіи, тотъ не знаетъ нашей исторіи.

Ворота эти какъ уже извѣстно, именовались прежде Флоровскими по церкви Флора и Лавра, бывшей подлѣ нихъ, гдѣ также находилось много другихъ церквей и зданій, совершенно заслонявшихъ входъ въ Кремль. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально ворота были построены вмѣстѣ съ Кремлевскою стѣною, два раза деревянною, потомъ каменною. Несомнѣнно также, что ворота эти долгое время оставались въ первоначальномъ видѣ, такъ-какъ о постройкѣ или перестройкѣ ихъ до вел. кн. Іоанна III, Васильевича, когда выводились новыя стѣны и башни, вовсе не упоминается. Извѣстно только, что Іоаннъ III, приказалъ очистить мѣста близъ этихъ воротъ на пространствѣ ста девяти саженъ отъ стѣны, при чемъ на Красной площади были разобраны заслоняющія входъ въ Кремль церкви и зданія [1]). Повеленіе это весьма не понравилось современникамъ. Въ особенности было недовольно имъ духовенство. Такъ, архіепископъ Новгородскій Геннадій, въ письмѣ къ митрополиту Зосимѣ, писалъ: «Нынѣ бѣда ся стала земская; церкви извѣчныя выношены изъ города вонъ, да и монастыри съ мѣста переставлены, и кости мертвыхъ выношены на Дорогомилово, и кости выносили, а тѣлеса вѣдь тутъ остались, въ персть разошлися, да на тѣхъ мѣстахъ нынѣ садъ посаженъ... отъ Бога грѣхъ и отъ людей соромъ. Здѣсь пріѣхалъ жидовинъ новокрещенный, Даніиломъ зовутъ, да мнѣ сказывалъ за столомъ во всѣ люди, князь-де великій (такъ говорили Даніилу жиды въ Кіевѣ) на Москвѣ церкви изъ города въ селы металъ вонъ... А что дворы отодвинуты отъ города ино то и въ

---

[1]) Для любопытныхъ, приводимъ перечень церквей, находившихся на Красной площади, на рву, между Флоровскихъ и Никольскихъ воротъ: Церковь Прасковеи Пятницы, Василія Кесарійскаго, Богоявленія, Ѳеодосіи дѣвицы, Евангелиста Марка, Іоанна Предтечи, Ризъ Положенія, Препод. Сергія, Николая Чудотворца, Рождества Христова, Воскресенія Христова, Афанасія и Кирилла, Зачатія Богородицы, Рождества Богородицы, Всѣхъ Святыхъ.—Былъ еще аптекарскій садъ и находились обрубы и кладбища, гдѣ кладены умершіе въ моровое повѣтріе.

лѣпоту; а церкви бы стояли вокругъ города: еще бы честь граду была» [1]).

На подобныя жалобы Іоаннъ III не обращалъ вниманія и продолжалъ улучшать Кремль, придавая ему могучую крѣпость и силу.

Впервые Флоровскія ворота обратили на себя особенное вниманіе въ 1521 году, сдѣлавшись предметомъ благоговѣйнаго почитанія въ народѣ. Это было во время нашествія на Москву Махметъ-Гирея.

По свидѣтельству стольника Лызова, занесенному въ Минею, слѣпая инокиня Вознесенскаго монастыря имѣла во время этого нашествія слѣдующее видѣніе: при колокольномъ звонѣ шли изъ Кремля Флоровскими воротами почивающіе святители и несли Владимірскую икону Божіей матери, стоящую въ Успенскомъ соборѣ и писанную Евангелистомъ Лукою. На встрѣчу имъ изъ Китай-города вышли преподобные: Сергій Радонежскій и Варлаамъ Хутынскій и спросили святителей: куда они идутъ? Святители отвѣтили, что Господь повелѣлъ имъ уйти изъ града сего и взять икону Его Матери, потому-что люди презрѣли страхъ Божій и о заповѣдяхъ Его вознерадѣли; за это Онъ предаетъ землю русскую иноплеменникамъ и язычникамъ. Преподобные стали просить Святителей помолиться Милосердому Богу о прощеніи грѣшныхъ. Святители вняли ихъ мольбѣ, вознесли вмѣстѣ съ ними молитвы Всевышнему и потомъ воротились въ Кремль.—Въ предвратной иконѣ Спасителя дѣйствительно изображены преподобные въ молитвенномъ положеніи у ногъ Богочеловѣка. Въ рукѣ Спасителя имѣется раскрытое Евангеліе, на которомъ слѣдующая надпись: «Рече Господь ко пришедшимъ къ нему Іудеямъ: Азъ есмь дверь».

Въ 1654 году, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, на мѣстѣ Флоровскихъ воротъ была выстроена пирамидальная башня съ часами. Строилъ ее англичанинъ Христофоръ Головей. Но башня продолжала именоваться Флоровской до 1645 года. Въ этомъ году принесенъ былъ

[1]) Исторія Госуд. Рос. Карамзина. Т. IV.

изъ Вятки образъ Нерукотвореннаго Спаса. Пронесенный торжественнымъ крестнымъ ходомъ чрезъ Флоровскія ворота, образъ былъ поставленъ въ Успенскомъ соборѣ. Самъ царь Алексѣй Михаиловичъ встрѣтилъ икону съ торжественною церемоніею. Затѣмъ, черезъ три года, образъ этотъ былъ перенесенъ съ торжествомъ черезъ Флоровскія ворота въ Ново-Спасскій монастырь, и указомъ отъ 16 апрѣля 1648 г. повелѣно было впредь на вѣчныя времена ходить этими воротами съ непокрытой головой. На нихъ былъ поставленъ образъ Спасителя въ золотой ризѣ, и ворота переименованы изъ Флоровскихъ въ Спасскія. За хожденіе чрезъ нихъ въ шапкахъ виновные должны были класть публично 50 земныхъ поклоновъ или подвергались наказанію батогами въ Стрѣлецкомъ приказѣ, который находился въ Кремлѣ. Указомъ 9 января 1654 г. запрещено было старымъ подъячимъ въѣзжать въ Кремль на лошадяхъ: они должны были оставлять своихъ лошадей у Спасскихъ воротъ и пѣшкомъ входить въ Кремль [1]). Установлено было также, чтобы патріархъ, во время шествія въ недѣлю Ваій, всходилъ на Спасскую башню, освящалъ тамъ воду и кропилъ ею Кремлевскія стѣны. Затѣмъ сюда же, до временъ Петра, выносили ящикъ, въ который опускались челобитныя на имя царя.

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ Спасскія ворота остаются со временъ Петра Великаго, который выписалъ для нихъ изъ Голландіи боевые часы и велѣлъ поставить ихъ въ башнѣ надъ воротами [2]). Башня эта была передѣлываема нѣсколько разъ, но всегда оставляли ей первобытный ея характеръ.

При Петрѣ Великомъ башня была измѣрена, По «Описной книгѣ» 1701 г., въ ней оказалось вышины $29^1/_2$ саженъ, а именно отъ земли до перилъ $13^1/_2$, отъ перилъ до шатра 10 саж., отъ шатра до орла $5^1/_2$ саж., длины $6^3/_5$ саж., шир. $6^1/_2$ саж. Кромѣ желѣзныхъ воротъ, или затворовъ, существовала еще желѣзная рѣшетка, которая

---

[1]) Изслѣд. И. М. Снегирева.

[2]) Часы были передѣланы русскимъ часовщикомъ Екимомъ Горловымъ, съ колокольною музыкою въ 33 колокола.

опускалась сверху. Она могла заградить входъ и тогда, когда непріятель прорвался бы въ ворота, такъ-какъ своею тяжестью она перерѣзала бы толпу и раздѣлила ее: оставшіеся внутри сдѣлались бы жертвою защитниковъ, а еще не вошедшіе туда не скоро могли бы пробиться. Теперь этой рѣшетки уже не существуетъ, а желѣзныя ворота замѣнены массивными дубовыми. Большой образъ Спасителя, какъ уже сказано, находится надъ воротами, съ наружной стороны ихъ. Подъ нимъ сохраняется надпись, сдѣланная при Іоаннѣ Васильевичѣ III, на латинскомъ языкѣ.

Вотъ ея содержаніе въ переводѣ на русскій языкъ:

Іоаннъ Васильевичъ Божіею милостію великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Тверскій, Псковскій, Вятскій, Угорскій, Пермскій, Болгарскій и иныхъ и всея Росіи государь въ лѣто тридцатое государствованія своего велѣлъ построить сію башню; а строилъ ее Петръ Антоній Селарій Медіоланскій въ лѣто воплощенія Господня 1491.

Съ правой и съ лѣвой стороны отъ Спасскихъ воротъ къ Красной площади придѣланы часовни, гдѣ находятся икона Спасителя и Смоленская икона Богоматери.

Въ Спасскія ворота искони бывали всѣ торжественные и церковные ходы. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ изъ двѣнадцати крестныхъ ходовъ въ году девять проходили Спасскими воротами. Нынѣ изъ тринадцати крестныхъ ходовъ восемь проходятъ Спасскими воротами. Здѣсь же, въ минувшія столѣтія, совершался ходъ патріарха въ день Вербнаго Воскресенія въ Покровскій соборъ, причемъ царь, или близкій къ царю родственникъ велъ патріархова осла. Въ этотъ день у патріарха бывалъ парадный столъ. Здѣсь же цари, митрополиты со всѣмъ соборомъ, съ боярами и со всѣми знатнѣйшими людьми, встрѣчали въ разное время святыя иконы, какъ-то: Владимірскую икону Богоматери—изъ Владиміра, Всемилостиваго Спаса—изъ Новгорода, Благовѣщенія Пресв. Богородицы—изъ Устюга, св. Николая Великорѣцкаго—изъ Вятки, Животворящаго креста Господня—изъ Курска, куда онъ отпущенъ былъ изъ

Москвы по причинѣ происшедшихъ тамъ болѣзней и другія иконы и святыя мощи.

Выше сказано, что снимать шапки у Спасскихъ воротъ повелѣно указомъ Алексѣя Михаиловича. Оставляя силу этого указа, нельзя не замѣтить и того, что обычай этотъ, скорѣе всего, существовалъ и ранѣе, такъ-какъ Спасскія ворота, будучи еще Флоровскими, почитались народомъ самыми священными изъ всѣхъ другихъ въ Кремлѣ. Въ этомъ, скорѣе всего, и кроется причина происхожденія обычая снимать шапки, проходя Спасскими воротами. Народъ, имѣющій свои преданія, свою любовь и благоговѣніе къ великимъ и святымъ предметамъ, могъ ли не благоговѣть предъ этимъ священнымъ памятникомъ Кремля, когда, вообще, эти памятники глубоко чтили и наши всѣ вѣнценосцы. Поэтому обычай снимать шапки, проходя Спасскими воротами, теряется въ глубокой древности. Царь Алексѣй Михаиловичъ только узаконилъ указомъ обычай народный.

Впрочемъ, по этому поводу есть и нѣкоторыя сказанія. Одни полагали, что обычай этотъ установленъ въ память избавленія Кремля, а вмѣстѣ съ нимъ и Москвы, отъ татаръ въ 1591 году, другіе—въ память прекращенія голода и моровой язвы въ 1601 г., третьи, наконецъ,—что изъ Спасскихъ воротъ былъ видѣнъ царскій дворецъ. Въ одномъ изъ «Путеводителей по Москвѣ, изданномъ 1792 году (ч. 2, стр. 276), между прочимъ, сказано: «Входящимъ черезъ Спасскія ворота въ Кремль людямъ снимать шапки въ обычай вошло изъ почтенія къ Великимъ Государямъ, когда Цари живали въ Кремлѣ, который тогда почитался дворцомъ царскимъ; поелику сіи ворота изъ дворца видимы были, какъ и до днесь въ господскихъ домахъ то наблюдается ихъ холопами».

Какъ бы тамъ ни было, но Спасскія ворота останутся для русскаго человѣка священными, несомнѣнно, на многіе вѣка, доколѣ будетъ стоять земля русская, православная!

Въ 1812 году, когда Наполеонъ хотѣлъ взорвать на воздухъ Кремль, былъ сдѣланъ подкопъ и подъ Спасскими воротами. Но еще огонь не дошелъ по фитилю къ подкопу,

какъ пролился сильнѣйшій дождь, который и погасилъ фитиль.

Такъ сохранилась эта достопамятность отъ разрушенія ея иноплеменниками.

Совершилось еще одно знаменательное историческое событіе, свидѣтелемъ котораго были Спасскія ворота, и умолчать о которомъ несправедливо.

Передадимъ это событіе.

Послѣ Куликовской битвы Мамай, вернувшись въ свою Орду, долженъ былъ вступить въ новую борьбу съ ханомъ Тохтамышемъ, который объявилъ себя наслѣдникомъ Батыя и вырывалъ власть изъ рукъ Мамая. Въ этомъ соперничествѣ Мамай былъ разбитъ Тохтамышемъ, бѣжалъ въ городъ Кафу, гдѣ и былъ умерщвленъ Генуэзцами, желавшими завладѣть его богатствомъ.

Въ Ордѣ воцарился Тохтамышъ. Онъ немедленно извѣстилъ всѣхъ русскихъ князей, что онъ побѣдилъ врага ихъ, Мамая, и затѣмъ требовалъ, чтобы они явились въ Орду, какъ его данники. Конечно, извѣстіе это получилъ и великій князь Димитрій Іоанновичъ. Сперва великій князь принялъ пословъ ласково, одарилъ ихъ, но когда Тохтамышъ отрядилъ къ нему своего сына, Акхозя, съ вооруженными татарами, то князь сообщилъ Акхозѣ, находившемуся въ Нижнемъ, чтобы онъ не ѣздилъ въ Москву съ воинскою дружиною, или великій князь не отвѣчалъ за его безопасность. Акхозя обратно уѣхалъ въ Орду. Это подало поводъ Димитрію Іоанновичу предполагать, что Орда ослабѣла и уже не въ силахъ его тревожить: онъ не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности. Между тѣмъ, обозленный Тохтамышъ собралъ сильное войско и, соблюдая величайшую тайну, двинулся къ Москвѣ. Довольно поздно узнавъ о движеніи татаръ на Москву, Димитрій Іоанновичъ хотѣлъ-было напомнить Тохтамышу Куликово Поле, но другіе князья оставили его, и онъ принужденъ былъ удалиться въ Кострому, чтобы собрать тамъ войско. Покинутѣе жители Москвы не знали, что имъ дѣлать безъ вождя; но вождь нашелся: это былъ внукъ Ольгерда, литовскій князь Остей. Онъ дѣятельно сталъ приготовляться къ оборонѣ.

Вскорѣ подъ стѣнами Москвы показались татары, и затѣмъ, подъ предводительствомъ самого Тохтамыша, началась осада стѣнъ. Татары осаждали Кремль со звѣрской храбростью, но храбро защищались и осажденные: лили на татаръ горячую воду изъ котловъ, кидали каменья, стрѣляли изъ самострѣловъ. Болѣе всего кипѣла ожесточенная битва у Флоровскихъ воротъ. Приступы татаръ повторялись три дня, но всякій разъ они были отбиваемы. На четвертый день, посланные Тохтамыша подъѣхали къ Флоровскимъ воротамъ и сказали осажденнымъ, что ханъ сердитъ только на самого великаго князя Димитрія, а ихъ готовъ миловать, только бы они вышли къ нему навстрѣчу съ княземъ Остеемъ и поднесли ему небольшіе дары. Нижегородскіе князья, бывшіе въ станѣ татаръ и обманутые увѣреніями хана, дали клятву осажденнымъ, что ханъ не сдѣлаетъ никакого зла. Осажденные повѣрили и открыли Флоровскія ворота. Впереди всѣхъ, съ дарами въ рукахъ, вышелъ князь Остей, за нимъ шло духовенство съ крестами, бояры и граждане московскіе. Татары не сдержали слова. Они повели князя Остея въ свой станъ и немедленно умертвили. Затѣмъ татары ворвались въ Кремль, рубили духовенство и народъ, грабили церкви, опустошили казну великокняжескую и умертвили большую часть жителей. Ужасный разгромъ этотъ произошелъ 26-го августа 1382 г., въ четвергъ, въ 7 час. дня. По поводу его лѣтописецъ говоритъ: «И было въ градѣ и внѣ града злое истребленіе, покуда у татаръ руки и плечи измокли, силы изнемогли и острыя сабли притупились. И былъ тодолѣ градъ Москва великъ, чуденъ, многонароденъ и всякаго узорочья исполненъ, и въ единый часъ измѣнился въ прахъ, дымъ и пепелъ и не было человѣка ходящаго по пожарищу». Разоряя церкви, татары уничтожили много книгъ и рукописей, хранившихся въ нихъ. Все, что не было вывезено изъ завѣтныхъ сокровищницъ Кремлевскихъ, и все, что было свезено туда изъ другихъ городовъ бѣжавшими жителями, искавшими защиты и сохранности посреди крѣпкихъ стѣнъ Кремлевскихъ,—*все было изрублено, сожжено* или расхищено.

Однакожъ, Тохтамышъ не долго звѣрствовалъ въ Москвѣ. Узнавъ, что великій князь Димитрій Іоанновичъ собралъ войско въ Костромѣ, а братъ его Владиміръ Андреевичъ [1]), извѣстный подъ названіемъ Храбраго, стоитъ недалеко съ большою силою, поджидая брата, разсудилъ скорѣе вернуться въ Орду.

Ужасное зрѣлище представлялось глазамъ великаго князя, когда по уходѣ Тохтамыша онъ вступилъ въ Москву. До 24,000 труповъ лежало на улицахъ и не менѣе того погибло, вѣроятно, въ пламени, потонуло въ рѣкѣ, спасаясь отъ непріятеля, или было уведено въ плѣнъ.

Стѣны Кремля остались, къ счастью, неповрежденными. Были невредимы и Флоровскія ворота—свидѣтели геройства Остея, москвитянъ и тѣхъ ужасныхъ звѣрствъ и опустошеній, которыя произвели татары вокругъ нихъ и въ самой Москвѣ!

Да, именно можно сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ.

---

[1]) Двоюродный.

Царь-Колоколъ.

Колоколъ этотъ имѣетъ свою, весьма любопытную, исторію, и поэтому мы поговоримъ о немъ подробнѣе.

У этого гиганта, у этого царя колокола, былъ свой дѣдъ и свой отецъ. Дѣдъ былъ отлитъ въ царствованіе Бориса Годунова, и о немъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о *смутномъ времени литвинъ Самуилъ Маскѣвичъ. Въ 1611 г.* онъ видѣлъ этотъ колоколъ висящимъ на деревянной башнѣ въ двѣ сажени вышиною. Онъ замѣчаетъ, что языкъ этого колокола раскачиваютъ 24 человѣка. Колоколъ, по свидѣтельству другого путешественника въ Россію, Олеарія, вѣсилъ 1086 пуд. Въ одинъ изъ пожаровъ, которые такъ часто опустошали Москву, колоколъ упалъ и разбился. Изъ обломковъ его, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, былъ вылитъ новый колоколъ, уже отецъ нашего царя-колокола. Новый колоколъ снова повѣсили на особенныхъ деревянныхъ подмосткахъ близъ колокольни Ивана Великаго, и вѣсу въ немъ было 8000 пуд., при чемъ онъ былъ отлитъ русскимъ молодымъ мастеромъ въ 1654 году. Но и этотъ колоколъ сдѣлался жертвою пожара въ 1701 г., и долго осколки его лежали въ Кремлѣ, возбуждая удивленіе и русскихъ, и иностранцевъ. Императрица Анна *Іоанновна, въ 1731 году, рѣшила возсоздать разбитый* колоколъ, но еще въ большемъ размѣрѣ, а именно въ 9000 пуд. Поручено было сыну знаменитаго фельдмаршала, Миниху, отыскать въ Парижѣ для сдѣланія плана колокола искуснаго мастера. Такой мастеръ отыскался въ лицѣ королевскаго механика Жерменя, который, однакожъ, принялъ за шутку предположеніе вылить колоколъ въ 9000 пуд. Но

за дѣло взялся русскій колокольный мастеръ Иванъ Ѳедоровъ Маторинъ. Чертежи были сдѣланы тоже русскими мастерами, и въ январѣ 1733 года работы въ Кремлѣ уже начались. Работа кипѣла на Ивановской площади, и работало 100 человѣкъ: каменщиковъ, печниковъ, кузнецовъ, плотниковъ и др. ремесленниковъ. Эти подготовительныя работы продолжались до осени 1734 года, и ими очень интересовалась Императрица, хотя самъ мастеръ Маторинъ и терпѣлъ большую нужду. Къ концу ноября 1734 года подготовительныя работы были окончены, и приступлено было къ растопкѣ мѣди: 26 ноября, въ 4 часа, послѣ молебна, затоплены были печи. Къ ночи мѣдь стала растапливаться, топилась до утра, и затѣмъ въ печи было добавлено олово и мѣдь. Все шло хорошо, но вдругъ, съ 28 на 29 число, въ 11 час. ночи, у двухъ печей мѣдь ушла подъ поды. Маторинъ съ товарищами рѣшили добавить мѣди. Съ разрѣшенія графа Салтыкова, тогдашняго главнокомандующаго Москвы, начали бросать въ печи старые колокола, олово, полушки, но мѣдь, въ концѣ-концовъ, прорвалась и въ остальныхъ печахъ. Маторинъ отводилъ мѣдь въ запасныя ямы, выкапывалъ новыя ямы, но отлитіе колокола не удалось. Въ довершеніе неудачи, загорѣлась еще деревянная машина надъ формою, и пожаръ чуть-было не принялъ большихъ размѣровъ. О несчастномъ событіи донесли Императрицѣ, которую неудача весьма опечалила. Но Маторинъ снова принялся за работу. Однакожъ, онъ вскорѣ умеръ, поручивъ дѣло сыну своему, Михайлѣ, который и раньше былъ его дѣятельнымъ помощникомъ. Въ это же время наблюденіе за литьемъ колокола было поручено князю Ивану Барятинскому. Въ ноябрѣ 1735 года все было опять готово къ литью колокола, и 23 ноября назначено было растопить печи. На этотъ разъ были приняты особыя мѣры предосторожности: изъ полиціи было вытребовано 400 человѣкъ команды съ пожарными трубами. По окончаніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ, коломенскій архіепископъ Веніаминъ обошелъ крестнымъ ходомъ всѣ постройки и печи, устроен-

ныя для литья колокола, и, отслуживъ молебенъ, самъ затопилъ первую печь.

25 ноября 1735 года литье царя-колокола совершилось благополучно, о чемъ и засвидѣтельствовано въ архивномъ дѣлѣ по этому поводу. На самомъ же колоколѣ была сдѣлана лишь краткая надпись: «Лилъ сей колоколъ россійскій мастеръ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Маторинъ съ сыномъ своимъ Михаиломъ Маторинымъ».—Въ надписи на царѣ-колоколѣ значится, что онъ вылитъ въ 1733 году, но это произошло отъ того, что форма для колокола была сдѣлана въ этомъ году.

Литье царя-колокола стоило, кромѣ матеріала, 62,000 рублей, и колоколъ далеко превзошелъ величиною и вѣсомъ всѣ существовавшіе и существующіе колокола въ мірѣ. Вѣсъ его равняется 12,327 пуд. и 19 ф., вышина его—19 фут. 3 д., окружность—60 фут. и д., толщина стѣнъ 2 фута.

Царь-колоколъ, послѣ своего отлитія, до весны 1737 г. находился въ родной своей ямѣ, покоясь на желѣзной рѣшеткѣ, утвержденной на двѣнадцати дубовыхъ сваяхъ, вбитыхъ въ землю. Надъ ямой находился деревянный сарай для прикрытія колокола. Весной упомянутаго года, 29 мая, въ Москвѣ сдѣлался страшный пожаръ, извѣстный подъ названіемъ Троицкаго. Распространяясь со страшною быстротою, пожаръ охватилъ и кремлевскія зданія. Загорѣлась, разумѣется, и деревянная постройка надъ ямою, въ которой стоялъ царь-колоколъ: въ яму начали падать горящія бревна. Сбѣжавшійся народъ, чтобы спасти колоколъ, за который боялись, что онъ расплавится, сталъ изо всѣхъ силъ заливать водою раскаленный металлъ. Огонь потушили, но за то испортили колоколъ: одинъ его край не выдержалъ рѣзкаго перехода отъ раскаленности къ охлажденію, и откололся. Это увидѣли когда стали расчищать яму.

Съ этого времени до 23 іюля мѣсяца 1836 года колоколъ находился въ землѣ, и о немъ сложились цѣлыя легенды. Заговорили, что царь-колоколъ состоитъ не только изъ мѣди и олова, но также частью изъ золота и се-

ребра, которое во время литья колокола, богатые люди изъ набожности бросали въ расплавленный металлъ. Дѣйствительно, по указанію «Горнаго Журнала» въ 1833 г., въ царѣ-колоколѣ есть небольшое количество серебра, но оно составило случайную примѣсь къ мѣди въ самыхъ рудахъ, изъ которыхъ выплавлялась мѣдь.—Разсказывали еще, что почти тогда же, когда случился Троицкій пожаръ въ Москвѣ и отъ царя-колокола откололся край, въ Петербургѣ раскололся младшій братъ царя-колокола, который былъ отлитъ одновременно съ нимъ въ 12 пудовъ и отданъ Императрицею Анною Іоанновною въ Петербургъ въ церковь Воскресенія Христова, что на Литейной. Потомъ разсказывали о какомъ-то чудакѣ-математикѣ, который хотѣлъ извлечь колоколъ изъ ямы, но неожиданно умеръ, не подѣлившись ни съ кѣмъ своимъ открытіемъ.

Впрочемъ, и само правительство неоднократно возбуждало вопросъ не только объ извлеченіи царь-колокола изъ ямы, но даже и объ исправленіи его. Хотѣли даже перелить его. Перелить его брался мастеръ Слизовъ, но расходы по перелитію оказались такъ велики (78,461 р. с.), что дѣло было отложено. Нѣкто архитекторъ Форстенбергъ, въ 1770 году, хотѣлъ впаять вышибленный край, но, не приведя въ исполненіе своего способа, умеръ отъ чумы. Императоръ Павелъ приказалъ - было передвинуть колоколъ на новое мѣсто, но предположеніе не было приведено въ исполненіе изъ опасенія сломать колоколъ. Въ 1815 году Императоръ Александръ Павловичъ поручилъ разслѣдовать вопросъ о поднятіи колокола инженеру Фабръ, но и на этотъ разъ дѣло ограничилось одними предположенія. Черезъ два года яму расчистили, застлали досками и обнесли перилами; сдѣлали даже лѣстницу, по которой можно было спускаться внизъ и осматривать внутренность колокола. Тутъ впервые были прочтены надписи о колоколѣ царя Алексѣя Михаиловича и о вылитіи самаго царя-колокола [1]). При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ рѣшено было извлечь колоколъ изъ ямы и поста-

[1]) При колоколѣ языкъ, длин. въ 17 фут., но онъ для колокола малъ.

вить на пьедесталъ. Это дѣло поручено было французскому инженеру Монферрану, строителю Александровской колонны, Исакіевскаго собора и другихъ грандіозныхъ зданій. Знаменитый инженеръ тотчасъ же приступилъ къ подготовительнымъ работамъ: земля, окружавшая колоколъ, была вынута, надъ ямой были возведены лѣса, вокругъ устроено 11 воротовъ и сдѣлана наклонная деревянная настилка отъ ямы до гранитнаго пьедестала, на которой надо было поставить колоколъ. 30 апрѣля 1836 года, утромъ, при громадномъ стеченіи народа, началось поднятіе колокола. Поднятіе это оказалось, однакожъ, неудачнымъ вслѣдствіе гнилости канатовъ, которые почти всѣ перелопались. Новое поднятіе было назначено на 23 іюля. На этотъ разъ поднятіе совершилось удачно: колоколъ былъ поднятъ въ 42 мин. 33 секъ. Къ 4 августу царь-колоколъ былъ окончательно утвержденъ на новомъ мѣстѣ, а затѣмъ на немъ былъ водруженъ шаръ съ крестомъ,—и колоколъ въ такомъ видѣ находится по настоящее время у подножья Ивана Великаго.

Надписей, находящихся на царѣ-колоколѣ, мы не выписываемъ: ихъ можетъ прочесть всякій созерцатель. Замѣтимъ только, въ заключеніе, что царю-колоколу было посвящено множество статей и стихотвореній. Величіемъ его увлекся даже одинъ французскій поэтъ и написалъ въ честь его восторженное стихотвореніе.

«Кто царь-колоколъ подыметъ»?—воскликнулъ и одинъ изъ нашихъ поэтовъ, полный восторга и удивленія передъ этимъ великаномъ русскаго Кремля, съ чѣмъ и согласится всякій русскій человѣкъ.

Потѣшный дворецъ.

Въ XVI столѣтіи между Троицкими и Боровицкими воротами, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь комендантскій домъ, находились поварни, медоварни, мыльни и малыя избушки, принадлежавшія къ домашнему царскому хозяйству. Въ сосѣдствѣ находились, сытный, кормовой и хлѣбенный дворцы, съ ихъ подвалами, погребами и ледниками, которыхъ насчитывалось болѣе тридцати. Потомъ, въ началѣ XVII вѣка, нѣкоторыя хозяйственныя постройки были или уничтожены, или перенесены въ другія мѣста, и здѣсь царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ построено зданіе, въ которомъ помѣщалась Потѣшная палата въ связи съ конюшеннымъ, или аргамачьимъ дворомъ. Царь Алексѣй Михаиловичъ, любившій, какъ извѣстно, охоту до страсти, построилъ на этомъ мѣстѣ Потѣшный дворецъ, главныя части котораго сохранились до нашего времени. Зданіе это было отдано царемъ тестю своему, отцу царицы Маріи Ильинишны, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому. Послѣ смерти тестя въ 1668 г. и первой супруги Алексѣя Михаиловича въ 1669 году, зданіе опять поступило въ дворцовое вѣдомство. Въ 1679 г. Потѣшный дворецъ, или Потѣшный дворъ, какъ стали называть его, былъ передѣланъ и увеличенъ пристройками деревянныхъ хоромъ и терема. Въ Потѣшномъ дворцѣ, какъ гласитъ преданіе, Петръ 1-й, подъ руководствомъ Зотова, получилъ свое первоначальное образованіе, а по кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича въ немъ жили сестры его, Софья и Екатерины Алексѣевны.—Въ началѣ текущаго столѣтія Потѣшный дворецъ передѣланъ для помѣщенія коменданта.—Стиль дворца старинный, смѣшанный. Верхній ярусъ

образуетъ теремъ, или вышку, съ византійскими арками. Цвѣтъ дворца зеленоватый. Въ 1809 году къ дворцу пристроены два каменныхъ корпуса, изъ коихъ одинъ выходитъ къ Троицкимъ воротамъ. Дворецъ этотъ находится на единственной въ Кремлѣ улицѣ—Александровской.

Поговоримъ теперь вкратцѣ, какъ начались въ этомъ дворцѣ потѣхи.

Потѣхи эти начались еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Въ его Потѣшной палатѣ, въ присутствіи его самого и его приближенныхъ, производилась, какъ повѣствуютъ современники, «смѣхотворная хитрость» скоморохами. Они давали небольшія, сочиненныя ими театральныя пьесы и кукольныя комедіи, которыя были издавна обычнымъ народнымъ увеселеніемъ въ Москвѣ. Русскія комедіанты ходили по улицамъ съ подвижными театрами и представляли посредствомъ куколъ различныя шутки. Для этого они закрывались кругомъ холстомъ, а надъ головами своими заставляли куколъ выдѣлывать разные фарсы [1]). Въ Потѣшной палатѣ хранилась разная потѣшная рухлядь, костюмы, музыкальные «стременты» [2]), цимбалы и органы. При этихъ палатахъ находились барахи—сказочники, домрачеи—пѣсенники [3]). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ извѣстны были бахари: Климъ Орефинъ, Петръ Сапоговъ, Богданъ Путята. Кромѣ того, при палатѣ находились шуты, гусельники и скрипотчики. Гусельникъ Любимъ Ивановъ получалъ жалованья въ годъ 16 руб. 38 коп. и полный нарядъ платья, что по тому времени составляло значительную сумму. Органы и цимбалы составляли необходимую принадлежность Потѣшной палаты, и при нихъ находились игрецы: Томила Михайловъ Бѣсовъ, Мелентій Степановъ и Андрей Андреевъ. Во время свадьбы Михаила Ѳеодоровича государя тѣшили скрипотчики: Богдашка Окатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка, да новокрещенный нѣмчинъ Арманка. Въ 1630 году часовыхъ

---

[1]) Олеарій.
[2]) Инструменты.
[3]) Домра—струнный инструментъ, на которомъ играли пальцами, какъ на гитарѣ.

дѣлъ мастера, голландцы: Ансъ Луцъ и Мелхартъ Луцъ привезли въ Москву органъ, въ которомъ они устроили соловья и кукушку, пѣвшихъ своими естественными голосами. Органъ этотъ былъ украшенъ рѣзьбой, расцвѣченъ золотомъ и разными красками, и купленъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ за 2,676 руб., да, кромѣ того, онъ давалъ этимъ голландцамъ за игру ихъ на органѣ два раза по 40 соболей и угощеніе. Луну поручено было выучить нашихъ мастеровъ дѣлать органы, и черезъ семь лѣтъ они стали дѣлать ихъ уже настолько удовлетворительно, что «стременты» ихъ сдѣлались съ тѣхъ поръ обыкновенной потѣхой въ Москвѣ и посылались въ подарокъ иноземнымъ восточнымъ государямъ. Такъ, посланъ былъ органъ московской работы Персидскому шаху.

Царь Алексѣй Михаиловичъ много облагородилъ эти потѣшныя представленія: при немъ начались уже настоящія пьесы, преимущественно мистеріи. Въ послѣдствіи времени, когда царь женился во второй разъ на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, во дворцѣ разныя забавы умножились, такъ какъ молодая царица была очень веселаго нрава. Царевна Софья, дочь Алек. Мих. отъ перваго брака, набрала изъ окружавшихъ ее дѣвицъ и царедворцевъ труппу и играла съ ними на сценѣ довольно часто. Театральныя потѣхи продолжались во дворцѣ до временъ Петра I, который приказалъ построить для нихъ отдѣльную «комедіальную храмину» на Красной площади. Между прочимъ, въ Потѣшномъ дворцѣ проживали и переводчики изъ посольскаго приказа, которые переводили для царя «куранты» [1]).

Не безъинтересно замѣтить, чѣмъ сдѣлался Потѣшный дворецъ, когда тамъ прекратились театральныя представленія.

Общественное спокойствіе и личная безопасность, охраненіе собственности отъ воровъ и мошенниковъ, порядокъ и тишина Москвы въ концѣ XVII столѣтія были ввѣрены попеченію и наблюденію стрѣльцовъ. Тогдашнее полицей-

[1]) Т. е. Иностранныя вѣдомости.

ское управленіе не имѣло еще никакой правильной организаціи. Ночью берегли городъ отъ пожара, воровъ и разбойниковъ «рѣшеточные» сторожа и «воротники». Первые выбирались изъ посадскихъ, слободскихъ, дворовыхъ людей и церковнослужителей. Рѣшетники караулили при рѣшеткахъ, которыя ставились на ночь на большихъ улицахъ, въ переулкахъ, на перекресткахъ. Воротники — у городскихъ воротъ, большею частью были стрѣльцы. Съ закатомъ солнца ударялъ въ Кремлѣ колоколъ, наступали по тогдашнему часы ночи, ворота запирались по Кремлю, по Китаю и Бѣлому съ Земляянымъ городомъ. Днемъ по всему городу ходили караульные стрѣльцы и исполняли полицейскія уличныя обязанности, прибѣгали на помощь кричавшимъ «караулъ», ловили воровъ, брали пьяныхъ, наблюдали за корчемствомъ табаку и вина. Въ Кремлѣ учреждены были изъ стрѣльцовъ постоянные караулы, какъ съ самомъ дворцѣ, такъ и у воротъ на площадяхъ. Эти караулы зависѣли отъ главнаго караула на Красномъ крыльцѣ, при которомъ находился всегда дежурный стрѣлецкій голова. Пойманные и виновные судились въ Стрѣлецкомъ приказѣ.

Таковъ былъ порядокъ, къ тому времени, когда Петръ I-й принялся за устройство своего государства. Вліяніе стрѣльцовъ на народъ при такомъ порядкѣ было громадно, и этимъ вліяніемъ можно объяснить легкость народныхъ безпорядковъ и возмущеній въ Москвѣ въ описываемое время. При всякомъ народномъ безпорядкѣ стрѣльцы были во главѣ, ловили, какъ говорится, рыбу въ мутной водѣ, грабили, разбойничали, убивали «противныхъ» имъ людей. Послѣ бунта 1682 г. они стихли наружно, но въ массѣ неудовольствіе на Петра и на его новые порядки не умолкало и поддерживалось стрѣльцами. Понятно, что Петръ не любилъ стрѣльцовъ, понимая весь вредъ, приносимый ими народу и народному спокойствію. Но до 1597 года онъ оставлялъ все въ прежнемъ порядкѣ. Въ этомъ же году заговоръ Циклера и Соковнина, полагавшихъ свои надежды на содѣйствіе стрѣльцовъ, побудилъ Петра уничтожить окончательно вліяніе стрѣльцовъ. Окончивъ дѣло

заговорщиковъ казнями и ссылками, Петръ, отъѣзжая за границу, поручилъ Москву и наблюденіе за тишиной и безопасностью столицы ближнему стольнику князю Ѳедору Ромодановскому, главному начальнику отборныхъ солдатскихъ полковъ: Преображенскаго и Семеновскаго. 10 марта, того же года царь уѣхалъ за границу, но наканунѣ уже, 9 марта, князь Ромодановскій принялъ въ свое завѣдываніе полицейское управленіе столицы. Стрѣльцы были устранены отъ всѣхъ карауловъ: ихъ замѣнили Преображенцы и Семеновцы. Полицейскій судъ и расправа отъ Стрѣлецкаго приказа перешли на Потѣшный дворецъ, гдѣ князь Ромодановскій и началъ свою дѣятельность.

Такимъ образомъ, Потѣшный дворецъ на долгое время превратился въ палату полицейскаго суда и расправы.

Грановитая Палата и Красное крыльцо.

Грановитая Палата находится между Успенскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, примыкая западной своей стороной къ Императорскому дворцу [1]). Построена она по повелѣнію велик. князя Іоанна III; началъ ее строить въ 1473 году Маркъ Фрязинъ, а кончилъ уже въ 1490 году Петръ Фрязинъ. Названіе Грановитой она получила потому, что наружность ея вся покрыта выдавшимися гранями (четверогранниками).

Вступая въ Грановитую Палату, посѣтитель невольно проникается чувствомъ благоговѣнія при видѣ столь величественной обстановки. Тутъ сверху до низу все величественно. Посреди Палаты находится четырехъ-сторонная колонна, поддерживающая своды; она украшена лѣпными изображеніями птицъ, звѣрей и разныхъ животныхъ подъ золотомъ, и бронзовая, вызолоченная рѣшетка, на которой въ нѣсколько рядовъ придѣланы подсвѣчники. Налѣво отъ входа устроено на трехъ скамейкахъ мѣсто для музыкантовъ. Направо, подъ богатымъ бархатнымъ балдахиномъ, находится царскій тронъ на четырехъ ступеняхъ [2]). Подборы балдахина обшиты золотою бахромою и украшены висящими на шнурахъ кистями. Вообще же, вся Палата обита темно-

---

[1]) Палатами назывались государевы чертоги и судебныя мѣста, а также и вообще каменныя зданія. Такъ, напр., палата столовая, отвѣтная, расправная, золотая и др.—Гр. Палата носила еще назв. Большой золотой.

[2]) На тронѣ стоятъ теперь богатыя кресла новой формы, но съ 1682 по 1706 г. стоялъ на этомъ мѣстѣ тронъ царей Іоанна и Петра, находящійся теперь въ Оружейной Палатѣ.

малиновымъ бархатомъ. На простѣнкахъ между окнами [1]) расположены бронзовые, вызолоченные гербы, по три въ каждомъ простѣнкѣ. Въ самомъ верху, противъ трона, находится полукруглое отверстіе, занавѣшенное бархатомъ, называемое «тайникомъ». Мѣсто это было сдѣлано для царицъ и царевенъ, которыя могли отсюда скрытно смотрѣть на торжественные пріемы пословъ и другіе обряды. Такимъ способомъ, удовлетворяя своему любопытству, онѣ не нарушали древняго обыкновенія, по которому женщинамъ не подобало присутствовать открыто при мужскихъ бесѣдахъ. По увѣреніямъ другихъ, этотъ тайникъ устроила властолюбивая царевна Софія, чтобы наблюдать изъ него за дѣлами братьевъ Іоанна и Петра.

Грановитая Палата, подобно нынѣшней Тронной залѣ во дворцѣ, назначалась для пріема пословъ и для важныхъ государственныхъ совѣщаній, или торжественныхъ представленій чиновниковъ Государямъ.

Два торжества, совершившіяся въ этой Палатѣ, обращаютъ на себя особенное вниманіе.

Въ этой палатѣ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный торжествовалъ покореніе Казани [2]). Цѣлыхъ три дня онъ здѣсь пышно угощалъ своихъ сподвижниковъ, пословъ и приближенныхъ бояръ. На одни вознагражденія было издержано болѣе 400 пуд. серебра [3]).

Но еще болѣе великолѣпный видъ представляла эта Палата, когда царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ принималъ здѣсь Датскаго принца Іоанна, за котораго онъ прочилъ дочь свою Ксенію. Смерть принца разбила надежды Годунова. Годуновъ удивилъ тогда иностранцевъ пышностью своего двора и щедростью подарковъ. Въ первый же день прибытія принца въ Москву, для угощенія къ нему былъ посланъ царскій столъ на ста большихъ золотыхъ блюдахъ, покрытыхъ такими же блюдами и кромѣ того до сотни золотыхъ кубковъ, чашъ и стопъ съ напитками. Во время

---

[1]) Оконъ всего 6. Онѣ на 1 саж. отъ пола.

[2]) Въ 1552 году.

[3]) Награждала въ этой палатѣ своихъ полководцевъ и Императрица Екатерина II-я по случаю Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, 16 іюля 1774 г.

пріема принца въ Грановитой Палатѣ, самъ царь и царевичъ стояли подъ богатымъ балдахиномъ въ пурпуроваго цвѣта бархатныхъ порфирахъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. На головѣ Годунова была богатая корона, а на оплечьяхъ блистали тоже дорогіе каменья. Послѣ взаимныхъ дружественныхъ привѣтствій, они отправились къ столу, приготовленному въ Грановитой Палатѣ, гдѣ стояли царскія кресла, сдѣланныя изъ золота, а передъ ними поставленъ былъ столъ изъ серебра съ позолоченнымъ подножіемъ. Надъ столомъ висѣла корона, въ которой были боевые часы. Средній столпъ въ Грановитой Палатѣ сверху до низу былъ обставленъ золотыми и серебряными кубками, большими чашами и разною посудою. Кушанья изготовлено было на 200 блюдъ. Въ Пріемной палатѣ устроены были также огромныя пирамиды изъ разныхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ. Входъ стерегли офицеры, обмундированные по иностранному образцу, а по сторонамъ трона стояли рынды, не смѣвшіе шевельнуться въ продолженіе всего обѣда.

Входъ въ Грановитую Палату черезъ Красное крыльцо направо (налѣво—входъ во дворецъ). Дверь ведетъ въ св. сѣни, къ которымъ и примыкаетъ Грановитая Палата [1]). Въ сѣняхъ также все напоминаетъ почтенную древность: небольшія окна, украшенныя фигурными карнизами, своды, сдѣланные стрѣлками, карнизы дверей и, наконецъ, писанные по накладному золоту на стѣнѣ образа: Спасителя и по бокамъ Его Матери Божіей и Іоанна Предтечи—на правой сторонѣ, а прямо предъ входомъ—кончина Императора Константина.

Остановимся теперь на самомъ Красномъ крыльцѣ [2]).

Это крыльцо имѣетъ историческое значеніе. На его сту-

---

[1]) Названіе „сѣни“ происходитъ отъ славянскаго слова „сѣнь“, часто употребляемаго въ свящ. Писаніи и означающаго „кровъ“, или мѣсто предъ домомъ, покрытое кровлею.

[2]) Названіе „Красное“, данное крыльцу, есть, конечно, по древнему значенію этого слова, „хорошее“, что согласуется и съ красивой формою самаго крыльца. Извѣстно, что среди народа „красный, красное“, всегда значитъ „хорошій, хорошее“. Такъ, напр., говорится: красная дѣвица, красное окно и проч. т. под.

пеняхъ стаивали наши Государи, когда народъ собирался поглядѣть на нихъ и поклониться имъ. Здѣсь, въ ясные лѣтніе дни, игрывали дѣти царскія и сами цари, отслушавъ вечерню, бесѣдовали съ митрополитомъ и ближними боярами. Здѣсь же Государи наши, начиная отъ Іоанна III-го и до нашихъ временъ, шествовали въ Успенскій соборъ для священнаго обряда коронованія. Здѣсь, наконецъ, совершались и мрачныя сцены мятежей, о которыхъ распространяться считаемъ излишнимъ, и находился издавна караулъ, охранявшій весь Кремль. Теперь у Краснаго крыльца, подъ Грановитой *Палатой*, *гауптвахта*.

Въ заключеніе скажемъ, что русскіе Государи, по совершеніи обряда коронованія и обойдя Кремлевскіе соборы, входили по Красному крыльцу въ Грановитую палату, гдѣ для нихъ приготовляется особый царскій обѣдъ въ присутствіи высшихъ чиновъ государства. Послѣ этого обѣда цари удаляются во дворецъ [1]).

---

[1]) Надо замѣтить, что до Петра Грановитая Палата удерживала свой первоначальный видъ, но затѣмъ, позднѣе, внутренній видъ ея измѣнился къ худшему. Въ 1880 году было приступлено къ возстановленію Палаты въ первоначальный видъ. При передѣлкѣ стѣнъ открыты слѣды пожаровъ и исправленій. Теперь стѣнопись исполнена русскими иконописцами крестьянами с. Палеха, Владимірской губ., братьями Бѣлоусовыми.

Патріаршій домъ [1]).

Патріаршій домъ есть созданіе патріарха Никона. Онъ воздвигъ его въ 1655 году, въ то время, когда царь Алексѣй Михайловичъ находился въ походѣ противъ поляковъ и овладѣлъ Вильною. Когда царь возвратился изъ похода, то въ немъ Никонъ уже встрѣчалъ царя побѣдителя, и царь принималъ его благословеніе. Домъ построенъ въ три яруса съ вышкою, и въ немъ съ 1639 г. помѣщалась Греко-Латино-Славянская школа (въ части дома, существовавшей ранѣе). Никонъ же устроилъ въ этомъ домѣ и Крестовую палату, въ которой, со временъ Екатерины II-й, находится Мироварная. Въ этой Палатѣ патріархи встрѣчали всегда царя, сюда приходилъ царь въ день своего тезоименитства съ именинным пирогомъ, и въ ней же, строитель ея, Никонъ, предсталъ на судъ Вселенскихъ патріарховъ. Рядомъ съ Палатою находится церковь 12-ти Апостоловъ, описаніе которой сдѣлано выше, и съ ними же рядомъ—Патріаршая или Синодальная библіотека, богатѣйшее книгохранилище, одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ драгоцѣнностей, составлявшееся въ теченіе столѣтій царями, патріархами и митрополитами. До великаго князя Іоанна Васильевича III собраніе книгъ и рукописей было не особенно значительно и составляло собственность митрополитовъ, слѣдовательно—частную, а не государ-

---

1) Нынѣ Синодальный. Находится возлѣ Успенскаго собора на сѣверной сторонѣ его. Московская контора Святѣйшаго Синода.

ственную. Со времени же Іоанна III-го сами цари начали пополнять библіотеку драгоцѣнными вкладами книгъ и рукописей. Бракъ вел. кн. Іоанна III-го имѣлъ важныя послѣдствія въ этомъ отношеніи. Во-первыхъ, онъ открылъ намъ доступъ къ европейскому образованію: многіе греки и итальянцы, пріѣхавшіе съ царевной Софіей, были полезны намъ своими знаніями, а за ними стали пріѣзжать и другіе иноземцы. Во-вторыхъ, греки привезли съ собою много церковныхъ книгъ, спасенныхъ отъ турокъ. Хорошо воспитанный своею матерью Софіею, вел. кн. Василій Іоанновичъ нашелъ уже нужнымъ вызвать съ Аѳонской горы искуснаго въ грамотѣ и годнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ церковныхъ и такъ-называемыхъ эллинскихъ, инока Максима Грека. Ученый Грекъ, воспитывавшійся въ итал. университетахъ, пріѣхалъ въ Москву въ 1518 году, и ему немедленно порученъ былъ переводъ съ греческаго церковныхъ книгъ и рукописей, хранившихся съ пріѣзда Софіи въ московской великокняжеской библіотекѣ, а равно и исправленіе богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ грубыми ошибками, вкравшимися при переписываніи. Зная основательно греческій и латинскій языки, Максимъ только на пути въ Москву сталъ изучать славяно-русскій. Поэтому вначалѣ онъ переводилъ съ греческаго на латинскій, а съ латинскаго на славянскій переводили двое русскихъ переводчиковъ: Дмитрій и Власій. Впослѣдствіи же онъ самъ переводилъ уже прямо на славянскій языкъ. Максимъ Грекъ много потрудился на пользу русскаго просвѣщенія: дѣлалъ переводы, исправлялъ книги, боролся съ различными суевѣріями и вооружался противъ страсти къ астрологіи, особенно развившейся у насъ въ его время. Онъ говорилъ, что все устраивается Промысломъ Божіимъ, а не звѣздами или колесомъ фортуны. Онъ писалъ очень много богословскихъ и философскихъ сочиненій, которыя, въ количествѣ 134 рукописей, хранятся въ библіотекѣ Троицкой лавры. Изъ сочиненій его особенно замѣчательно «Исповѣданіе вѣры». Пріѣхавъ въ Москву и увидавъ великокняжескую библіотеку, онъ воскликнулъ: «Я не видывалъ подобнаго собранія сокровищъ ни во

Франціи, ни въ Германіи, ни въ Греціи! [1])». Максимъ Грекъ положилъ, можно сказать, начало къ приведенію въ порядокъ нашей знаменитой патріаршей библіотеки.— Патріархъ Никонъ еще болѣе способствовалъ умноженію этого книгохранилища. По совѣту Епифанія Славинецкаго [2]), Никонъ отправилъ въ 1654 году ученаго монаха Арсенія Суханова на Востокъ для отысканія греческихъ и славянскихъ «древлеписанныхъ» книгъ. Арсеній Сухановъ возвратился въ январѣ 1655 г. съ 500 рукописей. Такимъ образомъ, библіотека возросла до грандіозныхъ размѣровъ, и—скажемъ безъ преувеличенія—какихъ истинно рѣдкостей не увидитъ здѣсь ученый наблюдатель! Среди глубокоученыхъ книгъ и рукописей, доступныхъ только ученымъ знатокамъ и археологамъ, есть здѣсь вещи понятныя и обыкновеннымъ смертнымъ. Въ библіотекѣ хранятся Евангеліе XII вѣка, очень четко написанное, литургія Василія Великаго, писанная на свиткѣ, листовой Псалтирь, переведенный Максимомъ Грекомъ [3]), Житіе св. Отцовъ, собранное и переписанное рукою митрополита Макарія во времена Іоанна Грознаго. Обращаетъ на себя вниманіе и Евангеліе, прекрасно написанное рукою царевны Татьяны Михаиловны, въ листъ, въ которомъ буквы болѣе $^1/_4$ вершка. Здѣсь, между прочимъ, хранятся и собственноручныя письма царя Ѳеодора Алексѣевича къ патріарху Іоакиму, и собственноручныя письма Петра I-го къ патріарху Адріану, и множество другихъ рукописей, книгъ, крестовъ, образовъ, утвари и проч. Между ними все-таки укажемъ на знаменитый *Святославовъ Изборникъ* [4]), *Кормчую Книгу* [5])

---

[1]) Впослѣдствіи Максимъ Грекъ былъ оклеветанъ передъ вел. кн. и сосланъ въ Волоколамскій монастырь. Освобожденный въ 1551 г., обличалъ на соборѣ еретиковъ и умеръ въ 1556 г.

[2]) См. выше статью „Чудовъ монастырь“.

[3]) Рукопись 1692 года.

[4]) Сборникъ этотъ содержитъ въ себѣ отрывки изъ сочиненій разныхъ Отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства. Онъ написанъ былъ въ 1073 году для вел. кн. Святослава Ярославича. Эта драгоцѣнная рукопись украшена искусными заставками и рисунками святыхъ. На первомъ листѣ изображенъ вел. кн. Святославъ Ярославичъ съ семействомъ въ древнемъ русскомъ костюмѣ.

[5]) Кормчая Книга, или Номоканонъ, есть собраніе правилъ, постановленій и узаконеній церковныхъ.

XV и XVI стол. и на *Харатейную рукопись* X в. съ 24 рисунками, служащими драгоцѣннымъ сокровищемъ для иконописцевъ. Между прочимъ, въ библіотекѣ хранится 511 греческихъ и 1008 славянскихъ грамотъ и разныхъ письменныхъ актовъ.

Патріаршая ризница (находится надъ церковью 12-ти Апостоловъ) есть одна изъ богатѣйшихъ во всей Россіи и ей подобная едва ли существуетъ. Она заключаетъ въ себѣ большое количество столовой утвари, домашней одежды всероссійскихъ патріарховъ, 27 клобуковъ, 31 панагію, 79 митръ и мн. др. замѣчательныхъ вещей [1]). Вотъ между прочимъ, краткій перечень особенныхъ достопримѣчательностей: Саккосъ [2]) митрополита Діонисія, въ коемъ вѣсу

---

[1]) *Клобукъ* означаетъ, вообще, покрывало, носимое на головѣ монашествующими. Въ древности, какъ и нынѣ, клобуки дѣлались изъ ткани чернаго цвѣта. Ношеніе бѣлыхъ клобуковъ было присвоено греческимъ патріархамъ. Въ древней русской Церкви ношеніе бѣлаго клобука узаконено было только митрополитамъ всероссійскимъ и архіепископамъ новгородскимъ. Во времена всероссійскихъ патріарховъ, бѣлые клобуки носили только сами патріархи и митрополиты, впрочемъ, съ нѣкоторыми различіями. Напереди клобуковъ патріаршихъ нашивался крестъ, или херувимъ, или другое священное изображеніе, а на верху ихъ водружался крестъ.—*Панагія* значитъ Всесвятая. Это наименованіе принадлежитъ Божіей Матери. Въ древней Церкви была приносима особая просфора, или хлѣбъ, въ честь Божіей Матери, который клался въ особый ковчежецъ. Въ древнихъ обителяхъ во время трапезы настоятели возлагали его на себя и возносили, въ воспоминаніе явленія Божіей Матери Апостоламъ, послѣ вознесенія Ея на небо. Поэтому самый ковчежецъ, въ который клался хлѣбъ, назывался панагіаромъ. По примѣру древнихъ настоятелей, устрояли себѣ такіе же панагіары и архіереи. Отсюда получали свое начало нынѣшнія панагіи. Въ отличіе отъ панагій трапезныхъ, или древнихъ панагіаровъ, нынѣшнія панагіи называются наперстными. Патріаршія панагіи ничѣмъ особенно не отличаются отъ панагій другихъ архіереевъ; только патріархи имѣли право носить двѣ панагіи.—*Митра* означаетъ головную повязку, или терновый вѣнецъ Спасителя. Обычай носить митры былъ еще въ ветхозавѣтной Церкви. Первосвященники носили на головѣ особаго рода повязки. Въ новозавѣтныя времена Апостолы Іаковъ и Іоаннъ носили, по преданію, золотыя повязки. Въ церкви носить митры усвоено архіереямъ, архимандритамъ и нѣкоторымъ знатнѣйшимъ протоіереямъ. Митры патріарховъ, какъ греческихъ, такъ и русскихъ, имѣли ту особенность, что на верху митры водружался крестъ. Впрочемъ, право носить митру съ крестомъ, кромѣ патріарховъ, съ давняго времени, принадлежало въ Кіевѣ и въ другихъ югозападныхъ епархіяхъ митрополитамъ, епископамъ и даже архимандритамъ, которые и теперь носятъ тамъ такія митры.

[2]) *Саккосъ* означаетъ вретище. Эту одежду въ древней церкви носили кающіеся. Когда саккосъ принятъ былъ церковію въ число священныхъ облаченій, неизвѣстно. Въ одной греческой церкви саккосъ былъ принадлежностію однихъ патріарховъ. Онъ давался нѣкоторымъ архіереямъ, какъ награда. Въ Россіи саккосъ принадлежалъ только патріархамъ; впослѣдствіи онъ сдѣлался принадлежностію всѣхъ архіереевъ.

$1^1/_2$ пуда, два саккоса митрополита Фотія, на одномъ изъ коихъ нанизано до 70,000 жемчужныхъ зеренъ [1]), на поляхъ второго вышитъ золотомъ символъ православной вѣры. Перстосложеніе на саккосѣ въ двухъ видахъ: двуперстное и именословное. Этимъ саккосомъ руководствовался Никонъ при исправленіи символа вѣры въ книгахъ, а патріархъ Іоакимъ доказывалъ, что нѣтъ въ символѣ слова «истиннаго», котораго держатся старообрядцы. Епитрахиль митрополита Фотія составляетъ рѣдкій памятникъ греческаго искусства [2]). Древнѣйшій изъ омофоровъ приписывается св. Николаю Чудотворцу или же его современнику, Александру, епископу Александрійскому, бывшему на 1-мъ Вселенскомъ соборѣ, въ Никеѣ [3]). Эту древность привезъ съ собою изъ Никеи въ Москву Григорій, митрополитъ Никейскій, въ даръ царю Алексѣю Михаиловичу въ 1654 г. Григорій нашелъ его въ ризницѣ своей митрополіи. Мѣдный перстень съ синимъ стекломъ, на которомъ вырѣзанъ драконъ,—подарокъ хана Чанибека св. Алексію за чудесное излеченіе въ 1357 г. жены его Тайдулы. Саккосъ св. Петра митрополита, сдѣланный въ 1322 году, и есть древнѣйшій изъ всѣхъ митрополитскихъ украшеній. Посохъ и часы патріарха Филарета, два посоха патріарха Никона [4]); его же четки изъ бѣлой рыбьей

---

[1]) Онъ привезенъ имъ изъ Константинополя въ 1409 г.

[2]) *Епитрахиль* есть такая одежда, которую носятъ на себѣ архіереи и священники. Діаконъ носитъ орарь во время священнослуженія на одномъ плечѣ, а священникъ носитъ его на шеѣ сложенномъ вдвое, и на томъ и на другомъ плечѣ, для означенія ига вящшаго, и въ знаменіе большой благодати Божіей, сообщаемой священнику. Епитрахили употребляются всѣми патріархами, епископами и священниками.

[3]) *Омофоръ* представляетъ собою длинный, широкій плащъ, употребляемый архіереями во время священнослуженія. Употребленіе омофора въ христіанской церкви восходитъ ко временамъ апостольскимъ. По преданію, апостолы Петръ и Маркъ носили омофоры. Въ древности омофоръ дѣлался изъ агничьей волны и служилъ символомъ той заблудшей овцы, которую Іисусъ Христосъ, по Евангелію, обрѣлъ и взялъ на рамена Свои. Омофоръ, впослѣдствіи времени, началъ устрояться изъ разныхъ тканей съ крестами и другими священными изображеніями. Омофоръ, употреблявшійся всероссійскими патріархами, ничѣмъ особенно не отличался отъ омофора другихъ архіереевъ.

[4]) *Посохъ*, или жезлъ патріаршій, въ греческой Церкви называется патерисса, въ знакъ отеческаго управленія паствою, такъ-какъ имя патріархъ означаетъ отца. Вообще, посохи и жезлы архіерейскіе представляютъ собою

кости, съ золотою, украшенною жемчугомъ, кистью [1]). Тутъ же хранятся и сосуды для мvроваренія, совершающагося въ извѣстное время въ Крестовой патріаршей Палатѣ, которая находится рядомъ съ церковью 12-ти Апостоловъ. 1. Два котла серебряные, вызолоченые. Въ первомъ изъ нихъ вѣсу 5 пуд., 28 фунт., 12 зол., золота употреблено на позолоту 4 ф. Во второмъ—5 пуд., 21 ф., 27 зол., на позолоту употреблено золота 3 ф., $17^1/_2$ зол. Оба эти котла употребляются для варенія мvро. 2. Большая кадь серебряная, вызолоченная, для сливанія св. мvро. Въ ней вѣсу 8 пуд., 19 фунт., 71 зол., золота употреблено на позолоту 6 фунт., $36^1/_2$ золот. Къ этой кади принадлежитъ серебряная же позолоченная крышка, въ которой вѣсу 2 пуд., 35 фунт., 31 зол., а золота употреблено на позолоту 4 фунт., 4 зол. На этой крышкѣ изображенъ Самуилъ, помазующій на царство Саула. Всѣ эти сосуды есть даръ Императрицы Екатерины II, въ 1767 г., о чемъ свидѣтельствуютъ надписи на сосудахъ.

Этотъ краткій обзоръ патріаршей ризницы позволимъ себѣ закончить тоже краткимъ разсказомъ объ обрядѣ св. мvроваренія, заслуживающемъ тѣмъ болѣе вниманія что св. мvро употребляется въ таинствѣ мvропомазанія, совершаемомъ надъ каждымъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ православной Греко-восточной Каѳолической церкви, тотчасъ по крещеніи. Имъ же помазуются наши Благочестивѣйшіе Монархи при вѣнчаніи ихъ на царство.

Св. мvро въ ветхозавѣтной Церкви, т.-е. до Рождества Христова, которымъ помазывались Первосвященники, Пророки и Царп, приготовлялось изъ нѣсколькихъ благовонныхъ смолъ, травъ и маслъ. Нынѣ, по чиноположенію православной Церкви, составъ св. мvро гораздо сложнѣе и разнообразнѣе. Вотъ входящія въ составъ св. мvро вещества: елей, бѣлое виноградное вино, стиракса, ладаны: росной, простой бѣлый и черный,—мастика, сандаракъ,

длинныя деревянныя или металлическія палки съ поперечниками наверху, въ видѣ змѣиныхъ главъ, въ знакъ змѣиной мудрости, какую долженъ имѣть святитель.

[1]) *Четки* - это принадлежность иноковъ. Онѣ означаютъ непрестанную молитву, которую должны всегда имѣть иноки.

розовые цвѣты, базилика, корни: фіалковый бѣлый, имбирный, ирный, калганный, кардамонный, масло мушкатное густое, бальзамъ перувіанскій, терпентинъ венеціанскій, благовонныя масла: бергамотовое, лимонное, лавендуловое, гвоздичное, богородской травы, размаринное, лигнородійское, розовое, коричневое, маіоранное, померанцевое и мушкатное жидкое.

Съ четвертой недѣли Великаго Поста начинается предварительное приготовленіе означеннаго состава для св. мvро; съ понедѣльника же Страстной седмицы происходитъ торжественное мvроваренiе, какъ мы уже сказали, въ Крестовой палатѣ. На устроенномъ нарочно для этого каменномъ очагѣ, подъ деревянною сѣнію, становятся упомянутые выше серебряные котлы, а составныя части мvро на ступеняхъ деревянной пирамиды. Митрополитъ или другой архіерей со старшимъ духовенствомъ совершаетъ прежде всего водоосвященіе и кропитъ св. водою все приготовленное для мvроваренія, какъ-то: сосуды и благовонныя вещества. Затѣмъ вещества тѣ вливаются въ котлы, архіерей самъ возжигаетъ огонь подъ котлами, а діаконы въ облаченіяхъ промѣшиваютъ вливаемый составъ. Надъ приготовляемымъ такимъ образомъ св. мvромъ въ теченіе трехъ дней священники безпрестанно читаютъ Евангеліе. Вечеромъ, въ Великую Среду, св. мvро, совсѣмъ уже готовое, разливается по сосудамъ особенной формы и оставляется на мѣстѣ до Великаго Четвертка, въ который архіерей, въ полномъ облаченіи, съ крестнымъ ходомъ (при пѣніи: (Благословенъ еси Христе Боже нашъ) отправляется, при звонѣ колоколовъ, изъ Успенскаго собора въ Крестовую палату за приготовленнымъ св. мvромъ, взявъ которое вмѣстѣ съ преждеосвященнымъ св. мvромъ, хранящимся въ особомъ сосудѣ, называемымъ алевастръ [1]), священники несутъ его въ соборный алтарь и становятъ вокругъ жертвенника. Во время Великаго выхода на литургіи предъ св. Дарами несутъ священники сосуды со

[1]) Алевастръ—мѣдный, покрытый перламутровою чешуею, сосудъ. По преданію онъ привезенъ изъ Константинополя въ Кіевъ къ св. Владиміру въ первые вѣка нашего христіанства. Въ немъ хранится древнее мvро.

св. мvромъ изъ алтаря въ Царскія двери и ставятъ по сторонамъ престола. Алевастръ же принимаетъ въ свои руки архіерей или митрополитъ въ Царскихъ дверяхъ. Послѣ возгласа: «И да будутъ милости Великаго Бога», въ алтарѣ совершается дѣйствіе освященія св. мvро, при чемъ въ составъ новаго св. мvро прибавляется нѣсколько капель изъ алевастра, который пополняется всегда новымъ, дабы источникъ никогда не изсякалъ. Когда же кончится литургія, освященное св. мvро относится съ таковою же церемоніею обратно въ Патріаршую ризницу, откуда потомъ и разсылается по требованію архіереевъ [1]).

---

[1]) Мvроваренiе совершается еще въ г. Кіевѣ.

Арсеналъ.

Все мѣсто, занимаемое теперь Арсеналомъ, до 1702 года было застроено частными домами, сахарнымъ заводомъ, церковью Входа въ Іерусалимъ и стрѣлецкимъ дворомъ Лыкова, извѣстнымъ тѣмъ, что изъ него тайно были посланы стрѣльцы въ Преображенскій дворецъ, чтобы умертвить Петра. Указомъ 1701 года всѣ эти постройки повелѣно было сломать и на мѣстѣ ихъ воздвигнуть Оружейный домъ. Постройка этого дома, подъ названіемъ Цейхауза, начата въ 1702 г. по рисункамъ саксонца Конради, но окончена только при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1736 году, а внутренняя отдѣлка продожалась до конца прошлаго столѣтія. Между прочимъ, послѣ пожара 1737 г. его возобновлялъ архитекторъ Ухтомскій (въ 1754).

Цѣлью основанія Арсенала было заготовленіе на всю армію двойной пропорціи оружія и аммуниціи. 200,000-ная армія пѣхоты и кавалеріи можетъ облечься здѣсь съ головы до ногъ во всеоружіи и выйти подъ новыми знаменами въ поле. Устройство и порядокъ расположенія необозримаго количества аммуниціи и оружія не имѣютъ себѣ подобныхъ. Кромѣ того, въ Арсеналѣ хранятся: знамя Петра Великаго, знамя и пищали Пугачева и мн. др. вещей воинскаго вооруженія. Вдоль же наружныхъ стѣнъ Арсенала на базахъ, разставлены трофеи 1812 года — пушки. Ихъ всѣхъ 875, и принадлежали онѣ, кромѣ французовъ, двѣнадцати народностямъ.

Въ 1812 году Арсеналъ былъ взорванъ по приказанію Наполеона, но при императорѣ Николаѣ Павловичѣ онъ снова возобновленъ.

Оружейная Палата.

«Большая казна» [1]) была искони завѣтной святыней, хранилищемъ сокровищъ и богатствъ русскихъ государей; сокровища состояли изъ серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ, мѣховъ и другихъ цѣнныхъ вещей.

Со временъ Іоанна Васильевича III, богатство котораго сильно возросло по присоединеніи Новгорода и Пскова, Большая казна помѣщалась между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами и называлась со всѣми своими принадлежностями Казеннымъ Дворомъ. Хранителями сокровищъ Большой казны были, обыкновенно, бояре-казначеи и при нихъ дьяки.

Къ Казенному Двору принадлежали: а) Собственно Оружейная Палата, состоявшая подъ управленіемъ боярина-оружничаго; б) Конюшенный Приказъ, гдѣ хранились царскіе экипажи и драгоцѣнная сбруя, подъ вѣдѣніемъ боярина-конюшаго; в) Запасный дворъ, гдѣ все хранилось до надлежащаго распредѣленія и особеннаго требованія.

Для Казеннаго Двора все — оружіе, украшенія, сосуды и проч. предметы, постоянно производились въ царскихъ мастерскихъ, коими завѣдывала «Государева мастерская палата», а по производству работъ для царицы и царевенъ «Царицына мастерская палата». При этомъ надо за-

---

[1]) „Большою казной“ называлось всякое зданіе, гдѣ хранились преимущественно всякаго рода дорогія вещи князей и царей.

мѣтить, что выдѣлкой брони и оружія, на азіатскій образецъ, царскія мастерскія славились по преимуществу. Оружіе это, въ видѣ подарковъ знатнымъ иностранцамъ, принималось и цѣнилось съ особенной охотой.

При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ было обращено особенное вниманіе на выработку броней, и потому былъ учрежденъ Бронный Московскій Приказъ, отданный подъ вѣдѣніе царскаго оружничаго. Въ этомъ Приказѣ заготовлялись брони, шлемы, панцыри и прочія воинскія принадлежности. До введенія этимъ Государемъ ратнаго строя, военные доспѣхи были восточной формы. Тутъ форма измѣнилась, брони стали крѣпки и красивы, и потому цари даривали ими своихъ вѣрныхъ слугъ, ногайскихъ мирзъ. Въ каждой грамотѣ вѣрные мирзы непремѣнно выпрашивали у «Земледержца величайшаго и счастливѣйшаго вольнаго человѣка бѣлаго царя» жалованья «панцырей добрыхъ, шеломовъ добрыхъ, саблей, которые бы сѣкли желѣзо», и проч.

То, что собственно теперь заключается въ Оружейной Палатѣ, хранилось прежде на Казенномъ дворѣ, въ Оружейной Палатѣ, на Конюшенномъ дворѣ и въ Мастерской палатѣ.

До перенесенія столицы въ Петербургъ, большая часть вещей подвергалась постоянному приливу и отливу; изъ нихъ выдавались жалованье и награды, посылались подарки иностраннымъ державамъ, и все это пополнялось отъ всѣхъ «ударяющихъ государю челомъ».

Императоръ Петръ I-й, преобразовавъ всѣ старинныя вѣдомства въ государственныя учрежденія, соединилъ всѣ эти приказы въ одно правленіе, подъ названіемъ «Мастерской Оружейной Палаты», и образовалъ, подъ вѣдѣніемъ Сената, присутственное мѣсто.

Императоръ Александръ I-й, въ 1806 году, повелѣлъ построить обширное зданіе на Сенатской площади и туда перенести всѣ сокровища казны и Оружейной Палаты.— Въ 1831 г. Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ упразднить присутствіе Оружейной Палаты и присоединить его подъ вѣдѣніе президента Дворцовой конторы.

Несмотря на свою обширность, зданіе, построенное въ 1810 г., не заключало въ себѣ удобствъ для храненія сокровищъ, такъ-какъ было безъ печей, изъ опасенія пожара [1]). Обративъ на это высочайшее вниманіе, Николай Павловичъ повелѣлъ въ 1849 году построить новое зданіе на мѣстѣ бывшаго въ старину Конюшеннаго приказа съ духовыми печами для отопленія. Въ 1851 году новое зданіе Оружейной Палаты было совершенно окончено. Оно соединяется съ Императорскимъ дворцомъ проѣздомъ, надъ которымъ находится зимній садъ [2]).

Московская Оружейная Палата достопримѣчательна по своимъ древнехранилищамъ и сокровищамъ, заключающимся въ золотѣ, серебрѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ, мѣхахъ, оружіи, экипажахъ, одеждахъ и пр. т. п. вещахъ. Иностранцы и въ старину дивились богатству русскихъ государей, но они дивятся ему и теперь, такъ-какъ никакія невзгоды не сократили этихъ, вѣками накопившихся, сокровищъ. И въ самомъ дѣлѣ, сокровища, хранящіяся въ Оружейной Палатѣ, нигдѣ не имѣютъ себѣ ничего подобнаго и представляютъ нѣчто въ высшей степени грандіозное и поучительное.

Не входя въ полное перечисленіе этихъ сокровищъ, остановимся, однакожъ, на такихъ, которыя представляютъ для всякаго русскаго человѣка никогда не остывающій интересъ—то, какъ святыня, то—какъ историческій предметъ, освященный вѣками и преданіями.

При входѣ *въ сѣни* Оружейной Палаты находятся вещи: колесо отъ токарнаго станка Петра Вел. Шесть чугунныхъ пищалей, отбитыхъ у Пугачева въ г. Яддринѣ Засыпкинымъ въ 1774 г.—На стѣнахъ: арматуры изъ ору-

---

[1]) Строитель архитекторъ Ив. Вас. Егоровъ.

[2]) На мѣстѣ прежней Оружейной Палаты находятся теперь казармы. А далеко ранѣе постройки на немъ Оружейной Палаты находился домъ Бориса Годунова, когда онъ еще не былъ царемъ, но бояриномъ, совѣтникомъ, другомъ и шуриномъ царя Ѳеодора Іоанновича, что свидѣтельствуется слѣдующимъ: „Ѣхалъ патріархъ отъ соборныя церкви мимо стараго царя Борисова двора да къ Богоявленскому монастырю, что на Троицкомъ подворьи, да по за дворцу въ Боровицкія ворота, да выѣхалъ за Бѣлый городъ и въ Чертольскія ворота“ (Др. Росс. Вивліоика, ч. IV). здѣсь же былъ умерщвленъ и юный Ѳеодоръ Борисовичъ.

жія XVI и XVII в. Польскій доспѣхъ. Всполошный колоколъ, перелитый въ 1714 году изъ стараго, висѣвшаго у Спасскихъ воротъ [1]). Въ 1771 году, во время бунта, ударили въ этотъ колоколъ въ набатъ, вслѣдствіе чего Импер. Екатерина II велѣла отнять у него языкъ, безъ коего онъ висѣлъ до 1803 г. При колоколѣ хранятся двѣ чугунныя доски 1771 года съ описаніемъ событія.

На *лѣстницѣ:* Дѣтскій манекенъ въ полудоспѣхѣ царевича Алексѣя Михайловича. Доспѣхъ нѣмецкій XVII вѣка. На *стѣнахъ* картины: Крещеніе равноап. кн. Владиміра. Битва на Куликовомъ полѣ [2]).

Залъ I. *Короны.* 1. Шапка Мономаха. Названа такъ потому, что прислана Импер. Алекс. Комненомъ Владиміру Мономаху. Опушка шапки соболья. Тулья вѣнца состоитъ изъ восьми продолговатыхъ, треугольныхъ, сканныхъ золотыхъ дощечекъ. Скань-лученіе состояло изъ тонкихъ проволокъ, образующихъ сѣтчатую, сквозную работу. Въ шапкѣ Мономаха видна высокая скань. На золотомъ яблокѣ, въ гнѣздахъ, три крупные камня.—2. Шапка казанская. Перешла въ казну послѣ смерти Эдигера, хана Казанскаго, который въ 1553 году принялъ крещеніе и получилъ отъ Іоанна Грознаго титулъ царя Казанскаго. Вѣсу въ шапкѣ около 5 ф. Оцѣнена въ 1702 г. 685 р. [3]). — 3. Шапка царя Мих. Ѳеод. Дѣлана въ 1627 г. при думномъ дьякѣ Телепневѣ. Между дорогими каменьями выдѣляется одинъ огромный алмазный сапфиръ.—4. Шапка алтабасная Іоанна Алексѣевича, сдѣланная въ 1684 г.—5. Шапка алмазная Іоанна Алексѣевича 1687 г. заключаетъ болѣе 900 камней. Оцѣнена въ 1702 г. въ 15,200 р.—6. Шапка алмазная Петра Алексѣевича заключаетъ до 825 алмазовъ. Оцѣнена въ 17,000 р.—7. Шапка ц. Петра Алексѣевича по образцу Мономаховой.—8. Корона императорская имѣетъ до 2500 алмазовъ. Надъ алмазнымъ крестомъ огромный

---

[1]) Висѣлъ на такъ-называемой Набатной башнѣ.

[2]) Входъ съ лѣстницы не прямо въ залъ № 1-й, но надо пройти залы V, IV и III, и тогда уже входите въ залъ № 1-й.

[3]) Теперь, настоящая стоимость этихъ вещей получается при умноженіи числа рублей на пять.

далъ (рубинъ), купленный въ 1676 году въ Пекинѣ и оцѣн. въ 1725 г. въ 60,000 р.—2. Корона Грузинская.—10. Корона Мальтійская Импер. Павла. Эта корона, съ званіемъ Великаго Магистра Державнаго Ордена Іоанна Іерусалимскаго, была предложена мальтійцами Павлу I въ 1798 г., когда генералъ Бонапартъ занялъ о. Мальту.—*Скипетры.* Они употреблялись во время пріема пословъ отъ христіанскихъ державъ и имѣютъ значеніе верховнаго начальствованія надъ силами царства. 1. Скипетръ ц. Михаила Ѳеодоровича. 2. Алексѣя Михаиловича. 3. Петра Алексѣевича.—*Державы.* Со времени водворенія христіанства въ Константинополѣ, вседержавіе ознаменовывалось крестомъ, осѣняющимъ міръ. Самая идея всемірнаго преобладанія принадлежитъ христіанству, и символъ выразился во времена Августа изображеніемъ фигуры побѣды на шарѣ. 1. Державы ц. Михаила Ѳеодоровича, въ окружности 13 вершк. На сторонахъ фигуры: орелъ, левъ, единорогъ и леопардъ. Заключаетъ до 200 драгоцѣн. камней. 2. Царя Алексѣя Михаиловича. Привезена изъ Константинополя. Украшена 160 алмазами. Оцѣн. въ 1702 г. въ 7360 р.—*Бармы.* 1. Онѣ составляли, какъ говорятъ знатоки, часть наряда древнихъ русскихъ князей. Состоятъ изъ 11 круглыхъ запонъ. При нихъ образокъ, крестъ, пуговицы отъ кафтана, петлицы, перстень и множество серебряныхъ блестокъ. Этотъ драгоцѣнный памятникъ глубокой древности XII в., найденный въ 1822 г. въ насыпи близъ села Старой Рязани, сходенъ съ золотыми вещами, находимыми въ Крымскихъ курганахъ. Ихъ относятъ къ произведеніямъ Греко-скиѳскаго искусства и къ первымъ временамъ водворенія христіанской религіи на Руси. 2. Бармы ц. Алексѣя Михаиловича.—*Украшенія одеждъ.* Украшенія эти, кромѣ ожерельевъ, состояли: изъ цѣпей, плоскокольчатыхъ, украшенныхъ финифтью и драгоцѣнными камнями, кружевъ и запястій, нашивокъ и запонокъ, которыя нашивались на кафтаны, діадемъ, перьевъ и т. д. Всѣ эти вещи находятся подъ литерами отъ *Д* до *І.*—*Жезлы, посохи, трости.* Жезлы употреблялись при выходахъ въ соборную церковь и на Іордань. Жезлы носили и царицы.

При обыкновенныхъ же выходахъ въ храмы, къ столу, употреблялись посохи. Всѣхъ ихъ числомъ 37. По древности замѣчательны: 1, 2 и 3, и затѣмъ 4. Жезлъ ц. Алексѣя Михаиловича. 5. Трость Петра Великаго. 6. Три посоха изъ слоновой кости, съ тонкими и длинными остріями, царя Іоанна Васильевича Грознаго. Одинъ изъ этихъ посоховъ, оправленный въ позолоченное серебро и имѣющій три фунта вѣсу, есть, какъ надо полагать, тотъ самый, съ которымъ любилъ ходить Іоаннъ и которымъ онъ, въ минуты гнѣва, давалъ чувствовать силу своего владычества и силу своего царскаго гнѣва.—*Балдахины и троны,* находятся подъ лит. *Л.* 1—6 №№. Балдахины и троны, служившіе для коронованій Госуд. Имп. Александра Николаевича и Госуд. Импер. Маріи Александровны. 7 №. Царское мѣсто, персидское, Бориса Годунова, присланное ему въ даръ шахомъ Аббасомъ въ 1604 году. Содержитъ 2300 драгоцѣнныхъ камней и жемчугу. 9. Общій тронъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, серебряный, вызолоченный, огромнѣе и величественнѣе всѣхъ. 10 и 11. Балдахинъ и польскій тронъ, находившіеся въ польскомъ королевскомъ дворцѣ, а въ 1832 г. присланные въ Оружейную Палату.—Подъ лит. *М.* находятся: Государственное знамя, щитъ и мечъ. — Лит. *Н. Становные кафтаны и порфиры,* составляющіе верхнюю одежду. Они возлагались въ храмѣ при вѣнчаніи на царство. Шились изъ бархата или атласа, съ горностаевымъ исподомъ и собольей опушкой. — *О. Царскія одежды* новаго времени хранятся въ шкафахъ № 1, 2 и 3 и въ витринахъ № 4 и 5.—*П.* Сапоги императоровъ, между прочимъ, ботфорты Петра I.—*Р.* Двѣ витрины съ кабинетными вещами Государей.

Залъ II. Лит. *А.* Балдахинъ, подъ которымъ шествовали во время коронованія Имер. Александръ Николаевичъ и Импер. Марія Александровна. *Б, В, Г, Д, Е, Ж—тронныя кресла и царицъ царей. З.* 150 вещей, взятыхъ въ Полтавской битвѣ. Изъ нихъ замѣчательны: носилки Карла XII, его оловянный стаканъ и шпоры съ пряж-

ками и крючками. *И.* Вещи, поднесенныя Парижемъ въ 1814 г. Остенъ-Сакену. *І.* Витрина съ булавами, пернатами и шестоперами (они находятся и въ другихъ витринахъ Оруж. Пал.). Это есть названіе палицъ, или жезловъ, съ перьями и шарами, и были въ древности повсемѣстными признаками военачалія. Буздыханъ имѣетъ болѣе шести перьевъ.— *К.* Тридцать одно польское знамя и три французскихъ. Ключи отъ крѣпостей Килія, Яссъ, Кубы, Аккермана, Перекопа и Еникале.—*М.* Ящикъ, въ которомъ хранится польская конституція, дарованная Александромъ I. *Н.* Ключи польской крѣпости Замостья. *П.* 64 венгерскихъ знамени, взятыхъ въ 1849 г. На стѣнахъ портреты императоровъ и императрицъ, числомъ 17. Изъ нихъ замѣчателенъ финифтяной портретъ Императора Петра I, украшенный алмазами, въ золотой оправѣ, за стекломъ. При портретѣ серебряный футляръ.

Залъ III. Носитъ названіе «серебряный». *А. Русско-Славянскій отдѣлъ.* Заключаетъ въ себѣ шесть витринъ, два шкафа и четыре горки съ различнаго рода посудой. I. Витрина. 1. Чара кн. Влад. Дав. Черниговскаго, найдена на мѣстѣ бывш. гор. Сарая, на Волгѣ, Астр. губ., въ діам. $^1/_2$ арш. IV шкафъ, о трехъ полкахъ, на нижней: 1. Золотой рукомойникъ и лохань, подаренные Натальей Кирилловной внуку ея, царевичу Алексѣю Петровичу. 5. Серебряная братина царя Іоанна Васильевича Грознаго [1]). 7. Черновой ставецъ царевны Софіи, въ видѣ небольшой корзины, или чаши на поддонкѣ. Служилъ для подачи кушанья. VI шкафъ, нижняя полка: 1. Фарфоровая судея Іоанна, сына Іоанна Грознаго. Это—узкогорлый сосудъ въ видѣ бутылки. На первой полкѣ интересна рюмка перваго русскаго издѣлія. VIII витрина. Въ ней находятся 64 серебряные ковша, которыми жаловали цари въ награду за службу.—*Б. Отдѣлъ вещей Петра Великаго.* 1. Костяныя пуговицы. 4. Стеклянный кубокъ, сдѣ-

1) Братина — заздравная, круговая чаша передъ принятіемъ пищи, въ формѣ горшечка.

ланный въ присутствіи Петра, въ который онъ опустилъ червонецъ. *В.* Иностранныя вещи съ русскими надписями и орлами. 1 горка, нижняя полка: 1 рукомойникъ и лоханъ, пожалованные Алексѣемъ Михаиловичемъ патріарху Никону для совершенія обряда омовенія ногъ.—*Г.* Иностранныя вещи. IV и IX. Замѣчательны два большихъ серебряныхъ кубка Алексѣя Михаиловича, поднесенные бояриномъ Морозовымъ. Въ одномъ 1 пудъ 9 фун. вѣсу, сажень высоты, въ другомъ до пуда вѣсу.—Всѣхъ древнихъ кубковъ хранится въ Оруж. Пал. болѣе 400. Кубки были приносимы въ даръ и служили украшеніемъ поставцевъ и столовъ во время пира, признакомъ богатства и памятникомъ уваженія къ хозяину.—XI. Крошни, проще—коробъ, ларецъ, скрыня. Онъ въ видѣ миссъ съ ручками. Ихъ три, всѣ серебряныя, изъ которыхъ двѣ большія относятся къ 1661 г., а малая къ 1669 г.—XII и XIII. Два большихъ серебряныхъ разсольника для подаванія соленій.—*Д.* Вещи, поступившія изъ собранія частныхъ лицъ.

Залъ IV. *Отдѣлъ оружія русской работы.* Въ этомъ отдѣлѣ есть образцы оружій и доспѣховъ и Европы и Азіи, какъ-то: русскихъ, греческихъ, римскихъ, индійскихъ, монгольскихъ, китайскихъ, персидскихъ и проч. 1. Шеломъ и кольчуга вел. кн. Ярослава Всеволодовича, найденные въ 1808 году въ Вологодской губерніи, въ лѣсу, подъ пнемъ дерева, по мнѣнію знатоковъ, на томъ самъ мѣстѣ, гдѣ происходила Липецкая битва въ 1216 г. Шлемъ имѣетъ форму конуса съ выпуклостью и вооруженъ бармицей. VI. Витрина со щитами, въ которой находятся палаши и кончары. Кончаръ есть старинная форма шпагъ—оружіе, котораго тонкое остроконечное могло проникнуть сквозь панцырь. VII. Шапка-ерихонка князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго, конца XVI в., есть азіатскій шлемъ, вооруженный наушниками и назатыльникомъ. VIII. Витрина, въ которой находятся: ножи, рогатины, чеканы, джины, мечи. Рогатина — это широкое, плоское съ короткимъ ратовищемъ копье. Джиды — азіатскія ме-

тательныя копья для преслѣдованія конницы. Чеканъ употреблялся въ старину, какъ оружіе противъ латъ и кольчугъ. Замѣчательны: 1. Рогатина вел. кн. Бориса Александровича Тверского, XV в. 2. Ножъ князя Андрея Іоанновича, сына Іоанна III, 1513 г. Имѣетъ кривую форму малайскаго ножа и есть единственный уцѣлѣвшій памятникъ первыхъ сношеній Россіи съ Индіей. X. Витрина, № 5732. Зульфигаръ, или двухконечный мечъ Али, замѣчательнѣйшій изъ азіатскихъ мечей. Мечъ этотъ поступилъ въ Палату въ 1810 г. Персидскій поэтъ Гассанъ-Кази, прославляя Али, говоритъ: «Нѣтъ храбраго кромѣ Али, нѣтъ меча, кромѣ Зульфигара». Старшій магометанскій ахунъ (духовное лицо), присутствуя при осмотрѣ Оружейной Палаты персидскимъ шахомъ, не показалъ этого меча, зная, что Шахъ всѣми силами старался бы достать его. Рукоятка меча позднѣйшая, польской работы.—XII. Витрина со щитомъ. Въ ней 34 вещи: сабли, пищали, натруски, пороховницы и пистолеты. Щиты у Славянъ были желѣзные и въ нихъ ударяли во времена сожиганія трупа начальника, чтобы не слышно было раздирающихъ душу воплей женщинъ. XVII. Стѣнка—щитъ съ ружьями, кольчугами и сѣкирами. № 1-й — 29-й: ружья, служившія при защитѣ Троицко-Сергіевской Лавры отъ Поляковъ въ 1609 г.—*В.* Вещи иностранной работы, поднесенныя русскимъ государямъ въ XII в. Въ витринѣ съ четырьмя ящиками: булавы, пернаты, саадаки или налучи и колчаны, кончаръ и пр. Саадакомъ назывался приборъ вооруженія съ лукомъ и стрѣлами. Они возились во время походовъ за царемъ.—*Г.* Вещи князя Пожарскаго и Минина: 1. Знамя. 2. Сабля. 3. Сѣдло Пожарскаго. 4. Сабля Минина. — *Е.* Вещи, принадлежавшія государямъ, преемникамъ Петра Великаго. — *Ж.* Оружіе иностранной работы. II. Шишакъ-мисюрка XVI в. кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, персидской работы, т. е. шлемъ, имѣющій по преимуществу видъ черепа и снабженный кольчужной бронею. Такихъ шишаковъ хранится въ Ор. Пал. 27. — VII. Витрина со щитомъ, гдѣ находятся восточныя сабли, колчаны, налучи. Колчанъ—футляръ для стрѣлъ, налучъ —

футляръ для лука. Во многихъ витринахъ этой залы находятся палаши и тесаки. Тесакъ отличается отъ палаша тѣмъ, что меньше послѣдняго и внизу закругленъ. Замѣчательны: тесакъ Михаила Ѳеодоровича и сабля князя А. И. Лобанова-Ростовскаго.—XIX. Стойка о двухъ полкахъ съ 36 нѣмецкими кремневыми ружьями.—Въ этой залѣ, между прочимъ, находится портретъ, во весь ростъ, Екатерины II-й, на конѣ, въ мужскомъ платьѣ, работы датскаго художника Эриксена 1762 г. — XXXI. Конскій уборъ — даръ Абдула-Гамида Екатеринѣ II въ 1775 г. Оцѣн. въ 1835 г. болѣе 200,000 р. XXXII. Конскій уборъ—даръ султана Селима III Екатеринѣ II въ 1793 г. — *3. Знамена.* Обычное названіе знамени у славянъ было—стягъ. Кромѣ стяговъ, въ древности носились хоругви и прапоры. 1. Стойка съ семью знаменами. Замѣчательнѣйшія: 1. Знамя Всемилостиваго Спаса XVI в. Великій стягъ царя Іоанна Васильевича Грознаго. VIII. Казачьи значки и прапоры.

Залъ V. *А. Холодное оружіе русской и иностранной работы.* 1. Арматура съ 36 вещами. Изъ нихъ: 1. Шеломъ вел. кн. Георгія Всеволодовича. 2. Кольчуга кн. П. И. Шуйскаго. На этой кольчугѣ прикрыто мишенью съ его именемъ то мѣсто надъ самымъ сердцемъ, куда онъ былъ смертельно раненъ въ битвѣ подъ Оршею въ 1564 г. 3. Наручи. 4. Куякъ. 5. Байдана. 6. Юшманъ боярина Никиты Иванов. Романова.—Наручи съ кольчужными рукавицами относились къ вооруженію и обиты по закраинамъ позолотой. Юшманомъ называлась кольчуга съ разрѣзомъ, застегивающаяся впереди крючками, или пряжками. Байдана—кольчуга съ плоскими кольцами.—II. Арматура съ 51 вещью. 1. Шапка-ерихонка, называемая шапкою царя Кучума Сибирскаго. 4. Зерцало царя Алексѣя Михаиловича 1670 г., русской работы. Зерцало—латы изъ полированной стали, состоящія изъ нагрудника и наспинника. 5. Шапка-ерихонка царя Алексѣя Михаиловича. IV. Конный манекенъ воеводы XVII в. V. Конный манекенъ нѣмецкаго рыцаря. VI. Манекенъ русскаго ратника XVII

вѣка.—XI. Стойка съ девятью вещами. 1. Протазанъ русской работы XVII в. Протазана, или алебарды, составляли издавна вооруженіе придворной, почетной стражи. Въ старину, до введенія этого иностраннаго слова, они назывались рогатинами и служили преимущественно оружіемъ пѣшихъ Норманновъ.—XIII. Витрина, гдѣ расположены бутурлыки, или поножи, состоявшіе изъ трехъ желѣзныхъ щитковъ, соединенныхъ кольцами и защищавшихъ ногу отъ подъема до колѣна. Такіе же бутурлыки находятся и на манекенахъ ратниковъ.

Залъ VI. Этотъ залъ наполненъ большею частью черпаками, чалдырями, саннымі полостями XVII в. и т. под. конскими принадлежностями. Тутъ же находится кровать Петра Великаго, стальная колыбель Импер. Александра I, работы Тульскихъ ружейниковъ, хивинскій тронъ [1]), обложенный серебромъ, и двѣ модели: Кремлевскаго дворца и древняго Коломенскаго. Первый дворецъ проектированъ въ 1769 г., по мысли Импер. Екатерины II, архит. Бажановымъ. Императрица предполагала застроить своимъ дворцомъ весь Кремлевскій холмъ и окружить имъ всѣ древніе соборы, чтобы доказать иностранцамъ могущество своей державы. Мысль эта по многимъ причинамъ осталась неисполненною. Вторая модель исполнена по чертежамъ рѣзчикомъ Д. А. Смирновымъ и пріобрѣтена отъ него Импер. Александромъ II для Оруж. Пал. за 3000 р. с. Затѣмъ, въ этой залѣ находятся пять пушекъ, взятыхъ въ Персіи въ 1827 г., фарфоровыя модели египетскихъ храмовъ, изящной работы, а на стѣнахъ картины и портреты, изъ которыхъ особенно замѣчательны гобеленовые портреты Петра I, Александра I и Екатерины II.

Залъ VII. Въ девяти витринахъ этого зала находится конская сбруя: узды, мунштуки, чалдары, оголови, пахви—всѣ XVII в. На стѣнахъ зала портреты и бюсты королей

---

[1]) Это одинъ изъ послѣднихъ трофеевъ русскихъ побѣдъ. Тронъ взятъ въ 1873 г. Формою тронъ совершенно сходенъ съ древними московскими тронами.

и знаменитыхъ людей Польши, а также портретъ П. И. Потемкина, бывшаго посланника во Франціи въ XVII в., замѣчателенъ въ художественномъ отношеніи: художнику удалось выразить на немъ смѣтливость и то величіе духа настойчивость характера, какія онъ проявлялъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Тутъ же находится глобусъ, поднесенный Императрицѣ Елисаветѣ въ 1746 году отъ Академіи Наукъ, и большія аллегорическія гравюры на шелковой матеріи, подносимыя по обычаю XVII в., императорамъ и императрицамъ отъ ученыхъ обществъ.

Залъ VIII. Тутъ находятся *экипажи* или кареты XVII и XVIII в., царскіе возки XVII в. со слюдяными окнами, пышныя кареты императрицъ XVIII в., украшенныя превосходной рѣзьбой и живописью въ стилѣ рококо. Особенно великолѣпна по рѣзьбѣ такъ-называемая Цезарская, и другая—подаренная Императрицѣ Елисаветѣ въ 1754 г. гр. Кирилломъ Разумовскимъ, Тутъ же находятся походныя кровати съ постелями Наполеона I, захваченныя при Березинѣ, а также, на стѣнѣ, портреты Государей XVIII в., находившіеся въ кабинетѣ послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа. Къ трофеямъ, взятымъ изъ Польши, принадлежатъ еще и 22 портрета польскихъ королей отъ Болеслава Храбраго до Фридриха-Августа, писанные худ. Бокчіарелли. Всѣ эти портреты взяты изъ Варшавскаго королевскаго дворца, или замка. Между прочимъ, тутъ есть и портретъ Николая Коперника, а затѣмъ гравюры блестящей эпохи гравированія въ XVII стол. [1]).

При Оружейной Палатѣ есть архивъ. Онъ заключаетъ въ себѣ описи всѣхъ вещей, издревле хранившихся въ ней. Онъ состоитъ изъ описей разныхъ временъ Большой казны, собственно царской, описи броней, оружія, экипажей, выходныхъ книгъ, въ которыхъ записывалось, въ какіе дни и въ какомъ нарядѣ выходили изъ покоевъ, книгъ кроильныхъ, въ которыхъ записывалось шитье новыхъ одеждъ, книгъ приходо-расходныхъ по разнымъ отдѣламъ казны,

---

[1]) Гравюры работы знам. гравера Топчегорскаго.

походныхъ книгъ, въ которыхъ записывалось, что отпускалось царицамъ и царевнамъ въ отъѣздъ на богомолье, и наконецъ—изъ дѣлъ по управленію мастерской Оружейной Палаты.

Мы перечислили только самую незначительную часть хранящихся въ Оружейной Палатѣ древнихъ вещей и драгоцѣнностей, но даже и изъ этого незначительнаго перечня видно, какъ велики богатства Оружейной Палаты. Имъ, кажется, и цѣны нѣтъ.

Царскіе Терема.

Въ настоящее время Царскіе Терема соединяются съ Большимъ Императорскимъ Дворцомъ: съ запада—съ корпусомъ во внутренніе покои дворца, съ востока—съ Грановитой Палатой посредствомъ св. Сѣней.

Построеніе Теремовъ относится къ царствованію Михаила Ѳеодоровича, который въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ своего царствованія успѣлъ не только возстановить старый дворецъ [1]), но и увеличилъ его новыми каменными и деревянными постройками, которыя выростали по мѣрѣ потребностей царской жизни. Хоромы эти были построены въ 1635 и 1636 годахъ подмастерьями каменныхъ дѣлъ Баженомъ Огурцовымъ, Антипой Константиновымъ, Трофимомъ Шарутинымъ и Ларомъ Ушаковымъ, въ три этажа, изъ которыхъ два верхніе назначены были для малолѣтнихъ царевичей Алексѣя и Ивана, что значится и въ надписи, сохранившейся на нихъ донынѣ. Самый верхній этажъ этихъ хоромъ, состоящій изъ одной свѣтлой комнаты, назывался въ то время «чердакомъ» и «каменнымъ теремомъ», а въ началѣ XVIII в. «золотымъ теремкомъ», отчего и теперь все это зданіе называется Теремнымъ дворцомъ. По словамъ г. Забѣлина [2]) можно съ достовѣрностью полагать, что этотъ Теремъ есть образецъ, представитель нашихъ древнихъ теремовъ, не смотря на то,

---

[1]) Старый каменный дворецъ заложенъ былъ при великомъ князѣ Іоаннѣ III, Васильевичѣ. Онъ начатъ постройкою въ 1499 году, оконченъ въ 1508 году, уже послѣ его смерти (См. далѣе).

[2]) „Домашній бытъ царей прежняго времени".

что они большею частію были деревянные. При томъ и во всемъ зданіи Теремнаго дворца, или Царскихъ Теремовъ, какъ въ отношеніи внутренняго расположенія, такъ отчасти, можетъ быть, и въ отношеніи самаго фасада, сохранился характеръ нашихъ старинныхъ деревянныхъ построекъ: почти всѣ комнаты Теремовъ, во всѣхъ этажахъ, одинаковой мѣры, каждая съ тремя окнами, что совершенно напоминаетъ избу, до сихъ поръ сохранившую это число оконъ. Такимъ образомъ, все зданіе Теремовъ представляетъ нѣсколько избъ, поставленныхъ рядомъ, въ одной связи и въ нѣсколько ярусовъ. По крайней мѣрѣ, эта общая черта ихъ внутренняго устройства. Верхній этажъ заключается въ одной довольно обширной комнатѣ, которая составляла чердакъ, или теремъ, украшавшій всегда и деревянные хоромы. Въ 1637 году эти новыя каменныя хоромы были отдѣланы окончательно: какой-то конюхъ, Иванъ Осиповъ, по ремеслу златописецъ, наводилъ уже въ это время сусальнымъ золотомъ, серебромъ и разными красками на кровлю репьи, «да въ тѣ же хоромы, во всѣ окна, дѣлалъ (опроче чердака) слюденыя окончины» [1]).

Стиль зданія, съ его вычурными, символическими орнаментами, представляетъ пестрое сочетаніе ломбардскаго съ русскимъ и даже индійскимъ стилемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ. Теремные покои состоятъ изъ столовой (трапезной), соборной (думной), государева кабинета (престольной) съ краснымъ, или, такъ-называемымъ, «челобитнымъ окномъ», откуда опускался ларецъ, въ который просители клали свои челобитныя Государю. Въ красномъ углу царское мѣсто. Далѣе слѣдуетъ опочивальня, молельня (крестовая). Вдоль стѣнъ нѣкоторыхъ теремныхъ покоевъ поставлены дубовые лавки и стулья. Государевъ кабинетъ расписанъ золотомъ по ярко-красному полю. Передъ царскимъ мѣстомъ лежитъ коверъ, вышитый, по преданію, царевнами. Въ опочивальнѣ находится деревянная рѣзная кровать съ занавѣсами изъ китайской шелковой матеріи. Въ молель-

[1]) Расходная книга Казеннаго приказа.

ной, или крестовой комнатѣ, два кіота, въ которыхъ помѣщены иконы, кресты и панагіи, большею частью комнатныя, царя Алексѣя Михаиловича. Въ столовой, на стѣнахъ, написаны лики Спасителя, окруженнаго Евангелистами, свв. царя Константина и Елены, равноапостольнаго князя Владиміра и св. княгини Ольги.

Съ теремами связано немало и важныхъ моментовъ исторіи русскаго народа. Такъ, въ 1660 г., въ царскомъ кабинетѣ, происходилъ знаменитый соборъ о поступкахъ Никона, въ 1682 году—соборъ объ уничтоженіи мѣстничества, и мн. др.

Въ Теремныхъ покояхъ хранятся также княжескіе печати и гербы. Сами по себѣ они чрезвычайно интересны, какъ предметы, къ которымъ наши предки относились съ большимъ довѣріемъ и безъ которыхъ не обходилось ни одно дѣло, ни одно условіе—ни государственное, ни частное. Лица, которымъ необходимо было часто «прикладывать свою руку», употребляли вмѣсто того печати, на которыхъ изображалась рука съ надписью, чья она. Поэтому создалась и пословица: «Гдѣ рука, тамъ и голова». Что же касается князей, то всякій князь выбиралъ для своей печати то изображеніе, которое ему болѣе нравилось, или то, которое выражало его политическое положеніе. Когда установился обычай наслѣдственности печати, то печать обратилась въ гербъ.

Изъ Теремовъ есть витой ходъ на вышку.—Въ 1836—49 годахъ Терема возобновлены архитекторами Солнцевымъ и Герасимовымъ, но съ сохраненіемъ того вида, въ какомъ они были при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ.

Казармы.

(Бывшая Оружейная Палата).

Постройка этого зданія, находящагося противъ Арсенала, не относится къ глубокой старинѣ: оно построено по повелѣнію Императора Александра Павловича въ 1810 году, подъ руководствомъ князя Михаила Дмитріевича Циціанова архитекторомъ, какъ сказано выше, Иваномъ Васильевичемъ Егоровымъ. Зданіе предназначено было для Оружейной Палаты, которая въ немъ находилась до 1851 года. Въ свое время зданіе это было однимъ изъ величественнѣйшихъ въ Кремлѣ и украшалось множествомъ бюстовъ и статуй, поставленныхъ наверху карнизовъ. Все это были лица историческія, знаменитыя: Добрыня, воевода Претичъ, Ординъ-Нащокинъ, заключившій миръ въ Андрусовѣ, Вас. Вас. Голицынъ, любимецъ Софьи Алексѣевны, Холмскій, другъ Іоанна Васильевича, и, наконецъ, боярынъ Артамонъ Матвѣевъ.—Подъ верхнимъ карнизомъ расположены въ барельефахъ разныя происшествія, касающіяся до исторіи Государства Россійскаго: пріемъ вел. кн. Владиміромъ пословъ различныхъ вѣроисповѣданій, поднощеніе Владиміру Мономаху даровъ, покореніе татаръ, побѣды надъ турками при Кагулѣ и Чесмѣ, надъ Шведами при Красной Горкѣ и Ревелѣ, и т. под.—Мы уже говорили о томъ, что на мѣстѣ, гдѣ построено это зданіе, находился дворецъ Бориса Годунова. Онъ находился въ сторонѣ Чудова монастыря.

Съ внѣшней стороны этого зданія, по фасаду, на крѣпостныхъ лафетахъ, стоятъ пушки—безмолвные свидѣтели нашей славы и разительный примѣръ того, что можетъ сдѣлать вѣра и любовь къ родинѣ. Но четыре изъ нихъ—необычной величины, и хранятся, какъ предметы рѣдкости. Изъ нихъ, несомнѣнно, никогда не стрѣляли, и отлиты онѣ, вѣроятно, для того, чтобы наглядно показать иностранцамъ нашу непобѣдимость.

Первая изъ нихъ, самая громадная, стоящая на самомъ углу казармъ, противъ Чудова монастыря, на высокомъ чугунномъ лафетѣ, иначе,—на медвѣдицѣ, Царь-Пушка.

Царь-Пушка. Пушка эта, или Дробовикъ [1]), отлита въ 1586 году, въ Москвѣ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Длина ея $7^1/_2$ арш., вѣсъ 2400 пуд., отверстіе 1 арш. $4^3/_4$ вершк. Каждое ядро для заряда вѣситъ 120 пуд., а зарядъ пороху 30 пуд. Она отлита русскимъ пушечнымъ мастеромъ Андреемъ Чоховымъ. На ней изображенъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ со скипетромъ и въ коронѣ. А надписи свидѣтельствуютъ, съ правой стороны: «Повелѣніемъ Благовѣрнаго и Христолюбиваго Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича, Государя и Самодержца всея Великія Россіи, при Его Благочестивой и Христолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Иринѣ»; съ лѣвой стороны: «Слита бысть сія пушка въ преименитомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7094 [2]), въ третіе лѣто Государства его; дѣлалъ пушку пушечный литецъ Андрей Чоховъ. Вѣсу въ ней 2,400 пудовъ». Надъ изображеніемъ царя Ѳеодора Іоанновича, находящемся у жерла съ правой стороны, надпись: «Божіею милостію Царь, Великій Князь Ѳеодоръ Іоанновичъ, Государь Самодержецъ всея Великія Россіи».

Единорогъ. Эта пушка отличается тщательностью отдѣлки. На ней изображенъ царь Алексѣй Михаиловичъ и находится слѣдующая надпись: «Божіею милостію повелѣ-

---

[1]) Именуется „Дробовикъ Россійскій“.

[2]) Т. е. 1586 г. отъ Р. Хр. На пушкѣ находится еще дощечка съ надписью, когда пушка лита и сколько въ ней вѣсу.

ніемъ Самодержавнаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россія Самодержца, въ 25 лѣто благочестивыя и Богохранимыя державы Царства его въ славномъ преименитомъ Царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7170 [1]) вылита сія пушка, вѣсомъ 779 пуд. Лилъ пушечный мастеръ Мартемьянъ Осиповъ».

Троиль. Пушка длинная и узкодульная. На ней надпись: «Божіею милостію повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича всея Россіи сдѣлана сія пищаль Троиль лѣта 7098 [2]). Дѣлалъ Андрей Чоховъ, вѣсу въ ней 430 пудовъ».

Аспидъ. И по размѣрамъ, и по наружнымъ украшеніямъ сходна съ Троилемъ. На ней надпись: «Божіею милостію, повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича всея Руссіи, сдѣлана сія пищаль Аспидъ лѣта 7098 [3]), дѣлалъ Андрей Чоховъ, 370 пудовъ».

---

[1]) Т. е. 1590 г. отъ Р. Хр.
[2]) Т. е. 1586 г. отъ Р. Хр.
[3]) Т. е. 1590 г. отъ Р. Хр.

Сенатъ.

(Зданіе Московскихъ Судебныхъ Установленій).

Это огромное и величественное зданіе построено при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, по плану и подъ надзоромъ архитектора Матвѣя Ѳеодоровича Казакова съ 1776 по 1787 гг. Зданіе построено треугольникомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находились палаты князя Трубецкого и упраздненныя церкви св. Космы и Даміана, Филиппа митрополита и Введенія во храмъ Богородицы. Длина зданія 247 саж. На постройку ушло 21,000,000 шт. кирпича. Все зданіе обошлось въ 759,000 руб.

Въ этомъ зданіи, по словамъ современниковъ, считалось образцовымъ произведеніемъ зодчества ротонда съ куполомъ, надъ которымъ видна императорская корона съ надписью: «Законъ». До 1812 г. здѣсь стоялъ колоссальный вызолоченный св. Георгій на конѣ, изображавшій гербъ Московской губерніи. Эта ротонда была назначена для общихъ собраній губернскаго дворянства и для баллотированія новыхъ членовъ черезъ каждые три года. Куполъ этотъ считался по своей величинѣ чудомъ архитектурнаго искусства. Въ первое время по постройкѣ, противъ главнаго входа, въ великолѣпной аркѣ, воздвигнутъ былъ императорскій тронъ, обширныя галлереи съ обѣихъ сторонъ

также были отдѣланы барельефами и гербами уѣздныхъ городовъ Московской губерніи. Когда въ 1787 г., Императрица съ блестящей свитой обозрѣвала эту постройку, то сказала сопровождавшему ее начальнику Кремлевской экспедиціи, М. М. Измайлову.

— Я ожидаю, что благородные дворяне при первомъ своемъ собраніи здѣсь для выборовъ, смотря на этотъ тронъ, припомнятъ, что я дала имъ и всему ихъ потомству грамоту съ правами и преимуществами важными.

Послѣ этого Государыня обратилась къ Казакову, сказавъ:

— Какъ все хорошо! Какое искусство! Это превзошло мое ожиданіе. Нынѣшній день ты подарилъ меня удовольствіемъ рѣдкимъ. Съ тобою я сочтусь, а теперь вотъ тебѣ мои перчатки, отдай ихъ своей женѣ и скажи, что это на память моего къ тебѣ благоволенія.

При выходѣ Государыни изъ зданія, мастеровые привѣтствовали Царицу восторженными криками. Императрица приказала имъ выдать 500 руб. Казаковъ за постройку получилъ слѣдующій чинъ, брилліантовый перстень и значительную пенсію [1]).

Въ этомъ зданіи помѣщены были всѣ прежде бывшія, до открытія въ 1782 г. по Высочайшему учрежденію губерній, присутственныя мѣста, какъ-то: Отчинная коллегія, Межевая коллегія, Государственный Архивъ и проч., а въ 1790 году переведены сюда и два Департамента Сената.

Съ открытіемъ новыхъ судебныхъ установленій, въ зданіи этомъ помѣстили Окружной Судъ, Судебную Палату, Межевую Канцелярію и др. т. п. учрежденія.

Изъ массы залъ зданія особенно замѣчательна по великолѣпію Круглая зала, такъ-называемая Екатерининская, предназначавшаяся для знаменитой Екатерининской комиссіи, гдѣ первое собраніе и происходило въ 1788 году.

---

[1]) Надо замѣтить, что М. Ѳ. Казаковъ пользовался благоволеніемъ Императоровъ Павла I-го и Александра I-го. Имъ построено въ Москвѣ множество частныхъ домовъ. Онъ умеръ 79 лѣтъ въ Рязани, 1812 г., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Вокругъ залы галлерея съ 18-ю превосходными горельефами. Въ каждомъ горельефѣ легко увидѣть Екатерину, которая, въ видѣ Минервы, богини мудрости, является всюду. Въ этой же залѣ находятся портреты: Императрицы Екатерины II-й и послѣдующихъ Императоровъ, а также и мраморная статуя создателя новыхъ судебныхъ установленій—Царя-Освободителя Александра II-го.

Дворцы.

1. Прежніе дворцы. Кремлевскій дворецъ, о которомъ впервые упоминаютъ лѣтописи, былъ дворецъ великаго князя Іоанна Даниловича Калиты. Дворецъ этотъ былъ деревянный, дубовый, и, вѣроятно, былъ построенъ далеко ранѣе временъ Іоанна Даниловича; скорѣе всего — или Юріемъ Долгорукимъ или Михаиломъ Ярославичемъ Храбрымъ, или, наконецъ, Даніиломъ Александровичемъ. Этотъ дворецъ находился направо отъ церкви Архангела Михаила. Подробнаго описанія этого дворца мы не имѣемъ, но, по всей вѣроятности, это былъ дворецъ, типомъ котораго можетъ служить дворецъ Коломенскій—единственный и любопытный памятникъ, который даетъ самое полное понятіе о древнихъ деревянныхъ хоромахъ, знакомя съ ними наглядно [1]). Этотъ дворецъ служитъ превосходнымъ образцомъ древней русской архитектуры: въ немъ выразилось все искусство нашихъ старинныхъ самоучекъ-архитекто-

---

[1]) Модель Коломенскаго дворца находится въ Оружейной Палатѣ.—Фасады и планы Коломенскаго дворца, сохранившагося отъ времени царя Алексѣя Михайловича, изданы въ Москвѣ въ 1809 г. при книгѣ „Историческія свѣдѣнія, изъ лѣтописей отечественныхъ и преданій изустныхъ извлеченныя, о селѣ Коломенскомъ".

ровъ, т.-е. «плотничьихъ старостъ», какъ ихъ называли въ то время. Общій видъ подобнаго дворца весьма оригиналенъ и красивъ: крытые гонтомъ «въ чешую» шатровыя кровли, или «шатры», огромныя «бочки», т.-е. кровли, сведенныя въ видѣ бочекъ съ мѣднымъ золоченымъ гребнемъ наверху, свѣтлые терема съ широкими двойными окнами,—все это, снабженное красивою узорочною рѣзьбою, производитъ особенное впечатлѣніе и вполнѣ знакомитъ съ характеромъ нашихъ старинныхъ построекъ. Таковъ, вѣроятно, былъ, говоритъ г. Забѣлинъ [1]), и древнѣйшій Кремлевскій дворецъ. Сомнѣваться въ этомъ мы не имѣемъ никакого повода, особенно если взглянемъ на нашу жизнь до Петра Великаго, гдѣ вовсе нельзя допустить большихъ измѣненій, особенно въ отношеніи зданій, строившихся всегда такъ, какъ строили отцы и дѣды, безъ нововведеній. Даже архитектура каменнаго дворца, принесенная къ намъ итальянцами, не произвела и не могла произвести никакого вліянія на наши деревянныя постройки. Напротивъ, она многое заимствовала у нихъ какъ въ отношеніи орнаментовъ и разныхъ украшеній, такъ и въ отношеніи самыхъ названій нѣкоторыхъ покоевъ. Всѣ деревянныя постройки въ царскомъ быту все также возводились по старинѣ и держались до преобразованій Петра Великаго.

Въ концѣ XV в. на мѣстѣ великокняжескаго деревяннаго дворца воздвигнутъ былъ дворецъ каменный. Мысль построить каменный дворецъ возникла вслѣдствіе новыхъ потребностей, вызванныхъ новымъ политическимъ положеніемъ московскаго государя: великій князь московскій сдѣлался самодержцемъ всея Руси. Сверхъ того, это новое государственное направленіе было приведено въ полную сознательность и опредѣленность съ пріѣздомъ въ Москву греческой царевны Софьи Палеологъ, съ которою вел. кн. Іоаннъ Васильевичъ III-й вступилъ въ супружество. Началась напряженная дѣятельность въ поновленіяхъ и постройкахъ: соборы и церкви, городскія ворота, стѣны,

[1]) „Домашній бытъ русскихъ Царей прежняго времени“.

стрѣльницы, башни съ тайниками, — все это быстро воздвигалось при помощи итальянскихъ зодчихъ, нарочно для того вызванныхъ изъ Италіи. Въ 20 лѣтъ наружность Кремля совершенно измѣнилась. Одновременно со всѣми этими передѣлками и постройками, въ 1482 г., великій князь повелѣлъ свой «старый деревянный дворъ разобрать и нача ставити каменный дворъ». Но это начало было не совсѣмъ благополучно: 28 іюля 1493 года, во время страшнаго, опустошительнаго пожара, только что заложенный каменный дворъ сгорѣлъ. Къ сооруженію каменнаго дворца приступили не прежде, какъ чрезъ шесть лѣтъ послѣ пожара. Въ 1499 г. великій князь снова заложилъ «дворъ свой каменъ палаты каменныя и кирпичныя, а подъ ними погребы и ледники, да и стѣну каменную отъ двора до Боровицкихъ воротъ». Постройка поручена была новому итальянскому зодчему «Фрязину Алевизу, отъ града Медіолама». Но великій князь не дождался окончанія этихъ палатъ, на которыя положилъ столько горячихъ заботъ и трудовъ: въ 1505 г. онъ умеръ. Дворецъ былъ готовъ чрезъ три года послѣ его смерти, и въ маѣ 1508 г. сынъ его Василій переѣхалъ на житье въ эти новыя хоромы. Достойный преемникъ всѣхъ начинаній своего отца, особенно въ отношеніи новыхъ построекъ, вел. кн. Василій Іоанновичъ, довершивъ неоконченный дворецъ, великолѣпно украсилъ его. Передній фасадъ этого дворца обращенъ былъ на площадь между Благовѣщенскимъ, Архангельскимъ и Успенскимъ соборами и церковію Іоанна Лѣствечника, на мѣстѣ которой воздвигнутъ Иванъ Великій.

По описанію г. Забѣлина, на эту площадь выходили двѣ дворцовыя палаты: — Большая, стоявшая на самой площади, нынѣ Грановитая, и Средняя, находившаяся между Большою и Благовѣщенскимъ соборомъ, къ западу отъ нихъ, на дворцѣ, или на дворѣ великокняжескомъ. Передъ Среднею палатою было Красное крыльцо и Передніе Переходы, на которые съ площади вели три лѣсницы: одна была, какъ и теперь, у стѣны Грановитой палаты (нынѣ Красное крыльцо), другая средняя лѣстница, третья—благовѣщенская паперть. Между лѣстницею подлѣ Грановитой

палаты и среднею были ворота, которыя, посредствомъ проѣзда подъ Краснымъ крыльцомъ и Среднею палатою, вели на площадь. Средняя лѣстница, прямо черезъ крыльцо, вела въ сѣни Средней палаты. Изъ этихъ же сѣней двери вели въ Столовую избу. Подлѣ Столовой избы была лѣстница внизъ, на дворъ, къ Спасскому собору, который находился посреди двора. Постельныя или жилыя хоромы великаго князя и Постельная изба, княгинина половина, находились на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Теремный дворецъ. Поваренный же дворецъ стоялъ позади хоромъ великой княгини. Вотъ въ краткомъ очеркѣ расположеніе каменнаго дворца Іоанна III.—При царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ IV, въ 1547 году 21 іюня, московскій дворецъ сдѣлался жертвою новаго ужаснѣйшаго пожара, который равнымъ образомъ истребилъ и всю Москву. Государь выѣхалъ въ село Воробьево, а въ Кремлѣ ставили для него новыя деревянныя хоромы и возобновляли распавшіяся отъ огня каменныя палаты. Возобновивъ дворецъ, царь увеличилъ его впослѣдствіи новою пристройкою. Въ 1560 году онъ повелѣлъ устроить для своихъ дѣтей «особый дворъ и хоромы, позади большой набережной палаты, «на взрубѣ». При нашествіи Девлетъ-Гирея Кремлевскій дворецъ сгорѣлъ снова (въ маѣ 1571 г.). Дворецъ былъ снова возобновленъ, и при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, судя по отзывамъ иностранныхъ путешественниковъ, находился въ цвѣтущемъ состояніи. Всѣ пріемныя палаты въ это время были великолѣпно украшены стѣнописью.—Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ во время голода, бывшаго въ 1601 и 1602 годахъ, повелѣлъ, «чтобы людемъ питатися», воздвигнуть большія каменныя палаты, «гдѣ были царя Ивана хоромы, построенныя имъ для дѣтей».—Самозванецъ, не желая жить въ царскомъ дворцѣ, выстроилъ для себя новыя хоромы, весьма красивыя, въ польскомъ вкусѣ: онѣ находились подлѣ Срѣтенскаго собора и лицомъ обращены были къ Москвѣ-рѣкѣ. Передъ этими хоромами, въ сѣняхъ, Самозванецъ поставилъ огромнаго мѣднаго Цербера, которому, какъ невиданному дотолѣ чуду и особенно въ царскихъ палатахъ, удивлялся народъ и прозвалъ его «адомъ».

Изъ этихъ же хоромъ Самозванецъ, преслѣдуемый по всѣмъ комнатамъ разъяренною толпою, выскочилъ въ окно и упалъ на Житный дворъ, который расположенъ былъ подъ горою Кремля, подъ самымъ дворцомъ Самозванца.—Царь Василій Ивановичъ Шуйскій выстроилъ для себя новыя брусяныя хоромы, потому-что въ опальномъ дворцѣ Самозванца было неприлично новому государю.—Такъ-называемая смутная пора, пора безначалья и неурядицъ, опустошила Кремлевскій дворецъ такъ, что при вступленіи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича дворецъ представлялъ самую грустную картину: отъ прежняго великолѣпія, которому такъ дивились посѣщавшіе насъ иностранцы, остались только голыя стѣны, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова. Всѣ палаты и хоромы были безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ окончинъ и дверей, такъ-что юному царю негдѣ было поселиться. Кое-что, однакожъ, наскоро было приведено въ порядокъ, и царь поселился во дворцѣ въ апрѣлѣ 1613 г. Трудно было царю Михаилу Ѳеодоровичу возстановить прежнее благолѣпіе дворца, но, постепенно, по мѣрѣ средствъ, которыя были весьма незначительны, царь возстановлялъ Москву, причемъ и Кремлевскій дворецъ также постепенно возобновлялся и устраивался. Но только-что дворецъ приведенъ былъ въ надлежащее устройство, какъ снова губительный пожаръ опустошилъ его въ 1626 г. 3 мая. Началось новое устройство дворца. По указу государя, собраны были въ это время изъ Ростова, Суздаля, съ Бѣлоозера и другихъ мѣстъ всѣ каменщики и кирпичники «для многихъ церковныхъ, дворцовыхъ и палатныхъ каменныхъ дѣлъ». Вызванъ былъ также «голландскія земли нѣмчинъ, кирпичный мастеръ Рудирикъ Мартысъ», который въ кирпичныхъ сараяхъ подъ Даниловскою слободою «дѣлалъ кирпичную ожигательную печь и надъ печью деревянный шатеръ, по своему нѣмецкому образцу, и кирпичъ дѣлалъ». Къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича Кремлевскій дворецъ былъ окончательно устроенъ, такъ-что царю Алексѣю Михаиловичу оставалось немного дѣла въ отношеніи устрой-

ства дворца. И дѣйствительно, во время его царствованія мы не встрѣчаемъ значительныхъ построекъ на царскомъ дворцѣ. Онъ возобновлялъ только старое, передѣлывалъ и украшалъ зданія, построенныя его предками, причемъ въ царскій дворецъ вошло много разныхъ улучшеній, которыя дотолѣ или весьма мало, или даже вовсе не были извѣстны. Важныя послѣдствія въ этомъ отношеніи принесла польская война 1654—1667 годовъ, окончившаяся для Россіи весьма удачно. Пребываніе царя въ нѣкоторыхъ изъ завоеванныхъ городовъ, и особенно въ Вильно, познакомило его съ образомъ жизни совершенно новымъ, и царь съ этого времени сталъ преобразовывать дворъ. Вызвавъ изъ всѣхъ, посѣщенныхъ имъ городовъ, многихъ ремесленниковъ и художниковъ, онъ употребилъ ихъ искусство и труды особенно на украшеніе своего дворца. Съ этого времени характеръ украшеній дворца во многомъ измѣнился. Внутри дворца появились обои (золотыя кожи) и разнаго рода мебель на нѣмецкій и польскій образецъ. Характеръ рѣзьбы по дереву, столь употребительный во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ украшеніяхъ дворца, также измѣнился. Обыкновенную русскую рѣзьбу по одной только поверхности дерева—замѣнила фигурная нѣмецкая рѣзьба во вкусѣ рококо, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ несомнѣннымъ памятникамъ изъ домашней утвари того времени.

Сдѣлавъ краткій обзоръ первоначальнаго Кремлевскаго дворца, можно положительно сказать, что дворецъ этотъ, дворецъ начала XVI в., не смотря на пожары и безпрестанныя перестройки и передѣлки, въ главныхъ чертахъ своихъ нисколько не измѣнился въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, и, покинутый царями въ началѣ XVIII столѣтія, устоялъ, хотя и въ развалинахъ, до временъ Императрицы Елизаветы Петровны, которая въ 1743 году приказала разобрать его и выстроить на его мѣстѣ новый дворецъ. Строителемъ дворца былъ знаменитый архитекторъ, графъ Растрелли. Дворецъ этотъ, въ 4 этажа, имѣлъ видъ довольно своеобразный и грандіозный, хотя по отзы-

ву одного иностранца, Тесьби де-Белькура,—дворецъ состоялъ изъ безпорядочныхъ, полуразрушенныхъ построекъ, какъ-будто онъ только что выдержалъ осаду отъ варваровъ разрушителей. Другіе, напротивъ, находили дворецъ оригинально-красивымъ. Въ 1812 году онъ подвергся не малому разрушенію, но въ 1817, 1818 и 1826 годахъ исправленъ и распространенъ и таковымъ оставался до 1838 года, когда начата постройка новаго Императорскаго Дворца.

2. Николаевскій дворецъ. Дворецъ этотъ принадлежалъ прежде митрополиту Платону и построенъ при Императрицѣ Екатеринѣ II-й. Это было низкое, довольно скромное зданіе новѣйшей архитектуры. По приказанію Императора Александра Павловича, въ 1818 году, домъ былъ купленъ для бывшаго въ то время великаго князя Николая Павловича, и съ тѣхъ поръ, до построенія Большаго Кремлевскаго дворца, въ немъ останавливалась императорская фамилія, и домъ началъ носить названіе Малаго Николаевскаго дворца. Въ 1824 г. къ нему придѣлана верхняя надстройка. Работа эта благополучно совершена подъ наблюденіемъ тогдашняго начальника Кремлевской экспедиціи князя Николая Борисовича Юсупова.—Новая реставрація дворца произведена въ 1872 году архит. Шохинымъ. Реставрація состояла въ подводкѣ фундамента и замѣнѣ верхняго деревяннаго этажа каменнымъ, безъ перемѣны планировки и убранства. Эта работа, сопряженная съ опасностью для рабочихъ и нравственнымъ рискомъ для архитектора, обошлась въ 400,000 рублей. Въ землѣ подведенъ цѣлый корпусъ, такъ-что грунтъ углубленъ на $8^1/_2$ и $12^1/_2$ арш. отъ поверхности земли. Вся реставрація обошлась въ 500,000 руб.—При входѣ во дворецъ, устроена подъемная машина въ видѣ крытой платформы. Мебель, матерія, убранство—новыя, но по старымъ рисункамъ, и каждый предметъ на своемъ мѣстѣ, равно какъ и кушетка, на которой, въ 1818 г., родился въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ II-й, а также

и ширмы. Изъ картинъ, находящихся во дворцѣ, замѣчательны: «Пожаръ Москвы въ 1812 году» и «Видъ храма Христа Спасителя»—Айвазовскаго, и «Въѣздъ короля Сигизмунда»—работы Бернарда Беташто. Кромѣ того, замѣчательна «бесѣдка» изъ слоновой кости, перламутра и малахита, подаренная Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, работы сенатора Поливанова и др. вещи.—Чистота и свѣжесть воздуха во дворцѣ поддерживается водяно-духовымъ отопленіемъ—калориферами, для которыхъ устроены подвалы. Передъ выходящими во дворъ окнами—садъ. Сзади сада, на дворѣ, противъ могилы свят. Алексія, въ углубленномъ мѣстѣ, зарыто 2.000 скелетовъ, найденныхъ и собранныхъ во время перестройки дворца, а также нѣсколько памятниковъ XVI и XVII столѣтій.

Съ одной стороны ко дворцу примыкаетъ Вознесенскій дѣвичій монастырь, съ другой—мужской, Чудовъ, Главный подъѣздъ дворца—съ Царской площади.

Большой Императорскій дворецъ. Постройка дворца начата 5 марта 1838 года, при чемъ исполненіе работъ возложено было Императоромъ Николаемъ Павловичемъ на вице-президента дворцовой конторы, барона Боде. Государь лично разсматривалъ всѣ проекты, составленные по его указанію архитекторомъ Тономъ.—При началѣ работъ положенъ въ цоколѣ дикій камень, на которомъ вырѣзано: «1838 г. іюня 30 дня». А при закладкѣ, въ слѣдующемъ году, подъ цоколь угла, гдѣ нынѣ кабинетъ Его Величества, положена мѣдная доска съ надписью: «Заложенъ въ царствованіе Императора Николая I, подъ управленіемъ министра Императорскаго двора генерала отъ-инфантеріи князя Петра Волконскаго, оберъ гофмейстера барона Боде. Строителемъ былъ архитекторъ Константинъ Тонъ».

Къ 1849 году Дворецъ былъ готовъ, и 3 апрѣля, въ день Пасхи, освященъ въ присутствіи Императора, Императорской фамиліи и всего народа московскаго.

Дворецъ расположенъ четвероугольникомъ по Кремлев-

скому холму. Главный фасадъ обращенъ на югъ. Восточною стороною онъ соединяется съ Грановитою палатою, западною—съ переходомъ къ аппартаментамъ Ихъ Величествъ и Оружейной палатѣ, сѣверною—съ теремами. Внутри этого четвероугольника стоитъ церковь Спаса на Бору. А пространство между западною стороною дворца и корпусомъ вдоль Кремлевской стѣны, отдѣленное отъ проѣзда чугунною рѣшеткою, занимаетъ Императорская площадь. Главный корпусъ дворца въ два этажа, но верхній этажъ въ два свѣта, почему дворецъ и кажется трехъэтажнымъ. Надъ срединою главнаго фасада возвышается квадратный куполъ, или трибунъ, съ барельефными изображеніями Государственныхъ орловъ и гербовъ царствъ и областей Имперіи. Въ куполѣ четыре слуховыхъ окна, подъ которыми помѣщены часы съ боемъ. Въ нихъ замѣчательны колокола—изъ бывшихъ прежде на Троицкой башнѣ курантовъ—чистотою звука. На вершинѣ купола утвержденъ, покрытый золотомъ, флагштокъ, для Императорскаго флага. Куполъ этотъ соединенъ съ кровлей металлическими связями, служащими громоотводомъ зданія, на которыя ушло болѣе 110,000 пудовъ желѣза. Система громоотводовъ устроена подъ наблюденіемъ академика Д. М. Перевощикова. Связи утверждены подъ руководствомъ маіора И. И. Ильина.—Площадь дворца съ Оружейною Палатою занимаетъ $1^1/_5$ десят. Главный фасадъ къ Москвѣ-рѣкѣ длиною 56 саж. Вышина дворца отъ мостовой до главнаго карниза, безъ купола, 13 саж., съ куполомъ флагштока 22 саж., флагштокъ 6 саж. Нижній этажъ дворца устроенъ выступомъ, при чемъ карнизъ служитъ балюстрадой открытой терассы. Дворецъ заключаетъ въ себѣ до 700 комнатъ, и вотъ порядокъ, которому слѣдуютъ, показывая дворецъ.

Парадныя сѣни. Четыре колонны изъ сѣраго сердобольскаго гранита поддерживаютъ своды сѣней. Налѣво аппартаменты Ихъ Величествъ. Противъ входа *Парадная лѣстница* изъ 66 ступеней. Направо лѣстница ведетъ къ

Благовѣщенскому собору. Своды поддерживаются десятью замѣчательно отдѣланными пилонами изъ коломенскаго сѣро-желтаго мрамора. За ними галлереи. Направо картина, изображающая «Куликовскую битву», фр. худ. Ивона. Предъ дверьми *аванъ-залы,* сдѣланными изъ цѣльнаго орѣха безъ клея, двѣ хрустальныя вазы, формы Медичи. Направо изъ аванъ-залы входъ въ *Георгіевскую залу*. Зала устроена въ честь ордена св. Георгія, учрежденнаго въ 1769 г. Екатериною II. Восемнадцать витыхъ цинковыхъ колоннъ высятся по сторонамъ залы. На стѣнахъ мраморныя доски съ вырѣзанными годами, означающими эпохи покоренія царствъ и областей, присоединенныхъ къ Россіи, названіями русскихъ полковъ, участвовавшихъ въ этихъ битвахъ, и именами кавалеровъ. У окна серебряная модель, поднесенная Донскими казаками Государю Императору въ 1870 году, представляетъ Ермака Тимофѣевича, Платова и аллегорическую фигуру р. Иртыша. Зала освѣщается 3,200 свѣч. Статуи сдѣланы проф. Витали, по плану писателя Вельтмана. Мебель въ залы дворца вносится только во время Высочайшихъ пріѣздовъ. Слѣдующая роскошная и со вкусомъ отдѣланная *зала Александровская,* въ честь ордена св. Александра Невскаго, учрежденнаго въ 1735 году. По стѣнамъ шесть картинъ проф. Миллера, изображающихъ событія изъ жизни св. Александра Невскаго. Зала освѣщается 4,500 свѣч. Третья *Андреевская зала*, въ честь ордена св. ап. Андрея Первозваннаго, учрежденнаго въ 1698 году Петромъ I. Зала отдѣлана вся подъ золото, общій цвѣтъ голубой. Здѣсь помѣщается Императорскій тронъ подъ балдахиномъ. Никакой мебели нѣтъ. Освѣщ. 2,000 свѣч. слишкомъ. *Кавалергардская*. Здѣсь стоитъ караулъ изъ кавалергардовъ при Высочайшихъ выходахъ. Здѣсь же помѣщается картина академика Сверчкова «Смотръ войскъ Іоанномъ Грознымъ». Кавалергардская соединяетъ Андреевскую съ *Екатерининской залой*, въ честь ордена святой великом. Екатерины, учрежденнаго въ 1714 году. Это—тронная зала Ея Имп. Велич. Въ ней замѣчательны пилястры изъ малахита съ завода Демидо-

выхъ на двухъ столбахъ.—*Парадная гостиная*. Меблировка гостиной во вкусѣ ренесансъ. Предъ диванами четыре стола во вкусѣ Буля [1]). Канделябръ въ японскомъ вкусѣ.—*Парадная опочивальня*—тоже во вкусѣ ренесансъ. Парадная кровать съ парчевымъ пологомъ. Колонны изъ древняго зелено-сѣраго мрамора, единственныя въ Россіи, пріобрѣтены у Демидовыхъ. Знатоками оцѣнены въ милліонъ рублей сер.—Далѣе слѣдуетъ *Парадная уборная*, откуда отлогая лѣстница ведетъ въ церковь Рождества Богородицы. — Отсюда переходъ въ *Зимній садъ*, поддерживающійся растеніями изъ оранжерей Нескучнаго сада.—Затѣмъ слѣдуютъ *аппартаменты Государя Наслѣдника*. Въ гостиной замѣчательны четыре гобеленовыя картины, представляющія нѣкоторыя сцены изъ Донъ-Кихота. Замѣчательны также и другія картины, какъ находящіяся на половинѣ Его Высочества, такъ и въ *картинной галлереѣ*, расположенной вдоль всего ряда пройденныхъ залъ. Картины поступили частью изъ Эрмитажа, частью изъ собранія частныхъ лицъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Въѣздъ Іоанна Грознаго на Красную площадь». Копіи съ знаменитѣйшихъ картинъ сдѣланы худ. Зейдельманомъ въ натуральную величину, акварелью: «Поклоненіе пастырей», или «Корреджіева ночь», «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, «св. Сикстъ и Варвара», оригиналъ которой находится въ Дрезденѣ. Корреджіо—«Богоматерь съ Младенцемъ Іисусомъ». Подлѣ нихъ—«св. Іоаннъ Креститель», «Епископъ Жеминьенъ, патронъ гор. Модены», Св. мученикъ Петръ Доминиканецъ» и «св. Георгій, попирающій голову чудовища, на растерзаніе котораго была отдана царица Лидія». Карла Дольче — «Женщина, держащая корзину съ фруктами» и его же «Цецилія». Рембранта—«Св. Семейство». Затѣмъ нельзя не упомянуть о слѣд. картинахъ: «Заключеніе мира Польши съ Турціей», «Соединеніе Литвы съ Польшей», «Освобожденіе Собіескимъ Вѣны отъ Турокъ». «Принятіе присяги Хивинскимъ Ханомъ отъ Польскаго короля Сигизмунда».—Изъ

[1]) Вкусъ этотъ преобладалъ во Франціи между 1642–1782 годами.

картинной галлереи переходъ въ восьмиугольную *Владимірскую залу*, въ честь ордена св. Владиміра. Съ одной стороны зала эта соединяется съ Георгіевской, съ другого—со св. Сѣнями, составляющими начало теремовъ. Тутъ старинная *Малая золотая палата*, служившая для пріема поздравленій въ торжественные дни, а за нею уже слѣдуетъ Палата Грановитая.—Главныхъ входовъ во Дворецъ четыре.

Кремлевскія площади.

Въ началѣ и половинѣ XVII вѣка въ Кремлѣ находилось болѣе 20 улицъ и болѣе 10 площадей. Само собою разумѣется, что всѣ эти улицы и площади были весьма незначительны: размѣры Кремля не допускали ихъ обширности. Большею частію это были не болѣе, какъ проѣзды между постройками и храмами, или небольшія пространства передъ дворцами и хоромами бояръ, представляя живописную путаницу, причемъ золотоглавые соборы, вычурные дворцы и палаты смѣшивались съ брусяными избушками «убогихъ людей», которымъ позволялось строить свои лачужки не только въ Кремлѣ на свободныхъ мѣстахъ, но даже подлѣ самыхъ церквей, стѣна къ стѣнѣ. Лучшія улицы и площади были вымощены досками. Большинство изъ нихъ названій никакихъ не имѣли, остальныя же по назначенію тѣхъ построекъ, возлѣ которыхъ находились или пролегали. Напримѣръ: Мыльная, Конюшенная Житная и т. п.

Главная и болѣе обширная площадь называлась *Ивановской*, такъ-какъ находилась у церкви св. Іоанна Лѣствичника. Изстари заведено было, что на эту площадь собирались бояре, дворяне и чиновные люди послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, чтобы потолковать о своихъ дѣлахъ. Тутъ же объявлялись дьяками во всеуслышаніе, во все горло, что называется, и царскіе указы, отчего и произошла поговорка: «кричать во всю Ивановскую». На

этой же площади сидѣли подъячіе и дьяки, выгнанные изъ службы, которые для безграмотныхъ людей писали челобитныя. Для этого на площади стояла палатка, называвшаяся Ивановской. Петръ Великій отмѣнилъ-было этотъ обычай, но привычка москвичей къ старому порядку заставила его измѣнить этотъ указъ и опредѣлить при Ивановской палаткѣ особаго старосту съ десятью подъячими для письма безграмотнымъ людямъ разныхъ актовъ, для рукоприкладства вмѣсто ихъ при совершеніи «крѣпостей» и для свидѣтельства. Еще ранѣе на этой площади происходилъ торгъ людьми: русскіе продавали плѣнниковъ своимъ и чужимъ. На ней же производились наказанія кнутомъ и батогами за взятки, посулы или лихоимство. Тутъ же выставляли на позоръ вора, вывѣшивая на шеѣ преступника захваченныя имъ вещи: кошелекъ съ деньгами, мѣха, одежду, даже соленую рыбу. Съ 1685 г. казни надъ преступниками переведены съ Ивановской площади на Красную.

Послѣ перенесенія столицы въ Петербургъ, въ Кремлѣ, безъ поправки, многія зданія стали ветшать, внутри кремлевскихъ стѣнъ оказалась большая нечистота, и дѣло дошло до того, что на бывшей между Троицкими и Боровицкими воротами улицѣ ставили караулъ, чтобы въ тамошнихъ погребахъ, безъ оконъ и дверей, не укрывались «воровскіе люди».

Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія Кремлемъ завѣдывалъ д. т. сов. Петръ Степановичъ Валуевъ. Дѣятельный въ исправленіяхъ зданій, принадлежавшихъ казнѣ, онъ исправилъ кремлевскія стѣны, зданія и очистилъ Кремль насколько это было возможно. Онъ же далъ и новыя названія площадямъ. Площадь отъ Спасскихъ воротъ къ соборамъ, противъ возобновленныхъ при немъ же въ готическомъ вкусѣ башенъ Вознесенскаго монастыря, наименована была—*Царскою*, у Боровицкихъ воротъ—*Императорскою*, противъ Сената — *Сенатскою*. Затѣмъ проложена была и новая, единственная теперь улица въ Кремлѣ, *Александровская*, пролегающая отъ Троицкихъ воротъ мимо Потѣшнаго дворца до Оружейной Палаты.

Называлась *Царскою*, а иногда *Красною*, и та небольшая площадь, которая находится между Грановитою Палатою, Иваномъ Великимъ, Успенскимъ и Архангельскимъ соборами. На ней, въ былое время, цари давали народу пиры и нерѣдко бесѣдовали съ народомъ. Во время коронацій Елизаветы Петровны и Екатерины II-й на ней изобильно угощали народъ.

Царская площадь долгое время служила мѣстомъ, гдѣ производились разводы и потому она называлась площадью плацъ-парада. Нѣкоторое время (въ первой четверти нынѣшняго столѣтія) площадь служила даже мѣстомъ гулянья для москвичей. Расположенная на высотѣ Кремлевской горы и обсаженная по южному краю деревьями, площадь дѣйствительно представляла превосходное мѣсто для прогулки. Видъ отсюда чрезъ зубчатую Кремлевскую стѣну, расположенную при подошвѣ горы, на Замоскворѣчье, очарователенъ. Прекрасная широкая лѣстница о 112 ступеняхъ вела съ площади къ Тайницкой башнѣ. Тутъ сиживали няньки и играли дѣти. Въ 1826 г. сдѣлана была новая лѣстница, уничтоженная при постройкѣ новаго дворца въ 1849 году.—Нѣкогда на этой площади находился непрерывный рядъ центральныхъ Приказовъ, отъ Архангельскаго собора почти до Кремлевской стѣны со Спасскими воротами, а въ томъ числѣ и Посольскій приказъ. Сперва, до Іоанна Грознаго, всѣ иностранныя дѣла производились, какъ говорили тогда,—«вверху», т. е. въ великокняжескихъ чертогахъ, самими князьями, при содѣйствіи ближнихъ бояръ и опытныхъ совѣтниковъ. Но съ покореніемъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, со многими завоеваніями въ Швеціи и Польшѣ, иностранныя дѣла такъ умножились, что для правильнаго веденія ихъ потребовалось и особое мѣсто, и особое вѣдомство. Покоритель означенныхъ царствъ—Іоаннъ Вас. Грозный, отвелъ для сего во дворцѣ особую палату, которая и называлась при немъ Посольскою палатою; а сынъ его Ѳеодоръ Іоанновичъ перенесъ дѣла изъ этой палаты въ особое, близъ дворца зданіе, которое и названо тогда Посольскимъ приказомъ. Въ 1652 г. царь Алексѣй Михаиловичъ повелѣлъ

отвести въ Кремлѣ новое обширнѣйшее для Приказа мѣсто и, построивъ на ономъ домъ, въ 1667 г., назвалъ его «Государственнымъ приказомъ посольской печати». Кругъ вѣдомства Посольскаго приказа все болѣе и болѣе расширялся, такъ-что, мало-по-малу, къ его области стали относиться не только иностранныя дѣла, но и другіе приказы, учрежденія, монастыри и лица. Приказомъ завѣдывали дьяки. Старшій изъ нихъ въ званіи печатника былъ всегда хранителемъ Государственной печати и носилъ ее иногда на шеѣ, какъ символъ своей обширной государственной власти. Многіе иностранные послы, пріѣзжавшіе тогда въ Россію, оказывали такое уваженіе къ дьякамъ Посольскаго приказа, пріобрѣтшимъ отъ навыка достаточныя въ политикѣ свѣдѣнія, что даже называли ихъ канцлерами.

Императорская площадь занимаетъ то именно пространство, гдѣ находилась древнѣйшая въ Москвѣ церковь Рождества Іоанна Предтечи на Бору. Была тутъ площадь и до постройки Императорскаго дворца, передъ соборомъ Спаса на Бору, ограничиваясь къ западу Боровицкими воротами и Потѣшнымъ дворцомъ.

Площадь *Сенатская* представляетъ весьма любопытное зрѣлище по отношенію къ исторіи архитектуры: Никольскія ворота строены при Іоаннѣ III, въ XV вѣкѣ, лицевой корпусъ Чудова монастыря—въ XVI вѣкѣ, Ивановская колокольня при Борисѣ Годуновѣ въ XVII вѣкѣ, арсеналъ—при Петрѣ Великомъ, сенатъ—при Екатеринѣ II въ XVIII вѣкѣ и казармы (бывшая Оружейная Палата)—при Императорѣ Александрѣ I—въ XIX вѣкѣ.

Памятникъ Царю-Освободителю.

Памятникъ Императору Александру II построенъ по южному склону Кремлевскаго холма, противъ малаго Николаевскаго дворца. Онъ имѣетъ 19 саж. протяженія по лицевому фасаду, обращенному внутрь Кремля, и 17 саж. по боковому фасаду, занимая площадь въ 323 квадр. саж. По боковымъ сторонамъ памятника спускаются отъ плаца по склону холма двѣ высокія каменныя лѣстницы, заканчивающіяся общею площадкою и широкимъ сходомъ, ведущимъ въ садъ близъ церкви св. Константина и Елены. Памятникъ по внѣшнему своему виду состоитъ изъ поднимающихся надъ склономъ Кремлевскаго холма выступа въ 8 саж. высоты, обрамленнаго поверху съ трехъ сторонъ сквозною галлерейкою, и главною сѣнью внутри ея со статуей Императора. Сквозная галлерейка, идущая по верхнему краю выступа, сооружена изъ бѣлаго песчаника и имѣетъ въ длину 35 саж., въ ширину $2^1/_2$ саж. и въ высоту до крыши 2 саж. Ея арки и своды поддерживаются 152-мя колоннами, расположенными въ два ряда. По фризу галлереи, начиная съ лѣвой ея стороны, высѣчена надпись: «*Сооруженъ добровольнымъ иждивеніемъ русскаго народа. Заложенъ въ лѣто отъ Рождества Бога Слова 1893-е Ве-*

ликимъ Государемъ Нашимъ Александромъ Александровичемъ и оконченъ при великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ въ лѣто 1898-ое". Своды галлереи украшены мозаичнымъ золоченымъ орнаментомъ въ видѣ розетокъ и звѣздъ. Эта мозаика служитъ узорнымъ фономъ, на которомъ расположены, въ самой серединѣ сводовъ, большіе медальонные мозаичные портреты русскихъ Государей, начиная со св. Владиміра и кончая Императоромъ Николаемъ I. Всѣхъ портретовъ 33. Въ углахъ, кромѣ розетокъ и звѣздъ, на свѣтло-бирюзовомъ фонѣ помѣщены еще мозаичные гербы Дома Романовыхъ и древніе государственные гербы, а во входныхъ стѣнахъ по четыремъ сторонамъ изображены двухглавые орлы старинныхъ государственныхъ гербовъ. Высоко поднимающаяся надъ галлереею главная сѣнь сдѣлана изъ темно-розоваго финляндскаго гранита и убрана украшеніями изъ темно-зеленой бронзы съ золотою облицовкою. Орнаментъ сѣни исполненъ въ стилѣ италіанскаго Возрожденія. Колонны сѣни, по четыре у каждаго угла, и карнизъ ея, кромѣ этого орнамента, украшены бронзовыми гербами, входящими въ составъ россійскаго государственнаго герба. Четырехсторонняя кровля сѣни, круто поднимающаяся кверху, сдѣлана вся изъ бронзовыхъ листовъ, чеканной работы, вызолоченныхъ черезъ огонь и украшенныхъ слаборельефнымъ орнаментомъ съ заливкою фона темно-зеленою эмалью. Отъ гранитнаго карниза сѣни къ шатровой кровлѣ сдѣланъ красивый переходъ изъ вызолоченной бронзы съ валикомъ, перевитымъ эмалевою лентою. Накладки на ребрахъ кровли—вылитыя изъ золоченой бронзы. Шатеръ сѣни увѣнчанъ большимъ бронзовымъ золоченымъ двуглавымъ орломъ. На трехъугольныхъ сводахъ или парусахъ, поддерживающихъ куполъ, изображены мозаичные же громадные двуглавые орлы. По краямъ купола сдѣлана слѣдующая надпись золотыми буквами: „*Родился 17-го апрѣля 1818 г. Вступилъ на престолъ 19-го февраля 1855 г. Вѣнчался на царство 26-го августа 1856 г. Въ Бозѣ почилъ 1-го марта 1881 г.*". При высотѣ сѣни въ 17 саж., ширина ея—4 саж., а пролеты ея арокъ равняются 3 саж. — Статуя Государя по-

мѣщается подъ сѣнью на четырехстороннемъ пьедесталѣ изъ краснаго гранита. Статуя отлита изъ темно-зеленой бронзы. Высота ея—7 арш., вѣсъ—600 пуд. — Императоръ Александръ II-й изображенъ въ одѣяніи, въ которомъ вѣнчался на царство, въ полной генеральской формѣ и въ Императорской порфирѣ. На лицевой сторонѣ пьедестала сдѣлана надпись: «Императору Александру II любовью народа». — Торжественное открытіе памятника состоялось 16 августа 1898 г. [1]).

---

[1]) Памятникъ сооруженъ по проэкту Н. В. Султанова и П. В. Жуковскаго. Статуя исполнена профессоромъ скульптуры А. М. Опекушинымъ. Мозаичные портреты, по эскизамъ художника П. В. Жуковскаго, какъ и самая галлерея сдѣланы въ Венеціи. Сѣнь надъ статуей Императора изготовлена на фабрикѣ Берга въ Петербургѣ. Вѣсъ стѣны до 650 пудовъ. Памятникъ освѣщенъ электричествомъ.

Памятникъ Великому Князю Сергѣю Александровичу.

Послѣдній по времени сооруженія изъ памятниковъ въ Кремлѣ поставленъ на мѣстѣ трагической кончины роднаго дяди нынѣ царствующаго Государя, Великаго Князя Сергѣя Александровича. При въѣздѣ въ Кремль чрезъ Никольскія ворота, въ близкомъ разстояніи отъ нихъ, между зданіями Окружного Суда и Арсенала останавливаетъ на себѣ вниманіе художественной работы высокій осмиконечный крестъ съ неугасимой лампадой на немъ. На этомъ мѣстѣ въ 3 часа дня 4 февраля 1905 года раздался оглушительный взрывъ, гулъ отъ котораго пронесся по всей Русской землѣ отъ краю и до краю. Гулъ этотъ наполнилъ скорбью и ужасомъ сердца всѣхъ, у которыхъ нравственное чувство не въ конецъ заглушено политическимъ фанатизмомъ и ненормальными условіями жизни современнаго общества.

Элементарныя требованія высшей морали въ русскомъ обществѣ нашихъ дней перепутались съ теоріями и умствованіями «учителей жизни», западно-европейскихъ и нашихъ, они извращены или отвергаются, какъ наслѣдіе давно минувшей, несознательной жизни человѣчества. Жизнь теперь для большинства представляется лишь борьбою за существованіе, а человѣкъ по отношенію къ ближнему—врагомъ, котораго надо побѣдить и поработить, что-

бы самому не быть побѣжденнымъ и порабощеннымъ. Забыты вѣчныя божественныя истины, проповѣданныя Богочеловѣкомъ, изъ которыхъ одна гласитъ, что отъ злого и рождается злое. Политическія убійства и, какъ неизбѣжное послѣдствіе ихъ, суровыя возмездія лишь въ исключительныхъ случаяхъ взбудораживаютъ общественную совѣсть и возмущаютъ нравственное чувство въ сбитомъ съ толку обществѣ. Въ наши печальные дни это нравственное чувство притупилось, потеряло свою чуткость и съ трудомъ, лишь на короткое время, протестуетъ даже и противъ грубаго нарушенія чистаго ученія Христа.

Покойный Великій Князь Сергѣй Александровичъ, предпослѣдній сынъ царя-Освободителя Александра 2-го, еще до назначенія его Генералъ-Губернаторомъ г. Москвы былъ виднымъ дѣятелемъ въ разныхъ благотворительныхъ и научныхъ учрежденіяхъ и основателемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, ознакомившись во время своего путешествія въ 1881 году въ Палестину съ положеніемъ русскихъ паломниковъ и ихъ нуждами, онъ по возвращеніи въ Петербургъ учредилъ Императорское Палестинское Общество и былъ первымъ его предсѣдателемъ. Дѣятельность этого общества, къ которому заботами его Августѣйшаго предсѣдателя были привлечены значительныя денежныя средства и силы, выразилась въ открытіи въ Палестинѣ больницы, странноприимнаго дома и школы и доставила возможность и самымъ бѣднымъ изъ русскихъ людей поклониться мѣстамъ, гдѣ протекала земная жизнь Спасителя. Интересуясь памятниками первыхъ временъ христіанства, покойный Великій Князь на свой счетъ предпринялъ раскопки близъ храма Гроба Господня. Раскопки эти подтвердили подлинность мѣста Голгоѳы, и тѣмъ оказали большія услуги Церкви и исторической наукѣ. Вообще, благодаря просвѣщенному содѣйствію и участію личными средствами и трудомъ Великаго Князя, русское искусство, археологія и исторія архитектуры обогатились многими цѣнными пріобрѣтеніями и открытіями.

Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. Сер-

гѣй Александровичъ, наравнѣ съ другими членами Царствующаго Дома, принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и на блокаду Плевны былъ награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени. Въ войну съ Японіей онъ вмѣстѣ съ Великой Княгиней дѣятельно заботился объ облегченіи участи вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ.

Строго-логически послѣдовательный въ заботахъ о сохраненіи и укрѣпленіи идеаловъ и началъ русской жизни, Великій Князь въ теченіе всей своей общественной дѣятельности неуклонно стоялъ на стражѣ православія, самодержавія и народности. Лишнимъ было бы говорить о томъ, что такая дѣятельность лица, облеченнаго высочайшимъ довѣріемъ, должна была создать ему смертельныхъ враговъ среди лицъ, недовольныхъ существующимъ порядкомъ, такъ какъ онъ стоялъ на пути къ ихъ стремленіямъ. И это въ концѣ-концовъ должно было неминуемо привести къ роковому исходу.

Здѣсь не мѣсто говорить о недавней русской революціи и о ея жертвахъ съ той и другой стороны. Да не пришло еще и время для безпристрастнаго суда надъ ними. Это—дѣло будущаго, когда безпристрастный историкъ произнесетъ правдивое слово о событіяхъ и дѣятеляхъ этой эпохи, грозною, кровавой бурей пронесшейся надъ нашей родиной, еще не пришедшей въ себя отъ невыразимыхъ ужасовъ несчастной войны на Дальнемъ Востокѣ. Достаточно будетъ сказать, что Великій Князь Сергѣй Александровичъ, неуклонно стоявшій на стражѣ тѣхъ началъ, которыя онъ считалъ за благо и за необходимое условіе существованія Русской земли, какъ единаго сильнаго государства, палъ искупительною жертвой за увлеченія и ошибки цѣлаго ряда общественныхъ группъ и ихъ борьбу между собою.

Припомнимъ вкратцѣ подробности этого печальнаго событія.

Незадолго до рокового дня Великій Князь сталъ получать анонимныя письма, въ которыхъ подъ угрозою смерти ему предлагалось отъ имени соціалистовъ-революціоне-

ровъ прекратить дѣятельность по прекращенію начавшагося въ странѣ броженія. Увѣренный въ правотѣ своего дѣла и надежности охраны, онъ мало обращалъ вниманія на эти письма и ограничился тѣмъ, что сталъ выѣзжать изъ дворца одинъ, безъ Великой Княгини, чтобы не подвергать ее опасности. 4-го февраля, около 3-хъ часовъ дня, онъ выѣхалъ изъ Николаевскаго дворца, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе, въ генералъ-губернаторскій домъ на Тверской. Когда карета съ Великимъ Княземъ быстро проѣзжала по Сенатской площади къ выѣзду изъ Кремля черезъ Никольскія ворота, какой-то молодой человѣкъ, передъ этимъ прогуливавшійся по тротуару, быстро сошелъ съ него и, поднявъ руки надъ головою, бросилъ что-то подъ нее. Въ тотъ же моментъ раздался оглушительный, подобный залпу изъ многихъ орудій, взрывъ, отъ котораго разомъ вылетѣли всѣ стекла въ окнахъ Окружного суда, задрожали стѣны близъ стоящихъ зданій и даже городскихъ рядовъ.

Силой взрыва Великій Князь былъ растерзанъ на куски. Среди обломковъ разбитой въ щепы кареты и обугленныхъ клочкахъ платья нашли только голову и грудь страдальца. На далекое пространство кругомъ снѣгъ былъ забрызганъ царственною кровью. Останки Великаго Князя были съ трудомъ собраны прибѣжавшими на взрывъ, уложены въ чью-то шинель и въ сопровожденіи прибѣжавшей на мѣсто страшнаго преступленія Великой Княгини отнесены въ Николаевскій дворецъ.

Великій Князь скончался на 48 году своей жизни (родился 19 апрѣля 1857 г.).

Черезъ три года, а именно 2 апр. 1908 г., на мѣстѣ его мученической кончины поставленъ памятникъ. Онъ представляетъ изъ себя высокій бронзовый съ эмалью крестъ, исполненный по рисунку художника Васнецова, съ изображеніемъ распятія и надъ нимъ Скорбящей Божіей Матери. Крестъ укрѣпленъ на красивомъ постаментѣ изъ темно-зеленаго лабрадора. Основаніе памятника гранитное. На крестѣ внизу надпись: «Отче, отпусти имъ,—

не вѣдаютъ бо, что творятъ». На мраморномъ постаментѣ другая надпись: «Поставленъ на доброхотныя пожертвованія, собранныя пятымъ гренадерскимъ Кіевскимъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны полкомъ въ память своего бывшаго шефа Великаго Князя Сергѣя Александровича, на семъ мѣстѣ убіеннаго, и на пожертвованія всѣхъ почтившихъ память Великаго Князя».

Оглавленіе.

	Стр.
— **Кремль**	3
— **Успенскій соборъ**	17
О св. иконахъ, находящихся въ соборѣ	—
О св. митрополитахъ и чудотворцахъ московскихъ	—
Ризница Успенскаго собора	30
О торжественныхъ обрядахъ, совершаемыхъ въ Успенскомъ соборѣ	37
О крестныхъ ходахъ, совершаемыхъ изъ Успенскаго собора	38
— **Архангельскій соборъ**	41
О почивающихъ въ соборѣ великихъ князьяхъ	—
О св. князѣ Михаилѣ и бояринѣ его Ѳеодорѣ	—
Ризница Архангельскаго собора	50
— **Благовѣщенскій соборъ**	54
— **Спасъ на Бору**	64
О св. Стефанѣ, епископѣ Пермскомъ	—
— **Верхо-Спасскій соборъ**	68
— **Кремлевскія церкви**	70
— **Вознесенскій дѣвичій монастырь**	78
О св. препод. Евдокіи	—
Гробницы княгинь	—
— **Чудовъ монастырь**	93
О св. Алексіи, митропол. московскомъ	—
Ризница Чудова монастыря	—
— **Колокольня Ивана Великаго**	104
— **Кремлевскія ворота**	109
— **Спасскія ворота**	116

Стр.

— **Царь Колоколъ** 125
— **Потѣшный дворецъ** 131
— **Грановитая Палата и Красное крыльцо** 136
— **Патріаршій домъ** 140
Библіотека ..... —
Ризница ..... —
Мурованіе ..... —
— **Арсеналъ** 148
— **Оружейная Палата** 150
— **Царскіе терема** 163
— **Бывшая Оружейная Палата.** 166
— **Царь-пушка** 167
— **Зданіе судебныхъ установленій** 169
— **Дворцы** 172
Прежніе дворцы ..... —
Николаевскій дворецъ 178
Большой Императорскій дворецъ 179
Кремлевскія площади 184
Памятникъ Императору Александру II-му 185
Памятникъ Великому Князю Сергѣю Александровичу 186